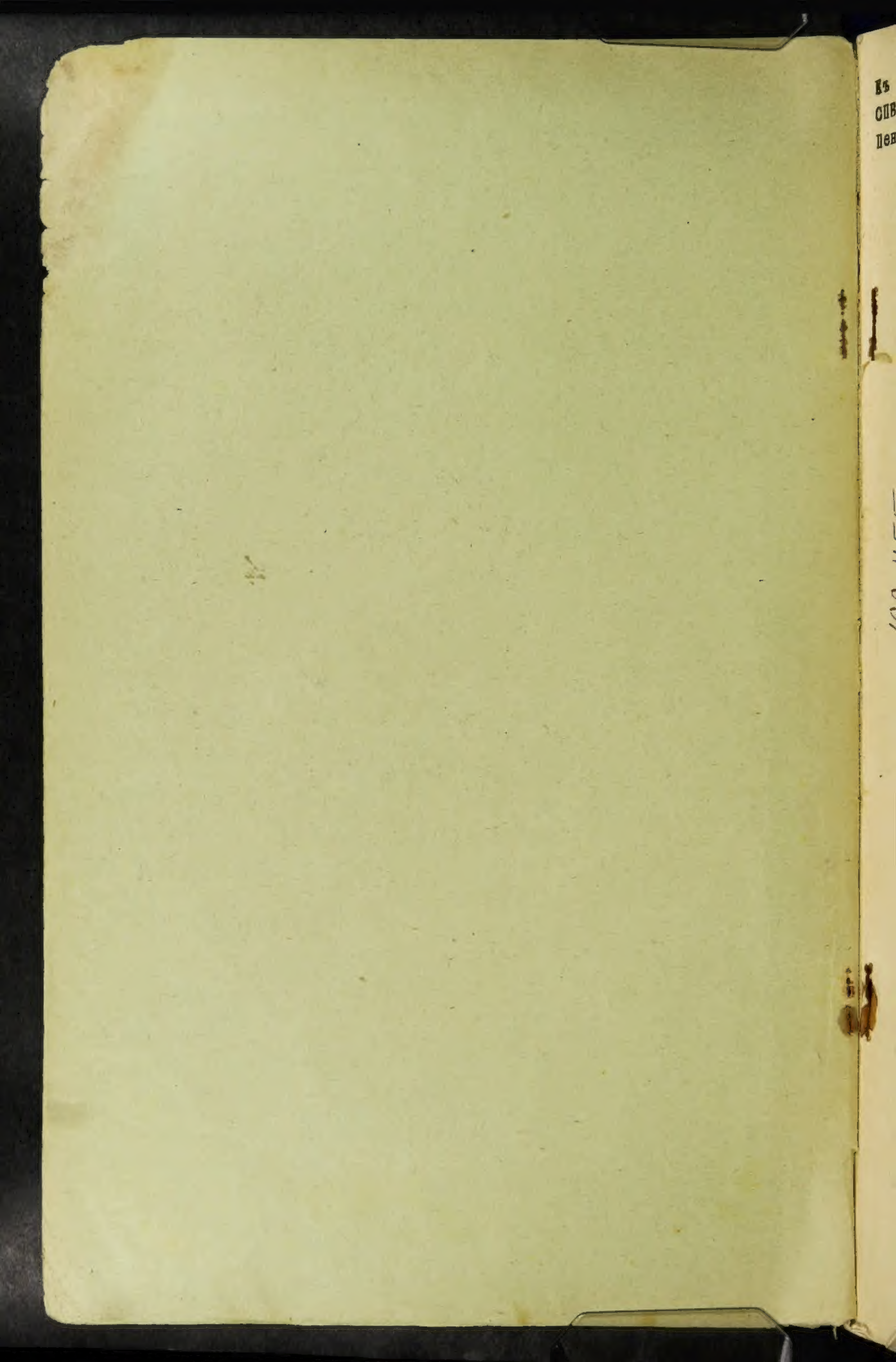

СКЛАДЪ ИЗДАНІЯ ЖУРНАЛА

„Театръ и Искусство“.

Спб., Вознесенскій проспектъ, д. 4. Телеф. № 16-69.

Для телеграммъ: Петербургъ, Театрискусство.

Къ представленію дозволено за №6588
СПБ. 12 Мая 1912г.
Цензоръ Драматическихъ сочиненій М.Толстой.

ГИБЕЛЬ МОСКВЫ

Былъ вѣкъ бурный, дивный вѣкъ,
Громкій, величавый;
Былъ огромный человѣкъ,
Расточитель славы...

"Денисъ Давыдовъ"

Драма въ четырехъ дѣйствіяхъ и шести картинахъ

А. В. Голенищевой - Кутузовой

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Фельдмаршалъ - князь ГОЛЕНИЩЕВЪ-КУТУЗОВЪ, главнокомандующій (67л.)
Графъ ГРИГОРІЙ ПАВЛОВИЧЪ (25 лѣтъ) } СѢВЕРСКІЕ.
Графъ МИХАИЛЪ ПАВЛОВИЧЪ (23-хъ лѣтъ) }
СЕРГѢЙ ПЕТРОВЪ (около 30 лѣтъ), управитель гр. Сѣверскаго.
МАША РЯБИНИНА (Марія Андреевна) 20 лѣтъ.
ЗИНАИДА ТРОФИМОВА (25 лѣтъ), актриса.
Графъ РАСТОПЧИНЪ, московскій генералъ-губернаторъ.
Графъ БЕНИГСЕНЪ (67 лѣтъ) }
БАРКЛАЙ-ДЕ-ТОЛЛИ (за 40 лѣтъ) }
ЕРМОЛОВЪ }
РАЕВСКІЙ } ГЕНЕРАЛЫ.
Графъ ОСТЕРМАНЪ-ТОЛСТОЙ }
ДОХТУРОВЪ }
УВАРОВЪ }
КОНОВНИЦЫНЪ }
КАЙСАРОВЪ }
ПОТЕМКИНЪ }
ЕФРЕМОВЪ } ПОЛКОВНИКИ.
ТОЛЬ }
САВЛИНЪ }
Князь ГОЛИЦЫНЪ
ГЛИНКА - писатель.
АДЪЮТАНТЪ Кутузова.

ФОМКА-ХОМЯКЪ , старикъ
ВОРОНЪ (лѣтъ 35) } Острожники.
ГРИШКА РЫЖIЙ
АГАФОНЪ - буфетчикъ, старикъ.
ГРУНЯ - горничная.

ФРАНЦУЗЫ, НѢМЦЫ, ПОЛЯКИ, ДЕНЩИКЪ, СОЛДАТЫ, БАБЫ, ПОСЕЛЕНЦЫ, КРЕСТЬЯНЕ.

--------oooooooooooOOOOOOOOOOOOoooooooooooo--------

ДѢЙСТВIЕ ПЕРВОЕ.

КАРТИНА ПЕРВАЯ.

Поклонная гора. Вдали Москва съ Кремлемъ и колокольнями. МАША сидитъ у вершины горы. САБЛИНЪ входитъ на вершину.

1.

САБЛИНЪ. Отсюда вся Москва видна, какъ на ладони.

МАША (встаетъ) Господинъ офицеръ...

САБЛИНЪ (спускаясь съ горы) Полковникъ Саблинъ, къ вашимъ услугамъ, барышня.

МАША. Мнѣ сказали, господинъ полковникъ, что я могу найти графа Сѣверскаго на Поклонной горѣ.

САБЛИНЪ. Да, Григорiй Павловичъ состоитъ при князѣ Кутузовѣ, а тотъ долженъ прибыть сюда для осмотра позицiи.

МАША. Не думайте дурно обо мнѣ, господинъ полковникъ. Ѣду къ отцу. Мы съ нимъ послѣ разорѣнiя нашли прiютъ у Сѣверскихъ. Графъ Григорiй извѣстилъ меня, что мой отецъ раненъ при Бородинѣ.

САБЛИНЪ. Да, много народу перебито въ этомъ бою, и не перечтешь. У меня до сихъ поръ стоитъ въ ушахъ несмолкаемый бородинскiй стонъ. Стонали воздухъ, земля, поля, живые окровавленные холмы, гдѣ раненые задыхались подъ грудой мертвыхъ тѣлъ. Въ дыму, какъ тѣни бродили уцѣлѣвшiе, отыскивая своихъ... Памятная картина... А насчетъ вашего отца вы сейчасъ можете узнать, барышня. Сюда идетъ младшiй Сѣверскiй, Михаилъ Павловичъ.

Входитъ графъ МИХАИЛЪ СѢВЕРСКІЙ, Саблинъ уходитъ.

2.

МАША. Здравствуйте, графъ...

М.СѢВЕРСКІЙ. Маша... Вы? Какими судьбами? Или вы по мнѣ соскучились?

МАША. Вашъ братъ извѣстилъ меня, что батюшка раненъ. Скажите, графъ, гдѣ онъ? Какъ его здоровье?

М.СѢВЕРСКІЙ. Не тревожьтесь, Мари. Ему кажется лучше.

МАША. Можетъ быть его отправили въ Москву?

М.СѢВЕРСКІЙ. Весьма вѣроятно. Гриша долженъ знать... А вѣдь мы подъ самой Москвой будемъ драться... Интересно...

МАША. Что же мнѣ теперь дѣлать? Вернуться въ деревню?

М.СѢВЕРСКІЙ. Зачѣмъ? Мы съ вами и здѣсь можемъ подождать брата. Кстати, вотъ и скамейка. Ее вѣроятно приготовили для главнокомандующаго, но это не важно. Командованіе хорошенькой женщины я всегда охотнѣе признаю.

МАША. Удивляюсь вашей веселости, графъ. Послѣ ужасовъ Бородина..

М.СѢВЕРСКІЙ. Ради Бога, не напоминайте... Я все дѣлаю, чтобъ забыть, и для меня бесѣда съ вами - сущій праздникъ. Не отодвигайтесь же, прелесть моя... Уроните хоть каплю состраданія въ кубокъ жизни несчастнаго, озвѣрѣвшаго въ бояхъ, гусара.

МАША. Я думав, этотъ кубокъ бываетъ чаще всего наполненъ виномъ.

М.СѢВЕРСКІЙ. И любовью, но для начала и состраданіе ничего, годится. Вы не смотрите, что я шучу, Мари. Я способенъ умереть съ улыбкой на губахъ - таковъ ужъ мой характеръ, и я чувствую, что умираю отъ любви къ вамъ.

МАША. Да полноте дурачиться, графъ... Мнѣ право не до того.

М.СѢВЕРСКІЙ. Не вѣрите? Таковъ ужъ мой удѣлъ. Никто не вѣритъ мнѣ, а съ отчаянія я и самъ себѣ не вѣрю. Но еслибъ вы...

МАША. Постойте. Сюда идутъ генералы... (встаетъ)

М.СѢВЕРСКІЙ. Не будемъ мозолить имъ глаза. Я пришелъ сюда украдкой, по предчувствію, прелестная Мари... Вонъ самъ старикъ Кутузовъ, Ермоловъ, Толь, Голицынъ... Мимо, мимо, дитя мое... Близость такого избраннаго общества можетъ быть для меня опасна. Подождите здѣсь, если желаете узнать про отца, а я принужденъ ретироваться... (Уходитъ. Маша скрывается за вершиной горы. Входятъ КУТУЗОВЪ, ЕРМОЛОВЪ, ТОЛЬ и ГОЛИЦЫНЪ).

3.

КУТУЗОВЪ. Пора бы генералу Барклаю вернуться съ обозрѣнія позиціи.

ЕРМОЛОВЪ. Желаете взойти на вершину горы, ваша свѣтлость?

КУТУЗОВЪ. Погоди, Алексѣй Петровичъ, дай вздохнуть. Далеко мнѣ дотвоей пылкости, не тѣ годы... Сыровато сегодня, хорошо, что развели костеръ...

ГОЛИЦЫНЪ. Это полковникъ Толь позаботился.

КУТУЗОВЪ. Спасибо, спасибо, голубчикъ... Ну, что-жъ, веди меня, пожалуй, на гору... (всходитъ на вершину) Роскошный видъ... Москва сверкаетъ золотомъ церквей, какъ женщина драгоцѣннымъ убо" ромъ. Сады ея зеленѣютъ, какъ побѣдный вѣнокъ, перевязанный голбой лентой рѣки... Какой просторъ... Какая красота... (задумывается)

ЕРМОЛОВЪ. Расчувствовался, старичекъ... (всходитъ на гору) Мы отстоимъ Москву-матушку, князь. Не дадимъ въ обиду.

КУТУЗОВЪ. Да, да, конечно... Скажи, Ермоловъ, развѣ мыслимо отдать врагамъ сердце Россіи? Кто посмѣетъ даже заикнуться объ этомъ?

ЕРМОЛОВЪ. Если бы нашелся такой измѣнникъ, его разорвали бы на части.

ТОЛЬ. Такого нѣтъ между нами.

КУТУЗОВЪ. Вѣрю... (спускается внизъ) Что же касается позиціи... Голицынъ, взгляни-ка, голубчикъ, не видать-ли Барклая? (садится)

ГОЛИЦЫНЪ. Генералъ сейчасъ подъѣхалъ, ваша свѣтлость.

КУТУЦОВЪ. И отлично. Послушаемъ его, послушаемъ... (входитъ БАРКЛАЙ) Ну, генералъ, что скажете?

Явленіе 4.

БАРКЛАЙ. Принужденъ донести вашей свѣтлости, что избранную графомъ Бенигсеномъ позицію нахожу крайне неудобной.

КУТУЗОВЪ. Какъ... Потрудитесь объяснить...

БАРКЛАЙ. Прежде всего меня удивляетъ, какъ можно было выбрать такую растянутую позицію. Наша армія, уже ослабленная Бородинской битвой, будетъ раскинута подобно паутинѣ по пересѣченой крутыми оврагами мѣстности, примкнута правымъ крыломъ къ весьма неудобному для засадъ лѣсу. Резервы лѣваго крыла, будучи придвинуты слишкомъ близко, должны стрѣлять по своимъ. Позади рѣка и городъ. Въ случаѣ пораженія, весьма возможнаго, судя по превосходству силъ непріятеля...

КУТУЗОВЪ. Объ этой возможности не стоитъ заранѣе распространяться, ваше превосходительство.

БАРКЛАЙ. Я только хотѣлъ сказать, что при сей позиціи отступленіе невозможно...

ЕРМОЛОВЪ. Тѣмъ лучше... Мы по горло сыты отступленіями.

БАРКЛАЙ. Вытѣсненные изъ позиціи войска будутъ сброшены съ

обрывовъ въ рѣку, опрокинуты на городъ, и вся армія уничтожена до послѣдняго человѣка.

КУТУЗОВЪ. Сильно сказано.

БАРКЛАЙ. Это мое глубокое убѣжденіе.

КУТУЗОВЪ. Такъ что же прикажете дѣлать? Гдѣ принять бой?

БАРКЛАЙ. Не знаю, князь, но повторяю - на этой мѣстности защита немыслима..

КУТУЗОВЪ. Согласитесь, однако, что бой необходимъ, дабы оградить отъ враговъ Москву... Москва... Для вашего превосходительства это можетъ быть и пустое слово, но для каждаго изъ насъ...

БАРКЛАЙ. Повѣрьте, князь, умереть подъ Москвою и я сумѣю.

КУТУЗОВЪ. Знаю, знаю, генералъ, но о невозможности обороны столицы не могу говорить спокойно.. Для спасенія Москвы мы должны отдаться на произволъ сраженія. Этого требуютъ отъ насъ войска, этого требуетъ народъ, наконецъ этого требуетъ вся Россія. За цѣлость столицы мы отвѣтственны передъ родиной, передъ Государемъ.

БАРКЛАЙ. Понимаю, ваша свѣтлость, но на своемъ мнѣніи принужденъ настаивать.

КУТУЗОВЪ. Ну, мы съ вами, Михаилъ Богдановичъ, люди немолодые, и хотя я вполнѣ довѣряю вашей опытности, но можетъ быть дѣло представляется намъ въ слишкомъ мрачномъ свѣтѣ... Умъ - хорошо, говорится, а два лучше... Полковникъ Толь!..

ТОЛЬ. Что прикажете, ваша свѣтлость?

КУТУЗОВЪ. Ты слышалъ, братецъ, мнѣніе его превосходительства, но такъ какъ мѣстность тебѣ знакома, я желалъ бы знать и твое.

ТОЛЬ. Долженъ сказать, ваша свѣтлость, что никогда не предложилъ бы подобной позиціи, и что, занявъ ее, мы подвергались бы большой опасности.

КУТУЗОВЪ. Не удивляюсь, разъ ее избралъ графъ Бенигсенъ. Но опасна она или нѣтъ, намъ нѣтъ выбора. Измѣнить можно только детали, мелочи... Какъ по твоему, Ермоловъ?

ЕРМОЛОВЪ. Трудно съ перваго взгляда судить о мѣстности, князь, но можно усумниться въ возможности удержаться на сей позиціи, а разъ есть сомнѣнія, по моему лучше отказаться отъ этого пункта обороны и выбрать другой.

КУТУЗОВЪ. Отказаться отъ обороны столицы... Дай-ка руку... (щупаетъ ему пульсъ) Здоровъ-ли ты, голубчикъ? Подумай, что ты говоришь?...

ЕРМОЛОВЪ. Вы не можете сомнѣваться, князь, въ моей готовности защищать Москву, но лѣзть въ петлю только изъ желанія угодить нѣмцамъ...

КУТУЗОВЪ. Дѣло не въ томъ... Такъ, что же дѣлать, господа? Избрать другую позицію подъ Москвой? Укажите, гдѣ?...

БАРКЛАЙ. Затрудняюсь, ваша свѣтлость. Потребуется весьма ос-

вовательное изученіе мѣстности...

КУТУЗОВЪ. А пока мы будемъ изучать, Наполеонъ весьма основательно поколотитъ насъ и займетъ Москву... Слушай, Ермоловъ, поѣзжай-ка съ Толемъ еще разъ осмотрѣть позицію и донести мнѣ объ ея недостаткахъ. Но ради Бога не медлите, господа... Время не терпитъ.

ЕРМОЛОВЪ. Будьте покойны, ваша свѣтлость. (уходитъ съ Толемъ)

КУТУЗОВЪ. Это не провѣрка доставленныхъ вами свѣдѣній, генералъ. Я это дѣлаю только для очистки совѣсти. (Барклай молчитъ, сдерживая обиду. Входитъ Раевскій, Григорій Сѣверскій, потомъ Потемкинъ).

5.

КУТУЗОВЪ. А, Раевскій, что нужно?

РАЕВСКІЙ. Пріѣхалъ узнать, какія будутъ распоряженія вашей свѣтлости насчетъ аріергарда?

КУТУЗОВЪ. А вотъ подождемъ, пока вернется Ермоловъ... Тебѣ что, Сѣверскій?

ГР.СѢВЕРСКІЙ. Честь имѣю доложить, что приказаніе вашей свѣтлости относительно движенія артиллеріи передано мною генералу Дохтурову.

КУТУЗОВЪ. Хорошо. Подожди здѣсь. Можетъ, еще понадобишься... Что скажешь, Потемкинъ?

ПОТЕМКИНЪ. Пріѣхалъ къ вашей свѣтлости за приказаніями отъ генерала Милорадовича, такъ какъ въ виду близости непріятеля генералъ не можетъ покинуть войска.

КУТУЗОВЪ. Это касается генерала Бенигсена. Ступай къ нему. (Потемкинъ уходитъ. Входитъ графъ РАСТОПЧИНЪ) Кто тамъ еще?

6.

ГОЛИЦЫНЪ. Московскій генералъ-губернаторъ, ваша свѣтлость, графъ Растопчинъ.

КУТУЗОВЪ. Графъ Федоръ Васильевичъ... Очень радъ, очень радъ.. (подаетъ руку)

РАСТОПЧИНЪ. Мое почтеніе, князь. Я желалъ бы сказать вамъ два слова.

КУТУЗОВЪ. Сколько угодно. Съ такимъ собесѣдникомъ всегда пріятно обмѣняться мыслями. (отводитъ его въ сторону)

РАСТОПЧИНЪ. Князь, я проѣзжалъ по предполагаемой позиціи вашихъ войскъ и съ прискорбіемъ долженъ сознаться, что не вижу ея выгодъ, а замѣтилъ одни недостатки. Мѣстность круто опускается къ городу, всюду овраги...

КУТУЗОВЪ. Знаю, графъ, но за эту позицію благодарите не меня, а графа Бенигсена. Мѣнять теперь уже поздно.

РАСТОПЧИНЪ. Но что же вы сдѣлаете, князь, въ случаѣ отступленія?

КУТУЗОВЪ. Ничего не могу сказать вамъ заранѣе.

РАСТОПЧИНЪ. Вамъ придется подумать о сообщеніи съ внутренними губерніями.

КУТУЗОВЪ. Обо многомъ придется подумать, графъ: и о внутреннихъ губерніяхъ, и о сѣверѣ, а прежде всего, разумѣется, о спасеніи столицы. Я желалъ бы, чтобы архіепископъ привезъ намъ чудотворныя иконы, чтобы духовенство окропило войска...

РАСТОПЧИНЪ. Извините меня, князь, но вы, какъ будто, не къ защитѣ, а къ смерти готовитесь.

КУТУЗОВЪ. Въ мои годы, батюшка, надо быть ко всему готовымъ. Пріѣзжайте завтра, тогда посмотримъ.

РАСТОПЧИНЪ. А развѣ можно ручаться, что завтра не будетъ сраженія?

КУТУЗОВЪ. Можно, графъ. Я знаю методу Наполеона. Завтра онъ дастъ еще отдохнуть войскамъ, послѣзавтра развѣдаетъ мѣстность и только на слѣдующій день сдѣлаетъ нападеніе. А мы къ тому времени исправимъ позицію и приготовимся къ защитѣ-ли, къ смерти-ли, тамъ видно будетъ.

РАСТОПЧИНЪ. Вы меня извините, ваша свѣтлость, но я къ вамъ не пустословить пріѣхалъ. Не имѣю этого обыкновенія.

КУТУЗОВЪ. А я, ваше сіятельство, не имѣю обыкновенія заранѣе разглашать о моихъ намѣреніяхъ.

РАСТОПЧИНЪ. Если вы отказываетесь защищать столицу, вы были обязаны предупредить меня...

КУТУЗОВЪ. А кто вамъ сказалъ, что я отказываюсь отъ защиты?

РАСТОПЧИНЪ. Впрочемъ, совѣсть моя спокойна: почти все казенное имущество вывезено, жители покинули Москву, и, занявъ опустѣлый городъ, непріятель особенныхъ выгодъ не получитъ.

КУТУЗОВЪ. Вы вольны думать, что вамъ угодно, графъ, но объ оставленіи Москвы не можетъ быть и рѣчи... Однако, здѣсь прохладно. Не вернуться ли намъ къ огню? (Растопчинъ подходитъ къ Раевскому. Кутузовъ садится на скамейку. Входятъ Дохтуровъ, Коновницынъ и Уваровъ).

7.

КУТУЗОВЪ. Что скажешь, Дохтуровъ?

ДОХТУРОВЪ. Имѣю честь доложить вашей свѣтлости, что нѣтъ никакой возможности провезти артиллерію по причинѣ крутыхъ береговъ рѣки.

КУТУЗОВЪ. Такъ пріостановить движеніе войскъ впредь до полученія окончательныхъ свѣдѣній насчетъ позиціи.

РАЕВСКIЙ. Еслибъ можно было отодвинуть правое крыло отъ врага...

ДОХТУРОВЪ. Куда же намъ двинуться, ваше превосходительство? Не въ рѣку же...

БАРКЛАЙ. Дѣло не въ оврагѣ, а въ томъ, что позиція невозможна.

РАЕВСКIЙ. Конечно, разъ ее выбрали нѣмцы...

БАРКЛАЙ. Беру васъ въ свидѣтели, графъ: развѣ на этой мѣстности возможна оборона? Съ нашей разстроенной арміей...

РАСТОПЧИНЪ. Я берусь выслать вамъ изъ Москвы нѣсколько тысячъ воиновъ, генералъ, и самъ готовъ стать во главѣ этой боевой дружины.

БАРКЛАЙ. Нѣтъ, это все не то. Неопытная, необстрѣленная дружина лишь увеличитъ безпорядокъ. Непріятель болѣе чѣмъ вдвое многочисленнѣе насъ, у него имѣются свѣжія войска, а наши утомлены битвой. Надо отступать.

РАЕВСКIЙ. Позвольте, ваше превосходительство, этакъ мы и до сдачи Москвы договоримся. Довольно съ насъ и Смоленска - воротъ Москвы.

БАРКЛАЙ. Вы видите, графъ, что хотятъ дѣлать? Если дойдутъ до такой глупости, что примутъ сраженіе на этомъ мѣстѣ, единственно, чего я желаю, это чтобы меня убили... (входитъ БЕНИГСЕНЪ и, раскланявшись съ Кутузовымъ и Барклаемъ, подходитъ къ Растопчину).

8.

БЕНИГСЕНЪ. Вы не узнаете меня, графъ?

РАСТОПЧИНЪ. Графа Бенигсена я всегда узналъ бы, хотя мы давно не видѣлись.

БЕНИГСЕНЪ. Но не по моей винѣ; я всегда былъ расположенъ къ вамъ, и скажу вамъ съ полной откровенностью: я не вѣрю въ возможность возвѣщеннаго княземъ Кутузовымъ сраженія.

РАСТОПЧИНЪ. Но, если я не ошибаюсь, позиція избрана вами?

БЕНИГСЕНЪ. Да, но по его распоряженію. Если онъ слѣпъ не только на одинъ, но и на оба глаза, я-то отлично вижу, что окрестности Москвы не представляютъ ни одного удобнаго пункта для обороны. Вездѣ у насъ путаница, неточность, полное отсутствіе разумной системы. Война ведется по азіатски, отчетности никакой. Мы сами не знаемъ, сколько у насъ войскъ въ строю, а между тѣмъ потери огромны...

РАСТОПЧИНЪ. Что же дѣлать, графъ, по вашему мнѣнію?

БЕНИГСЕНЪ. По моему необходимо отступленіе и сдача Москвы, но это, конечно, между нами, любезный графъ. Самъ же я слишкомъ хорошо понимаю значеніе священной русской столицы, чтобы настаивать на оставленіи ея.

РАСТОПЧИНЪ. А войско готовится къ защитѣ, не такъ ли?

БЕНИГСЕНЪ. Да, но съ малой надеждой на успѣхъ, а начальники только и думаютъ, какъ бы подкопаться подъ меня въ угоду Кутузову.

Мое положенiе весьма щекотливое, но изъ чувства патрiотизма я все терплю.

РАСТОПЧИНЪ. Я тоже могъ бы пожаловаться. Меня игнорируютъ, совѣтами моими пренебрегаютъ, и мнѣ только остается умереть на развалинахъ зажженнаго моей рукой родного города... (возвращаются Толь и Ермоловъ).

9.

ЕРМОЛОВЪ. Честь имѣю донести вашей свѣтлости, что указанныя генераломъ Барклаемъ неудобства мѣстности весьма значительны и по моему мнѣнiю совершенно устраняютъ возможность сраженiя на данной позицiи.

ВЕНИГСЕНЪ. Такъ ищите другую, а я отказываюсь.

КУТУЗОВЪ. А что, въ случаѣ надобности, возможно отступленiе съ сей позицiи на Калужскую дорогу?

ЕРМОЛОВЪ. Невозможно, ваша свѣтлость. Напротивъ, аттакуя насъ, непрiятель сблизится съ этой дорогой. Мы загнаны въ западню, и вотъ послѣдствiя долговременнаго отступленiя по всѣмъ правиламъ нѣмецкой тактики...

ВАРКЛАЙ. Личности здѣсь неумѣстны, ваше превосходительство. (Кутузовъ, сидя у огня, молча, но съ замѣтнымъ волненiемъ прислушивается къ толкамъ).

РАСТОПЧИНЪ. Если бъ у меня спросили, что дѣлать, я отвѣтилъ бы: разрушьте столицу, прежде чѣмъ уступить ее врагамъ. Таково мое мнѣнiе, какъ графа Растопчина, но какъ губернаторъ, обязанный заботиться о благѣ города, не могу подать такого совѣта.

ЕРМОЛОВЪ. Развѣ можно поднимать вопросъ объ оставленiи Москвы? Рѣчь идетъ объ измѣненiи позицiи.

ВЕНИГСЕНЪ. Позицiи измѣнить нельзя.

ЕРМОЛОВЪ. Но, согласитесь, графъ, что нѣкоторыя измѣненiя необходимы. Какъ по вашему, Коновницынъ?

КОНОВНИЦЫНЪ. Конечно. Не правда ли, Уваровъ?

УВАРОВЪ. По моему, гдѣ бы ни драться, лишь бы отстоять Москву.

РАЕВСКIЙ. Необходимо все перекроить.

ВЕНИГСЕНЪ. Да говорятъ же вамъ, господа, что это невозможно... Удивляюсь русскому упорству...

ЕРМОЛОВЪ. Оно далеко уступаетъ нѣмецкому...

ДОХТУРОВЪ. Если не измѣнятъ позицiи, я ни за что не отвѣчаю.

БАРКЛАЙ. Намъ останется только умереть. Для этого всякая позицiя годится.

ЕРМОЛОВЪ. А выбранная графомъ - особенно...

КУТУЗОВЪ (встаетъ) При такомъ крайнемъ разногласiи вижу, что

намъ безъ военнаго совѣта не обойтись. Приглашаю всѣхъ господъ генераловъ ко мнѣ на квартиру въ деревню Фили. Буду ждать къ пяти часамъ, а пока до свиданія... Пойдемъ со мной, князь. (уходитъ съ Голицынымъ, всѣ за нимъ).

ЕРМОЛОВЪ (уходя) Военный совѣтъ... Пустяки... Одна формальность...

РАЕВСКІЙ. Старикъ себѣ на умѣ. Недаромъ говорятъ про него: онъ доступенъ всякому, но сердце его недоступно никому.

РАСТОПЧИНЪ. Моя совѣсть спокойна...

БЕНИГСЕНЪ. Я давно бы уѣхалъ, если бы не мое чувство патріотизма...

БАРКЛАЙ. Только одно и остается - умереть... (Уходятъ. Изъ за холма выходитъ МАША и останавливаетъ Григорія Сѣверскаго).

10.

МАША. Григорій Павловичъ...

ГР.СѢВЕРСКІЙ. Ахъ, это вы, Маша?

МАША. Скажите ради Бога, что съ батюшкой? Гдѣ онъ?

ГР.СѢВЕРСКІЙ. Отправленъ съ транспортомъ раненыхъ въ Москву. Вотъ его адресъ. (пишетъ карандашемъ и отдаетъ) Прощайте, Маша...

МАША. Одно слово, графъ... Я кое что слышала изъ совѣщанія генераловъ. Неужели же Москвѣ грозитъ опасность?

ГР.СѢВЕРСКІЙ. Ничего не сумѣю вамъ сказать. Сумбуръ какой-то... Эхъ, будь, что будетъ!.. (Уходитъ, махнувъ рукой).

КАРТИНА ВТОРАЯ.

Военный совѣтъ въ Филяхъ. Внутренность избы. КУТУЗОВЪ сидитъ въ креслѣ. У стола: БЕНИГСЕНЪ, С.ГЕРМАНЪ, КОНОВНИЦЫНЪ, УВАРОВЪ, КАЙСАРОВЪ, ТОЛЬ, ЕРМОЛОВЪ, ДОХТУРОВЪ и на первомъ мѣстѣ БАРКЛАЙ.

1.

КУТУЗОВЪ. Итакъ, господа, всѣ наши пренія ни на шагъ не подвинули рокового для насъ вопроса: рисковать ли потерей арміи и Москвы, принявъ сраженіе, или же оставить Москву безъ сраженія? (молчаніе) Мнѣнія раздѣлились... (входитъ Раевскій).

2.

ЕРМОЛОВЪ. А, вотъ и Раевскій...

КУТУЗОВЪ. Запоздали, генералъ...

РАЕВСКІЙ. Прошу извинить, ваша свѣтлость. Меня задержали въ

аріергардѣ.

КУТУЗОВЪ. Я усталъ говорить. Генералъ Ермоловъ, объясните, въ чемъ дѣло.

ЕРМОЛОВЪ. Вопросъ въ томъ, ваше превосходительство: принять ли сраженіе подъ Москвой...

БАРКЛАЙ. Прибавьте на невозможной позиціи...

ЕРМОЛОВЪ. Или же оставить столицу безъ боя?

РАЕВСКІЙ. Какъ... Неужели дошло до этого?

БЕНИГСЕНЪ. Я съ своей стороны полагалъ бы, что мы обязаны передъ Европой помѣшать занятію непріятелемъ Москвы.

ЕРМОЛОВЪ. А мнѣ нѣтъ дѣла до Европы, не зная настроеніе умовъ въ войскахъ, не нахожу возможнымъ оставить Москву безъ боя. Генералы Уваровъ, Дохтуровъ и Коновницынъ - согласны со мной.

БЕНИГСЕНЪ. Я тоже.

БАРКЛАЙ. Я совершенно противнаго мнѣнія. Пусть на меня падутъ нареканія - мнѣ къ этому не привыкать - но повторяю: оборона столицы невозможна. Гибелью арміи мы не спасемъ Москвы, а гибелью Москвы, можетъ быть, спасемъ армію... Затѣять бой на такой позиціи было бы преступленіемъ... Графъ Остерманъ-Толстой имѣлъ мужество поддержать меня; генералъ Кайсаровъ и полковникъ Толь тоже согласны со мной.

ЕРМОЛОВЪ. Ждемъ вашего мнѣнія, генералъ.

РАЕВСКІЙ. Позвольте узнать, какую позицію занимаетъ армія?

ЕРМОЛОВЪ. Ту же, что избралъ генералъ Бенигсенъ.. Она неудобна, въ этомъ сознаюсь, но намъ нѣтъ выбора.

РАЕВСКІЙ. Не лучше ли въ такомъ случаѣ итти навстрѣчу непріятелю, нежели ожидать его?

БАРКЛАЙ. Это было бы безуміемъ...

РАЕВСКІЙ. Въ такомъ случаѣ придется ограничиться замедленіемъ движенія враговъ на Москву. Отступленіе черезъ городъ послѣ проиграннаго сраженія можетъ въ конецъ разстроить армію. Не можетъ Москва спасти Россію, а потому слѣдуетъ оставить столицу безъ боя. Впрочемъ, я разсуждаю, какъ солдатъ, предоставляя князю Михаилу Илларіоновичу рѣшить, какое вліяніе въ политическомъ отношеніи можетъ имѣть занятіе непріятелемъ Москвы... (молчаніе).

КУТУЗОВЪ. И я не постѣснюсь высказать свое мнѣніе, господа. Съ потерею Москвы, еще не потеряна Россія. Ставлю своей обязанностью сберечь Армію, сблизивъ съ подкрѣпленіями, и самымъ уступленіемъ Москвы приготовить непріятелю неизбѣжную гибель - а потому намѣренъ отступить на рязанскую дорогу. Вижу, что мнѣ придется за все поплатиться, но жертвую собой для блага отечества. Властью, данною мнѣ государемъ... (встаетъ) приказываю отступать!... (медленно уходитъ, ни на кого не глядя. Генералы расходятся въ удру-

ченномъ молчаніи. Послѣднимъ идетъ совершенно разстроенный Дохтуровъ. Изъ другой двери выходятъ Голицынъ, Григорій Сѣверскій и Саблинъ).

ГР.СѢВЕРСКІЙ (останавливая Дохтурова) Ваше превосходительство, одно слово: будетъ бой?

ДОХТУРОВЪ (смущенно, понижая голосъ) Нѣтъ, отступленіе... (уходитъ).

САБЛИНЪ. Не могу повѣрить... Это трусость, позоръ...

ГОЛИЦЫНЪ. Тише, полковникъ... мы въ квартирѣ главнокомандующаго.

САБЛИНЪ. Что мнѣ до того? Лукавый, дряхлый, слѣпой старикъ... И зачѣмъ только дали такую власть въ его неумѣлыя руки...

ГОЛИЦЫНЪ. Неужели же вы предпочитаете нѣмцевъ?

САБЛИНЪ. Нѣмцы всѣ измѣнники. Будь съ нами князь Багратіонъ, этого не случилось бы. Но съ тѣхъ поръ, какъ онъ раненъ, все у насъ пошло къ чорту...

ГР.СѢВЕРСКІЙ. Оставить, бросить Москву... Вѣдь это даже выговорить страшно!... У меня тамъ сестра... Надо будетъ предупредить ее...

САБЛИНЪ. Бородинскій бой лишилъ меня сына. Теперь же у всѣхъ насъ отнимаютъ мать, Москву нашу матушку.

ГР.СѢВЕРСКІЙ. Барклай сдалъ Смоленскъ, это его вліяніе.

ГОЛИЦЫНЪ. Всѣ наши сѣтованія ни къ чему не приведутъ, господа. Какъ солдаты, мы прежде всего обязаны повиноваться, пускай же отвѣтственность за оставленіе столицы падетъ на головы нашихъ начальниковъ. (расходятся).

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Гостиная въ домѣ графовъ Сѣверскихъ.

1.

АГАФОНЪ (у окна) Грунька, а Грунька!... Чего ты тамъ на солдатъ заглядѣлась? а? Ступай домой, негодная...

ГРУНЯ (входитъ) Ахъ, дѣдушка, страсти-то какія!... Раненыхъ провезли. Навалили ихъ сердечныхъ на телѣги, вотъ совсѣмъ, какъ скотину съ бойни везутъ, а они то стонутъ... Ужасть просто...

АГАФОНЪ (у окна) Все пушечное мясо съ Бородинскаго поля... Ахъ, грѣхи, грѣхи... Да неужто-жъ они Москву этакъ безъ бою отдадутъ? Что-жъ главнокомандующій? А еще толковали: "Пришелъ Кутузовъ бить

французовъ". Москву то матушку нельзя же въ самомъ дѣлѣ кинуть Напольону въ зубы, словно орѣхъ, либо яблоко: на, молъ, ѣшь себѣ на здоровье...

ГРУНЯ. А можетъ онъ и подавится.

АГАФОНЪ. Господи... Царица Небесная!... Хоть бы ужъ управитель вернулся, все бы легче было. А то со вчерашняго дня пропалъ...

ГРУНЯ. А куды пошелъ Сергѣй Петровичъ?

АГАФОНЪ. А кто-жъ его знаетъ?... Не то къ губернаторскому дворцу, не то на Три Горы съ народомъ.

ГРУНЯ. А правда, что тамъ драться будутъ?

АГАФОНЪ. Видно правда, коли изъ арсиналіевъ оружіе раздавали. Да и графъ Растопчинъ въ своихъ афишкахъ то что пишетъ? (вынимаетъ листокъ изъ кармана) "Я буду съ вами, и вмѣстѣ истребимъ злодѣя"...

ГРУНЯ. Дай то Богъ!...

АГАФОНЪ. "Слава въ вышнихъ, кто не отстанетъ; вѣчная память, кто мертвый ляжетъ; горе на страшномъ судѣ, кто отговариваться станетъ"... Хорошо пишетъ... "Духъ, говоритъ, надо изъ враговъ искоренять, да этихъ гостей къ чорту отправлять"... А все же боязно... Всѣ у насъ поразбѣжались, остались старики да бабы. А мнѣ нельзя уйти: графское добро стеречь надо.

ГРУНЯ (у окна) Дѣдушка... А вонъ самъ графъ Григорій Павловичъ во дворъ въѣхали, да еще съ генераломъ. А генералъ то изъ себя видный, да какъ будто кривой на одинъ глазъ.

АГАФОНЪ. Ужъ не свѣтлѣйшій ли? (входитъ Гр. Сѣверскій.) Баринъ!... Ваше сіятельство!... Ручку пожалуйте...

ГР. СѢВЕРСКІЙ. Тише... Вонъ ступай!... Со мной самъ главнокомандующій...

ГРУНЯ. Хоть бы однимъ глазкомъ взглянуть!... (уходитъ съ Агафономъ. Сѣверскій вводитъ Кутузова).

3.

ГР. СѢВЕРСКІЙ. Пожалуйте, ваша свѣтлость... Здѣсь никого нѣтъ... Соблаговолите отдохнуть у меня, пока идетъ починка моста.

КУТУЗОВЪ (опускаясь на кресло) Отдохнуть некогда, но все таки спасибо тебѣ, братецъ. Хоть минутку одному побыть... Что же это, Григорій Павловичъ? Неужели же этотъ чудный городъ будетъ отданъ на поруганіе враговъ? Да развѣ это возможно?

ГР. СѢВЕРСКІЙ. Ваша свѣтлость изволили руководить военнымъ совѣтомъ. Если мы опять отступаемъ, то только по вашему желанію.

КУТУЗОВЪ. Нѣтъ, нѣтъ, видитъ Богъ, я не желалъ этого, но не могъ дѣйствовать иначе. Необходимость заставила... Горькая необходимость...

ГР.СѢВЕРСКІЙ. Позвольте спросить, гдѣ же мы остановимся, князь?

КУТУЗОВЪ. Это ужъ мое дѣло, но ужъ доведу я французовъ, какъ въ прошломъ году турокъ, что будутъ они у меня ѣсть лошадиное мясо. Въ этомъ зарокъ даю... Будутъ они ѣсть его, будутъ...

ГР. СѢВЕРСКІЙ. Сдача Москвы... Вѣдь это безпримѣрная жертва...

КУТУЗОВЪ. Полъ арміи погибло... Вотъ гдѣ жертва, графъ... Теперь пострадаютъ лишь бездушныя стѣны.

ГР. СѢВЕРСКІЙ. Да , но мы сердцемъ приросли къ этимъ стѣнамъ, и оставляя ихъ, сердце разрывается.

КУТУЗОВЪ. Зато мы приготовимъ гибель Наполеону. Москва будетъ камнемъ преткновенія на его тріумфальномъ пути. Она затормозитъ колеса его побѣдной колесницы, себя не пожалѣетъ, лишь бы задержать его. Этого еще никто не понимаетъ... Старъ я, братъ, не по силамъ мнѣ эта страшная отвѣтственность. Вѣдь одинъ я, одинъ противъ всѣхъ, а я за послѣдняго солдата, за каждую лишнюю человѣческую жертву дамъ отвѣтъ Богу... Всего себя отдак я дѣлу, послѣднія силы трачу, а никто не поможетъ мнѣ. Всякій норовитъ, какъ бы оттолкнуть отъ меня Сизифову скалу, которую я съ такимъ неимовѣрнымъ трудомъ качу въ гору. Плывя противъ теченія я задыхаясь, тону, а пріятели-нѣмцы притворно протягивая мнѣ руку, стараются окончательно потопить меня... Дай-ка мнѣ, братъ, воды... (Сѣверскій подаетъ ему стаканъ, онъ пьетъ) Не думалъ я, что доживу до такого дня... Тяжело, страшно тяжело... (плачетъ, опустивъ голову на руки)

ГР.СѢВЕРСКІЙ. Но неужели же нельзя было дѣйствовать иначе?

КУТУЗОВЪ. Т. е. погубить и армію и Москву? Пусть ужъ лучше одна Москва пропадетъ... (встаетъ) Привыкъ я все таить въ себѣ, но сегодняшній день сломилъ меня. Не годится мнѣ въ такомъ разстройствѣ показываться войскамъ. Надо взять себя въ руки... Кто тамъ идетъ? (Сѣверскій идетъ къ двери).

ГР. СѢВЕРСКІЙ. Это князь Голицынъ за приказаніями.

КУТУЗОВЪ. Хорошо, пусть войдетъ... (входитъ Голицынъ) Что скажешь, князь?

4.

ГОЛИЦЫНЪ. Починка моста окончена. Угодно будетъ вашей свѣтлости продолжать свой путь?

КУТУЗОВЪ. Скорбный это путь, да дѣлать нечего. Надо терпѣть... Кто изъ васъ знаетъ Москву?

ГОЛИЦЫНЪ. Я хорошо знаю ее, ваша свѣтлость.

КУТУЗОВЪ. Въ такомъ случаѣ проводи меня такъ, чтобы сколько возможно, ни съ кѣмъ не встрѣчаться... А ты, Сѣверскій, вернись къ войскамъ, а если спросятъ про меня, скажи... Да нѣтъ, ничего

не говори, и такъ поймутъ... (уходитъ съ княземъ Голицынымъ).

5.

ГР. СѢВЕРСКІЙ (стоитъ въ задумчивости, потомъ идетъ къ двери) Агафонъ... (Агафонъ входитъ) Сестра уѣхала?

АГАФОНЪ. Генеральша? Уѣхали-съ, уѣхали-съ, ваше сіятельство.

ГР. СѢВЕРСКІЙ. Тѣмъ лучше... Все цѣнное припрячь, да брату передай, если онъ заглянетъ сюда, чтобъ долго не задерживался въ Москвѣ. Онъ тоже безпокоился о генеральшѣ.

АГАФОНЪ. Ваше сіятельство... Неужто же французы къ намъ нагрянутъ?

ГР. СѢВЕРСКІЙ. А ты думаешь, они упустятъ такую добычу? Прощай!..

АГАФОНЪ. Прощайте, ваше сіятельство... Счастливаго пути!..

(Сѣверскій уходитъ. Изъ другой двери выбѣгаетъ Груня).

6.

ГРУНЯ. Спасайтесь, Агафонъ Ильичъ!.. Бѣда!.. Спасайтесь!..

АГАФОНЪ. Да что такое? Толкомъ говори, оглашенная...

ГРУНЯ. Французъ, говорятъ, идетъ... Мнѣ сами солдаты сказывали..

АГАФОНЪ. Ахъ, Господи!.. Охъ, грѣхи!..

ГРУНЯ. Къ вечеру злодѣи будутъ здѣсь. Всѣ генералы перебиты, самъ губернаторъ изъ Москвы бѣжалъ. Бѣгите же и вы, дѣдушка.

АГАФОНЪ. Да куда же бѣжать, когда у меня весь домъ на рукахъ?

ГРУНЯ. Ну, какъ хотите, а я подъ началомъ у французовъ не останусь... Ахъ, батюшки... Кто это идетъ? (входитъ ПЕТРОВЪ) Сергѣй Петровичъ!..

АГАФОНЪ. Ну, и слава Богу... Ну что, батюшка? Какъ дѣла?

7.

ПЕТРОВЪ (падаетъ на стулъ) Пропало все...

ГРУНЯ. А французы?

АГАФОНЪ. Неужто возьмутъ Москву?

ПЕТРОВЪ. Кто-жъ ихъ удержитъ? Всѣхъ перебили... полъ арміи погибло...

АГАФОНЪ. А какъ же мы то, батюшка?

ПЕТРОВЪ. Ну, что-жъ, и мы погибнемъ... Чего ужъ тутъ, когда вся Россія кровію исходитъ на смерть раненая?...

ГРУНЯ. Господи спаси!..

АГАФОНЪ. Охъ, грѣхи тяжкіе!..

ПЕТРОВЪ (встаетъ) Нечего, какъ баба, причитать. Дѣло надо дѣлать, да скрѣй. Пока есть время, надо припрятать барское добро. Зови-ка Сашку, Ваньку, всѣхъ здѣшнихъ дармоѣдовъ...

АГАФОНЪ. Да кромѣ конюха да дворника никого не осталось, батюшка...

ПЕТРОВЪ. Ихъ позови, старикъ. И пусть копаютъ яму въ саду, чтобы зарыть все цѣнное.

АГАФОНЪ. Такъ значитъ даромъ все отдадутъ?

ПЕТРОВЪ. Ужъ тамъ даромъ или не даромъ, не наше дѣло. Ступай! (Агафонъ уходитъ)

8.

ГРУНЯ. А какъ же народу оружіе то раздавали?

ПЕТРОВЪ. Чтобъ не досталось французамъ.

ГРУНЯ. И не ходилъ народъ на Три Горы?

ПЕТРОВЪ. Какъ не ходить!... Мы всѣ тамъ были... Стѣной стояли, тѣснились, какъ въ церкви и плащаницы, и будто въ церкви, держались тихо, чинно, въ ожиданіи послѣдняго боя. Но насъ обманули, видно хотѣли только позабавить, какъ дѣтей, чтобы тѣшились мечтами, не бунтовали. Начальства мы не дождались... Съ заходомъ солнца погасла послѣдняя надежда, и въ уныніи пришлось намъ разойтись, не глядя другъ на друга. Конечно, насъ не считаютъ за людей. Народъ безотвѣтный, все вытерпитъ... Стыдно!...

ГРУНЯ. А какъ же вы теперь, Сергѣй Петровичъ?

ПЕТРОВЪ. Я? Останусь здѣсь безсмѣннымъ часовымъ. А ты, Груня, уйди, пока не поздно.

ГРУНЯ (у окна) Гляньте ка, Сергѣй Петровичъ, къ намъ какія то барышни во дворъ вбѣжали.

ПЕТРОВЪ. Да это Марія Андреевна Рябинина... (идетъ къ двери)

ГРУНЯ. Она самая... И какъ это она изъ подмосковной сюда попала? (Входятъ МАША и ЗИНА. Петровъ, поклонившись, стоитъ въ сторонѣ)

9.

ГРУНЯ. Милая вы моя барышня!... Не въ добрый часъ вы къ намъ попали...

МАША. Я сиротой осталась, Груня... Вчера отца похоронила... (плачетъ)

ГРУНЯ. Ахъ, бѣдная вы моя, бѣдная!...

МАША. Когда онъ, несмотря на свои годы, пошелъ въ ополченіе, я такъ и думала, что ему не вернуться. Съ бородинскаго поля его еле живого перевезли въ Москву. Едва успѣла проститься...

ЗИНА. Ну, полно, барышня!.. Не убивайтесь такъ...

МАША. Одна я теперь, безпомощная... Помоги мнѣ бѣжать, Груненька..

ГРУНЯ. А вотъ графскаго управителя попросите.

ПЕТРОВЪ (подходитъ) Вы меня не узнали, Марія Андреевна.?.

МАША. Сережа!.. Сергѣй Петровичъ...

ПЕТРОВЪ. Нѣтъ, барышня, Сережа... Тотъ же крѣпостной Сережка,

на все для вас ъ готовый, ломавшій себѣ бывало руки и ноги, чтобы достать вамъ яблокъ, нарвать орѣшковъ...

МАША. Но вы такъ измѣнились за эти нѣсколько лѣтъ...

ПЕТРОВЪ. Понатерся за пять лѣтъ въ Москвѣ да за границей, но сердце у меня осталось прежнее, неизмѣнное, и вернулся я сюда хотя и барскимъ любимцемъ, но все же рабомъ попрежнему.

МАША. Я думала, вы уже на волѣ.

ПЕТРОВЪ. Графа Сѣверскаго пугалъ мой независимый характеръ, потому онъ и считалъ вѣрнѣе держать меня на привязи.

МАША. Но со дня его смерти прошло полгода.

ПЕТРОВЪ. Время такое тревожное, что графу Григорію не до меня. А Михаилъ Павловичъ не разъ обѣщалъ освободить меня, но "за недосугомъ" не собрался, а я стыжусь напоминать. Онъ любитъ меня, дай Богъ ему здоровья!... А я и за него, и за васъ, барышня, душу готовъ отдать. Все, что прикажете, исполню съ радостью въ память прежнихъ золотыхъ дней.

МАША. Помогите мнѣ бѣжать, Сережа... Спасите отъ враговъ... Когда я только подумаю, что злодѣи, убившіе отца, могутъ обойтись со мной, какъ съ плѣнницей...

ПЕТРОВЪ. Этого не будетъ! Я не допущу... Но вамъ надо ѣхать...

ЗИНА. Барышня, ради Христа захватите и меня...

МАША. Ахъ да, я и забыла... Сережа, эта бѣдная дѣвушка помогла мнѣ дойти сюда. Насъ окружили войска живой стѣной. Я не знала дороги, а Зина выручила меня.

ПЕТРОВЪ. Я какъ будто видалъ васъ, барышня...

ЗИНА. Не мудрено... Сумасшедшую Зинку изъ крѣпостныхъ актерокъ знаетъ вся Москва...

ПЕТРОВЪ. И ты знакома съ Маріей Андреевной? Неподходящая компанія...

ЗИНА. Э, баринъ, теперь не время разбирать. Ваша Марія Андреевна рада радехонька, что я помогла ей сквозь толпу протолкаться. Оробѣла она, бѣдненькая, а я напустила на себя королевской амбиціи: Дорогу королевѣ!... Ну и прошли...

АГАФОНЪ (у дверей) Графчикъ пріѣхалъ!... Михаилъ Павловичъ... (скрывается).

ПЕТРОВЪ. Графчикъ!... Ахъ Господи!... Вотъ некстати... Бѣги скорѣе, Груня, да вели закладывать фаэтонъ... (Груня уходитъ) А вамъ, Марія Андреевна, лучше бы не встрѣчаться съ графомъ. Онъ привыкъ порхать... Можетъ смутить васъ... Спрячьтесь вотъ сюда... (поднимаетъ портьеру сосѣдней комнаты) И Зинаида можетъ пойти съ вами...

ЗИНА. Ладно!... Мы съ полслова разумѣемъ. Убережемъ отъ миловзора вашу царевну, хотя, признаться, эта роль для меня новая.

(обѣ идутъ въ сосѣднюю комнату. Петровъ спускаетъ портьеру).

10.

АГАФОНЪ (у двери) Пожалуйте, ваше сіятельство! (входитъ графъ Михаилъ Сѣверскій. Петровъ идетъ ему навтрѣчу)

М.СѢВЕРСКІЙ. Здравствуй, Сережа... (цѣлуется съ нимъ) Слышалъ, братъ, отступаемъ!.. Сдаемъ Москву...

ПЕТРОВЪ. Слышалъ...

М. СѢВЕРСКІЙ. Князь Багратіонъ смертельно раненъ, Кутайсовъ, Тучковъ убиты, потери огромны - и всетаки не спасли Москвы! А что сестра?

АГАФОНЪ. Генеральша давно уѣхали въ подмосковную.

ПЕТРОВЪ. Вы устали, графъ, не дать ли вамъ вина? (Агафонъ приноситъ и наливаетъ).

М. СѢВЕРСКІЙ. Да, я измучился... Налей пожалуй... (пьетъ) Это отступленіе хуже боя: такъ обидно, такъ обидно!.. А тутъ еще раненые... Изъ оконъ протягиваютъ намъ руки, молятъ взять ихъ съ собой. Одинъ выползъ за нами на рукахъ... Ужасъ!... (пьетъ)

АГАФОНЪ. Графъ Григорій Павловичъ заѣзжали, ваше сіятельство, такъ они наказывали вамъ торопиться выѣздомъ.

ПЕТРОВЪ. Я велѣлъ заложить карету...

М. СѢВЕРСКІЙ. Можно и фаэтонъ. Распорядись, старикъ, а ты, Сережа, побудь со мной. (Агафонъ уходитъ) Если бы ты зналъ, что это былъ за адъ подъ Бородинымъ!.. Никогда не забуду... А странное впечатлѣніе производитъ опустѣлая Москва. Точно умирающій, изъ котораго выпустили всю кровь, вытянули всѣ жизненныя силы. И ни одной хорошенькой не осталось. Непріятельскому глазу не на чемъ будетъ остановиться...

ПЕТРОВЪ. Не желаете ли еще вина?

М. СѢВЕРСКІЙ. Нѣтъ, я и такъ не допилъ... Бородинскіе ужасы сломили меня, Сергѣй. Отъ прежняго кутилы-весельчака не осталось и слѣда... (поднимаетъ съ пола платокъ, съ любопытствомъ) А это что?

ПЕТРОВЪ (смущенно) Это? Вѣрно Груня обронила...

М. СѢВЕРСКІЙ. Ну, нѣтъ, отъ этого батиста романомъ пахнетъ. Зубы то мнѣ не заговаривай... Вспомни, братъ, какъ мы вмѣстѣ кутили въ Вѣнѣ. Впрочемъ, кутилъ то больше я, ты всегда держалъ себя пуританиномъ. А Парижъ, Эдемъ молодежи! Помнишь Парижскія ночи? Ну, будь же другомъ, признайся...

ПЕТРОВЪ. Не въ чемъ, ваше сіятельство. Спасаясь отъ французовъ, сюда зашли двѣ дѣвицы, прося помочь имъ покинуть Москву. Я велѣлъ заложить фаэтонъ - вотъ и все.

М. СѢВЕРСКІЙ. А кто онѣ такія? По глазамъ вижу, что хорошенькія.

ПЕТРОВЪ. Одна изъ нихъ - Марія Андреевна Рябинина...

М. СѢВЕРСКІЙ. Ага... Понимаю, понимаю!.. Ты всегда былъ по-

клонникомъ Маши...

ПЕТРОВЪ. Со мной, ваше сіятельство, вольны шутить, какъ угодно, но что касается этой молодой дѣвушки, она такъ высоко стоитъ надо мною...

М. СѢВЕРСКІЙ. Ну, что-жъ? Поднимешь голову и станешь любоваться.

ПЕТРОВЪ. Любуются и звѣздами небесными...

М. СѢВЕРСКІЙ. Послушай, Сергѣй, я знаю - отецъ недаромъ ласкалъ тебя. Говорили, что онъ былъ даже женатъ на твоей матери, но стѣснялся объявить крѣпостную своей женой.

ПЕТРОВЪ. Пустые толки, графъ... Онъ не призналъ меня сыномъ, бумаги затеряны, и ни правъ, ни воли нѣтъ у меня.

М. СѢВЕРСКІЙ. Зато надо мной ты съ дѣтскихъ лѣтъ забралъ волю.

ПЕТРОВЪ. Гдѣ мнѣ... Но я позволю себѣ почтителвно замѣтить...

М. СѢВЕРСКІЙ. Нѣтъ, братъ, уволь отъ почтенія. Признакъ плохой... Какъ только заговоришь о почтеніи, такъ и жди отъ тебя вахлсбучки.

ПЕТРОВЪ. Шутить изволите... Смѣю ли я?

М.СѢВЕРСКІЙ. Да что ты все казанской сиротой прикидываешься, Сергѣй? Меня легко разжалобить, но ты знаешь, я этого терпѣть не могу. Ты мнѣ все равно, что братъ, любимый старшій братъ, ворчунъ и деспотъ. Помнишь, какъ ты бывало поколачивалъ меня?

ПЕТРОВЪ. Воля ваша графъ, никогда этого не бывало...

М. СѢВЕРСКІЙ. Воля твоя, голубчикъ, бывало, и не разъ...

ПЕТРОВЪ. Напротивъ, я защищалъ васъ отъ Григорія Павловича.

М.СѢВЕРСКІЙ. Ну да, привилегію на колотушки ты исключительно присвоилъ себѣ. Можетъ быть ты и теперь намѣренъ вступить со мной въ бой изъ за Маши? Или же добровольно уступишь ее мнѣ?

ПЕТРОВЪ (съ волненіемъ) Дѣлайте все, что хотите, гдѣ мнѣ холопу тягаться съ вами? Вы можете ударить меня, а я долженъ кланяться. Такъ бейте же меня, ругайте, оскорбляйте, чтобъ я не смѣлъ забываться, а каждую минуту чувствовалъ бы себя вашимъ рабомъ.

М. СѢВЕРСКІЙ. Сережа, братецъ, да что же ты? Развѣ я хотѣлъ оскорбить тебя? Когда ты начнешь такъ говорить, я всегда чувствую себя виноватымъ, а тогда изъ меня хоть веревки вей. Ну, хочешь, я тебя завтра же освобожу?

ПЕТРОВЪ. Давно слышу.

М. СѢВЕРСКІЙ. Нѣтъ, теперь ужъ серьезно... честное слово... Ну, не сердись, ради Бога, помиримся... (протягиваетъ руку Петрову, тотъ жметъ ее) Такъ то лучше... А теперь сдѣлай мнѣ удовольствіе... Зови дѣвочекъ...

ПЕТРОВЪ. Какъ... вы опять?

М. СѢВЕРСКІЙ. Да чтожъ тутъ такого въ самомъ дѣлѣ? Я въ лагерѣ совсѣмъ отвыкъ отъ дамскаго общества, скоро кланяться разучусь, право... Изъ лихого гусара превратился въ такого же, какъ ты, пуританина...Твоимъ странствующимъ паревнамъ не угрожаетъ никакой опасно-

ств... Или ты не довѣряешь мнѣ?

ПЕТРОВЪ. Конечно нѣтъ, если ужъ на то пошло...

М. СѢВЕРСКІЙ. А, каково? Упрямецъ... Ну, хочешь, я тебѣ дамъ честное слово, что буду держать себя, какъ средневѣковый рыцарь? Или господинъ Петровъ не вѣритъ слову графа Сѣверскаго?

ПЕТРОВЪ. Помилуйте, ваше сіятельство... Но позвольте мнѣ...

М. СѢВЕРСКІЙ (съ досадой) Ничего я не позволяю... Что это право! Да ты мнѣ шагу не даешь ступить... Ты мнѣ не менторъ, а я тебѣ не Телемакъ, и въ монахи еще не собираюсь. Э, да не здѣсь ли твоя плѣнница? (поднимаетъ портьеру) Выходите, выходите, м-ль, дайте на себя полюбоваться... (входятъ МАША и ЗИНА).

11.

М. СѢВЕРСКІЙ. Здравствуйте, Машенька, радъ васъ видѣть... (цѣлуетъ ей руку) А, Трофимова... Ты какъ сюда попала?

ЗИНА. Барышню провожала, ваше сіятельство... А вы не забыли меня?

М. СѢВЕРСКІЙ. Какъ можно!... Помню еще, какъ ты сумароковскихъ героинъ изображала. Молодецъ дѣвка!..

ЗИНА. Да я вамъ какое угодно трагическое зрѣлище могу изобразить, а комедійную пьесу и того лучше...

М. СѢВЕРСКІЙ. Французы будутъ тебя на рукахъ носить...

ЗИНА. Оно такъ, а все же подальше отъ нихъ какъ будто спокойнѣй

М. СѢВЕРСКІЙ. Ну, что-жъ, мы и тебя можемъ въ фаэтонъ захватить. Хотя лучше бы заложить карету... Пожалуйста, распорядись, Сережа... Да ну же, иди, иди!... Зина Не безпокойтесь, господинъ, я останусь при вашей барышнѣ... (Петровъ уходитъ)

12.

М. СѢВЕРСКІЙ. Надѣюсь, вы позволите сопутствовать вамъ, Мари?

МАША. Ваша воля, графъ.

М. СѢВЕРСКІЙ. У, да какія же вы строгія!... Позвольте мнѣ налить вамъ вина...

МАША. Нѣтъ, графъ, благодарю...

М. СѢВЕРСКІЙ. Да вы не конфузьтесь, никто не осудитъ...

ЗИНА. Вотъ я, ваше сіятельство, пересудовъ не боюсь...

М. СѢВЕРСКІЙ. Вѣрю... Пей себѣ на здоровье... (Зина пьетъ)

ЗИНА. И плясать для васъ готова, и стихами позабавить. Напримѣръ: "Льзя-ль безъ трепета сердечна зрѣть Плѣнира-удальца?" Плѣнировъ да Миловзоровъ я себѣ всегда представляла вродѣ вашего сіятельства.

М. СѢВЕРСКІЙ. Очень лестно...

ЗИНА. Бывало, какъ вы появитесь у насъ въ театрѣ, такъ мы слов... не ... [illegible] делей на васъ глядимъ, а я такъ прямо сохла по вашему

сіятельству. Глядите, руки то у меня, прямо ефирная стали...

М. СѢВЕРСКІЙ. Ну нѣтъ, есть за что ущипнуть...

ЗИНА. Ужъ вы скажете!.. Насмѣшники...

М. СѢВЕРСКІЙ. ты, пожалуй, годишься на роли субретокъ, Зинка, а вотъ Маша прямо царевной смотритъ.

ЗИНА. Царевичъ вы мой разлюбезный!... Капидончикъ мой!...

М. СѢВЕРСКІЙ. А ты бѣсъ дѣвка, егоза...

ЗИНА (присѣдая) Чувствительно благодарна за канплиментъ...

М. СѢВЕРСКІЙ. Взгляните же на меня поласковѣй, Мари... Улыбнитесь...

МАША. Мнѣ не дошутокъ, графъ...

ЗИНА: А вы, ваше сіятельство, не обижайтесь на барышню, что не весела. Онѣ бѣдненькія вчера отца похоронили.

М. СѢВЕРСКІЙ. Ахъ, бѣдная, бѣдная!... Отъ всей души сочувствую вамъ, дитя мое. (Маша плачетъ) Уважаю ваше горе, жалѣю васъ. Нѣтъ, кажется, семьи у насъ, гдѣ не оплакивали бы близкихъ. Сегодня, завтра ли - всѣмъ намъ скоро придетъ конецъ... Но потому-то и слѣдуетъ въ послѣдній разъ хлебнуть изъ чаши жизни. Послѣдній кубокъ, знаете, а тамъ ногу въ стремя и айда, съ дальнюю дорогу... Теперь даже принято рано умирать, а надо же слѣдовать модѣ... Пожалѣйте же меня, Мари, чтобы я могъ унести съ собой на тотъ свѣтъ поэтичное воспоминаніе.

МАША. Пожалѣйте и вы меня, графъ, пока я у васъ невольной гостьей. Зная васъ, я увѣрена, что вы не захотите оскорбить меня...

М. СѢВЕРСКІЙ. Объ этомъ не можетъ быть и рѣчи... Но будь на моемъ мѣстѣ мой управляющій, вы были бы ласковѣе съ нимъ.

МАША. Помилуйте, графъ!.. Холопъ, крѣпостной человѣкъ... Хотя я и жила у васъ на хлѣбахъ, но я дворянка, и на раба не обращу вниманія. (входитъ Петровъ).

ПЕТРОВЪ. Лошади готовы, ваше сіятельство... (уходитъ)

М. СѢВЕРСКІЙ. Хорошо, хорошо... Черезъ пять минутъ буду готовъ и я....

МАША. Какъ вы думаете, графъ, онъ слышалъ?

М. СѢВЕРСКІЙ. Похоже на то, а впрочемъ, кто его разберетъ? У меня сердце на ладони, а онъ дипломатъ - второй Талейранъ.

МАША. Мнѣ такъ досадно!.. Онъ казался разстроеннымъ...

М. СѢВЕРСКІЙ. Этотъ человѣкъ всегда преувеличиваетъ. Посадите его за столъ, онъ возьметъ подзорную трубу, чтобы разглядывать сосѣдей и сервировку, и на свои чувства всегда наводитъ увеличительное стекло... Однако, принимать французскихъ гостей у меня нѣтъ охоты. Надо спѣшить... Пойдемъ со мной, Зина, ты мнѣ поможешь. (уходитъ за ней. Изъ другой двери входитъ Петровъ).

МАША. Сережа, вы слышали?

ПЕТРОВЪ. Да...

МАША. Мнѣ очень жаль... Ни за что не хотѣла бы обидѣть васъ...

ПЕТРОВЪ. Какая же тутъ обида? Вы сказали правду, барышня... но если вы помните, какая лежитъ бездна между дворянкой и крѣпостнымъ, повѣрьте, я тоже ни разу не забывалъ о ней.

МАША. Знаю, знаю...

ПЕТРОВЪ. Конечно, я преданъ вамъ, но подобную преданность терпятъ и въ собакѣ... А позвольте мнѣ одинъ вопросъ: неужели вы поѣдете съ графомъ?

МАША. Что же мнѣ дѣлать? Не оставаться же здѣсь?

ПЕТРОВЪ. Да, ваша правда, барышня... Какъ тутъ быть, я и ума не приложу... Развѣ я не вижу, какъ онъ глядитъ на васъ? Не вѣрьте ему!..

МАША. Не безпокойтесь, Сергѣй Петровичъ, я знаю, какъ мнѣ держать себя.

ПЕТРОВЪ. Неужели же вы оскорбились моимъ совѣтомъ? Виноватъ...

МАША. Я не сержусь, Сережа; знаю, вы говорили отъ души, но и я уже не дитя. На многое насмотрѣлась въ моей горькой долѣ сироты-безприданницы. Отца я всячески оберегала, и не тревожа его жалобами, сама защищала свою честь...

ПЕТРОВЪ. А сердце вы сумѣете уберечь, барышня?

МАША. Это никого не касается...

ПЕТРОВЪ. Опять я сплоховалъ, такое ужъ мое горе... Не умѣю я украшать свою рѣчь блестками да цвѣтами. Годами накопленная горечь поневолѣ прорывается. Вѣдь и мое положеніе графскаго фаворита далеко не изъ пріятныхъ. Нѣчто среднее между любимымъ шутомъ и комнатной собаченкой. А между тѣмъ воспитаніе мнѣ далъ графское. Многому научила меня нужда, прикрывъ мнѣ лицо плотной маской, но съ вами я несчастливъ, барышня, то и дѣло выдаю себя... Простите...

МАША. Не вините и вы меня, Сергѣй, за мою гордость. Это мой щитъ, мое единственное оружіе... Но что тамъ за шумъ? Сюда бѣгутъ... (вбѣгаетъ Груня, Агафонъ, Зина, нѣсколько дворовыхъ. Вслѣдъ за ними входитъ графъ).

14.

ГРУНЯ. Спасайтесь, барышня!..

ДВОРОВЫЕ. Французы!... французы!... (входитъ графъ и останавливается на порогѣ).

ГРАФЪ. А... бѣжать, я думаю, поздно?

ПЕТРОВЪ. (глядитъ въ окно) Да, графъ...

М.СѢВЕРСКІЙ. Дѣвушекъ спрячь... Скорѣй...

ПЕТРОВЪ. А вы?

М.СЪВЕРСКІЙ. Обо мнѣ не безпокойся. (осматриваетъ пистолетъ)

АГАФОНЪ и ЖЕНЩИНЫ. О, Господи... Куды бѣжать? Охъ, бѣда...

ПЕТРОВЪ. Спрячьтесь на чердакъ, Михаилъ Петровичъ.

М.СЪВЕРСКІЙ. Не подобаетъ офицеру прятаться по чердакамъ отъ враговъ.

ПЕТРОВЪ. Графъ, если вы вздумаете защищаться, они ни васъ, ни женщинъ не пощадятъ.

М.СЪВЕРСКІЙ. Такъ уйдите же, ради Бога, а то будетъ поздно...

ЖЕНЩИНЫ. Спрячьтесь, графъ...

ПЕТРОВЪ. Я не могу оставить васъ...

М.СЪВЕРСКІЙ. Пока я здѣсь хозяинъ, я требую послушанія. Иди... (Петровъ уводитъ женщинъ) А вы встрѣчайте враговъ... Прощай, Агафонъ...

АГАФОНЪ. Куда же вы пойдете, ваше сіятельство?

М.СЪВЕРСКІЙ. Куда... Не знаю, но хуже здѣшняго тамъ врядъ ли будетъ. (Французы врываются въ гостиную. Графъ стрѣляетъ себѣ въ грудь и падаетъ на кресло, выронивъ пистолетъ. Петровъ возвращается и въ ужасѣ бѣжитъ къ нему).

15.

ПЕТРОВЪ (на колѣняхъ хлопочетъ надъ раненымъ) Графъ... Что съ вами? Милый, графчикъ мой?

ФРАНЦУЗЫ . Qui a tiré? Qui est maître ici?

НѢМЕЦЪ. Гдѣ хозяинъ?

ПЕТРОВЪ (вставая съ колѣнъ) Хозяинъ? Вотъ!... (указываетъ на убитаго).

ФРАНЦУЗ . Ma foi, c'est une belle mort !

ДРУГОЙ. Au diable! A boire!

НѢМЕЦЪ. Вина тавайте...

ПЕТРОВЪ. Агафонъ, угощай этихъ господъ. А вы снесите графа въ спальню. (Люди уносятъ графа, французы идутъ въ столовую).

16.

НѢМЕЦЪ. А ви тоже хозяинъ? Тавайте теньги!...

ПЕТРОВЪ. Я слуга.

НѢМЕЦЪ. Все равно, тавайте...

ПЕТРОВЪ. Оставьте меня въ покоѣ!... У меня ничего нѣтъ.

ФРАНЦУЗЫ (изъ столовой) A boire! A boire!

ПЕТРОВЪ. О, Господи, какая мука!... Проститься не дадутъ съ братомъ...

НѢМЕЦЪ. Теньги тавай!...

ПЕТРОВЪ (отдаетъ кошелекъ) Ну, вотъ, на бери и подавись ими...

НѢМЕЦЪ. Покорно плакотару... (идетъ въ столовую).

ФРАНЦУЗЪ (въ дверяхъ) Eh, le majordome, à boire! (дергаетъ Петрова за рукавъ).

ПЕТРОВЪ. Проклятiе!... (идетъ въ столовую, потомъ возвращается и стоитъ, сжимая въ отчаянiи руки) Бѣдный мой графчикъ!... Бѣдненькiй... (входитъ Зина, тревожно оглядываясь).

17.

ЗИНА (шепотомъ) Господинъ управитель!...

ПЕТРОВЪ. Зачѣмъ ты здѣсь? Хочешь угодить въ объятiя французамъ?

ЗИНА. Тише... Графчикъ живъ...

ПЕТРОВЪ (вздрогнувъ) Не можетъ быть!...

ЗИНА. Кровь я кое-какъ уняла и рану перевязала. Онъ въ забытьи...

ПЕТРОВЪ. Слава тебѣ Господи! Надо его увезти... Но перенесетъ ли онъ?

ЗИНА. Что дѣлать!... Надо попытаться.

ПЕТРОВЪ. Да, русскаго офицера не пощадятъ, а мертваго дадутъ увезти... Но какъ отлучиться? Они то и дѣло требуютъ меня. Слышишь?

ФРАНЦУЗЫ (изъ столовой) Holà, garçon!

18.

ФРАНЦУЗЪ. (входитъ) Oh, oh, la belle fille! (обнимаетъ Зину).

ЗИНА. Бонжуръ, жоли франсе...

ФРАНЦУЗЪ. Bravo! Très bien!

ЗИНА. Да, да, тре бiанъ... Ступайте, баринъ, а я займу этихъ олуховъ.

ПЕТРОВЪ. Они могутъ тебя обидѣть...

ЗИНА. Эхъ, господинъ хорошiй, меня ничѣмъ не удивишь...

ФРАНЦУЗЪ (цѣлуя Зину) Elle n'est guère farouche.

ЗИНА. Э, чтобъ тебя!... Тре бiанъ, тре бiанъ, мусье... Идите же... (Петровъ идетъ къ двери, Французъ задерживаетъ его).

ФРАНЦУЗЪ. Halte là!

НѢМЕЦЪ (въ дверяхъ) Куда вы? Вина...

ПЕТРОВЪ. Я за нимъ и иду. (Нѣмецъ уходитъ)

ЗИНА. Оставьте его, лессé, гарсонъ, мусье... Да лессе-же, говорятъ тебѣ... Я плясать буду... Муа дансé, а ты лессé, болванъ...

ФРАНЦУЗЪ (отпускаетъ Петрова) Mais elle est adorable!

ФРАНЦУЗЫ (въ дверяхъ) Dancez, dancez, la belle! (Петровъ уходитъ)

19.

ЗИНА. Ладно... Буду дансé... (пляшетъ, французы апплодируютъ) Ну что? Будетъ? Идемъ обѣдать... Диuѐ, мусье...

ФРАНЦУЗЫ. Allons, allons...

ЗИНА. Алле, алле, мусье... (уходятъ)

ПЕТРОВЪ (возвращаясь) Зина!.. (она выглядываетъ изъ столовой).

20.

ЗИНА. Сейчасъ... (французамъ) Я гитару принесу. Муа портé гитаръ, муа шанте... Пѣть буду вамъ... (Петрову) Что? готово?

ПЕТРОВЪ. Да, графа перенесли въ карету. Я сяду на козлы... Идемъ...

ЗИНА. Ну, Господи благослови!.. Будьте вы прокляты, злодѣи окаянные!.. (Уходитъ съ Петровымъ)

З А Н А В Ѣ С Ъ.

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

Деревушка подъ Москвой. На лавкѣ у избы сидитъ ТОЛЬ, въ сторонѣ ходятъ, переговариваясь, САВЛИНЪ и ГРИГОРІЙ СѢВЕРСКІЙ.

1.

КУТУЗОВЪ (выходитъ изъ избы на крыльцо) Полковникъ Толь...

ТОЛЬ (вскочивъ) Что прикажете, ваша свѣтлость?

КУТУЗОВЪ. Что-жъ арьергардъ? Неужели же нѣтъ извѣстій?

ТОЛЬ. Нѣтъ еще, ваша свѣтлость.

КУТУЗОВЪ. Странно... Никто лучше Милорадовича не сумѣетъ прикрыть выступленіе арміи изъ Москвы, но онъ отваженъ и скоръ, а тутъ нужно терпѣніе... отмѣнное терпѣніе... (садится на крыльцо) А что Барклай?

ТОЛЬ. Насколько мнѣ извѣстно, генералъ занятъ сборомъ отсталыхъ для ускоренія выхода изъ города войскъ;

КУТУЗОВЪ. Неблагодарная задача, а тоже требуетъ своего рода геройства. Своимъ спокойствіемъ онъ успокаиваетъ солдатъ.. Недаромъ пули пощадили его подъ Бородинымъ, когда онъ искалъ смерти, и 5 лошадей было подъ нимъ убито. (входитъ курьеръ и говоритъ съ Толемъ)

ТОЛЬ. Курьеръ, ваша свѣтлость, отъ генерала Милорадовича.

2.

КУТУЗОВЪ. А, наконецъ то... Ну, ну, что новаго?

КУРЬЕРЪ. Генералъ Милорадовичъ честь имѣетъ донести вашей свѣтлости, что ежели король Неаполитанскій не приметъ сдѣланнаго ему предложенія о временномъ перемиріи, то придется драться въ городѣ, а въ такомъ случаѣ арьергарду нужно будетъ подкрѣпленіе.

КУТУЗОВЪ. Какъ!.. Бой въ городѣ?... Но вѣдь они втянутъ всю армію... Ни я, ни никакія силы не смогутъ удержать солдатъ... (овладѣвъ собой) Ну, что-жъ, драться, такъ драться... Мы еще не остыли отъ Бородинскаго боя, а въ виду московскихъ стѣнъ нашъ пылъ разгорячить не трудно... (встаетъ и возвращается въ избу) Но сколько жертвъ!.. сколько жертвъ!..

САБЛИНЪ. О жертвахъ надо было раньше подумать. Покинувъ Смоленскъ, Барклай открылъ врагамъ ворота Москвы, за руку привелъ въ столицу Наполеона.

ГР. СѢВЕРСКІЙ. Меня безпокоитъ, что отъ брата нѣтъ извѣстій... (входитъ адъютантъ)

3.

АДЪЮТАНТЪ. Вы здѣсь, графъ? Васъ спрашиваетъ какая то дѣвченка изъ Москвы. Недурная, свѣженькая...

ГР. СѢВЕРСКІЙ. Отъ брата можетъ быть... Гдѣ же она?

АДЪЮТАНТЪ. Да вотъ идетъ... (входитъ Груня и съ плачемъ бросается передъ Сѣверскимъ на колѣни).

4.

ГРУНЯ. Ахъ, ваше сіятельство, ваше сіятельство!...

ГР. СѢВЕРСКІЙ. Перестань, глупая... Что братъ? Живъ?

ГРУНЯ. Не знаю, ваше сіятельство, ничего не знаю... Тамъ разоръ... французы... Сама еле жива... А только мы ей Богу не виноваты!..

ГР. СѢВЕРСКІЙ. Толкомъ говори, что графъ?

ГРУНЯ. Графъ Михаилъ Павловичъ... какъ только нагрянули враги..

ГР. СѢВЕРСКІЙ. Ну?

ГРУНЯ. Грудь себѣ прострѣлили...

ГР. СѢВЕРСКІЙ. О, Господи... (закрываетъ лицо руками).

ГРУНЯ. Мы не могли уберечь...

САБЛИНЪ. (кончено) Такой конецъ лучше французскаго плѣна.

ГРУНЯ. Да они живы остались...

ГР. СѢВЕРСКІЙ. Что ты говоришь? (поднимаетъ голову)

ТОЛЬ. Значитъ, графъ все же въ плѣну?

ГРУНЯ. Никакъ нѣтъ-съ. Сергѣй Петровичъ перенесли ихъ, будто мертваго, въ карету и увезли, а куды-не знаю. Мы, ваше сіятельство, ей Богу, не виноваты...

СѢВЕРСКІЙ. Бѣдный Миша...

САБЛИНЪ. Ну, на Сергѣя Петрова можно положиться. Преданный человѣкъ...

ГРУНЯ. Они все цѣнное въ саду закопали... Зато ужъ въ домѣ что

дѣлается!... И не приведи Господи!...

ТОЛЬ. Грабятъ?

ГРУНЯ. Да еще какъ!... Все какъ есть тащутъ: одежду, бѣлье, ковры... И я-то насилу ноги унесла... Спасибо солдатикамъ, на фурѣ подвезли...

САБЛИНЪ. И вездѣ грабежъ?

ГРУНЯ. Вездѣ, ваше высокоблагородіе, какъ есть вездѣ... Шампанское все у васъ выдули. Дѣдушка то Агафонъ со слезами бутылки носилъ... А они, злодѣи, знай пьютъ да хохочутъ...

ГР.СѢВЕРСКІЙ. Не вѣчно будутъ хохотать. Когда нибудь и заплачутъ...

ГРУНЯ. Да это еще что, ваше сіятельство!... Они по церквамъ коней разставили. Поповъ гонятъ, да бьютъ, ризы рвутъ съ образовъ, басурмане этакіе!... Женщинъ ловятъ на улицѣ, тащатъ изъ ушей серьги, срываютъ платья, платки...

САБЛИНЪ. Что за безобразіе!... А мы и пальцемъ не двинули, чтобы помѣшать этому...

ГР.СѢВЕРСКІЙ. Ступай ко мнѣ, Груня, послѣ доскажешь...

ГРУНЯ. Слушаю, ваше сіятельство... (уходитъ. Изъ избы выходитъ Кутузовъ съ адъютантомъ и садится на лавку у крыльца. Въ глубинѣ сцены проходятъ войска).

5.

КУТУЗОВЪ. Гдѣ же курьеръ? (входитъ Потемкинъ) Съ какими вѣстями, полковникъ?

ПОТЕМКИНЪ. Съ хорошими, ваша свѣтлость. Генералъ Милорадовичъ объявилъ королю Неаполитанскому Мюрату, что ежели французы хотятъ занять Москву въ цѣлости, то пусть дадутъ намъ спокойно пройти черезъ городъ. Въ противномъ случаѣ будемъ драться до послѣдняго человѣка и оставимъ непріятелю однѣ развалины.

КУТУЗОВЪ. Такъ что же Мюратъ?

ПОТЕМКИНЪ. Согласился...

КУТУЗОВЪ. Слава Богу!...

ПОТЕМКИНЪ. Съ тѣмъ, чтобы Москва въ тотъ же день была занята французами. Король прибавилъ, что согласился на условія генерала Милорадовича единственно изъ уваженія къ нему.

КУТУЗОВЪ. Да, да, я зналъ, кого послать. И Милорадовичъ оправдалъ мое довѣріе... Но что тамъ за шумъ? Узнайте, полковникъ... (Потемкинъ идетъ въ глубину сцены и немного погодя возвращается).

САБЛИНЪ. Значитъ, все кончено... Боя не будетъ... Чортъ знаетъ, что такое!...

КУТУЗОВЪ. Ну, что же тамъ?

ПОТЕМКИНЪ. Да ничего особеннаго, ваша свѣтлость. Солдаты роп-

щутъ: говорятъ - куда онъ насъ завелъ?..? Глупый народъ...

КУТУЗОВЪ. И хорошо, что ропщутъ. Хуже было бы, если бы они съ легкимъ сердцемъ уступали Москву. Я все взялъ на себя, за все готовъ отвѣчать, но не своихъ, а враговъ завелъ я въ западню и провелъ заодно., повѣрьте, господа... Не побѣдить, а дай Богъ обмануть Наполеона. Это я и раньше говорилъ... (входитъ Голицынъ).

6.

ГОЛИЦЫНЪ. Честь имѣю доложить вашей свѣтлости, что непріятель вступилъ въ Москву

КУТУЗОВЪ (вздрогнувъ) Вступилъ?... Ну, и слава Богу!.. Это ихъ послѣднее торжество. До сихъ поръ они все шли впередъ. Дай Богъ, чтобы Москва-матушка задержала ихъ хотя бы цѣною своей гибели и разоренія. Дай Богъ!...

САБЛИНЪ. Враги въ Москвѣ... Это возмутительно... позорно!...

ГР.СѢВЕРСКІЙ. Конечно, каждый изъ насъ предпочелъ бы умереть, чѣмъ сдать Москву.

ПОТЕМКИНЪ. Да, это больно, очень больно!...

САБЛИНЪ. Долго ли мы будемъ отступать и уступать Россію? Куда насъ ведутъ? Куда? Тысячи раненыхъ, святыни и сокровища столицы, все малодушно кинуто въ добычу врагамъ.

ТОЛЬ. Вы безпокоите фельдмаршала, господа. Онъ можетъ услышать...

САБЛИНЪ. Силъ нѣтъ терпѣть!...

КУТУЗОВЪ. Оставь ихъ, братецъ, это моя Голгофа... Но тебѣ я могу сказать, что Москва гибнетъ недаромъ. Потеря ея закалитъ насъ для борьбы...

ТОЛЬ. Развѣ мыслима борьба послѣ взятія столицы?

КУТУЗОВЪ. Повѣрь, она теперь только начинается. До сихъ поръ сражались одни войска, теперь вся Русь Ополчится. Перебьютъ людей, камни встанутъ, земля разступится подъ ногами враговъ... Полковникъ Потемкинъ!... (Потемкинъ подходитъ) Что генералъ Барклай еще въ городѣ?

ПОТЕМКИНЪ. Точно такъ, ваша свѣтлость. Все на конѣ, хлопочетъ, распоряжается съ истинно нѣмецкимъ хладнокровіемъ.

КУТУЗОВЪ. Хотя по волѣ государя я и замѣнилъ Барклая, но всегда готовъ отдать ему справедливость, какъ человѣку честному и отважному.

АДЪЮТАНТЪ. Ваша свѣтлость, сейчасъ подъѣхалъ генералъ Милорадовичъ. (входитъ Милорадовичъ).

7.

КУТУЗОВЪ. А, Михаилъ Андреевичъ, добро пожаловать.. Спасибо

за исполненіе моего порученія, большое спасибо...

МИЛОРАДОВИЧЪ. Сдѣлалъ, что могъ, ваша свѣтлость... Переговорилъ съ Мюратомъ, и могу сказать, весьма успѣшно. Онъ-то славный малый, но пруссаки чуть было не подгадили, вышедши намъ наперерѣзъ. Могли бы захватить обозъ и отбить остальныхъ, да я вихремъ налетѣлъ на нихъ, не давъ опомниться. Гдѣ, спрашиваю, генералъ Себастіани? Они вытаращили на меня глаза, однако провели къ своему начальнику. Пока мы переговаривались съ Себастіани, наши перемѣшались съ французами, но сохранили полный порядокъ, почти не разстроивъ рядовъ. Одно слово - чудо-богатыри...

КУТУЗОВЪ. Да, да, богатыри, начиная съ своего крылатого командира...

МИЛОРАДОВИЧЪ. А трудно было сдержаться, ваша свѣтлость, ухъ какъ трудно... Какъ запестрѣли передо мной всѣ эти разноплеменные полки, такъ что въ глазахъ рябило... какъ замелькали ихъ султаны, значки, знамена - вотъ, кажется, душу бы отдалъ, лишь бы свернуть голову вражескимъ орламъ, да сбить эти гордые султаны.

КУТУЗОВЪ. Да, посбить бы съ нихъ спѣси не мѣшало... Дай срокъ, братецъ, дай срокъ...

МИЛОРАДОВИЧЪ. Терпѣнія не хватаетъ, ваша свѣтлость, а впрочемъ покоряюсь!... (3 пушечныхъ выстрѣла одинъ за другимъ) Это что?

КУТУЗОВЪ. Враги салютуютъ. (видно отдаленное зарево, которое разгорается)

САБЛИНЪ. А мы молчимъ, уходимъ... Бѣдная Москва!... (взрывъ вдали).

3.

КРЕСТЬЯНЕ (бѣгутъ изъ деревни) Горитъ Москва!... Горитъ!..

КУТУЗОВЪ. Что это, братцы? Взрывъ? пожаръ?

ТОЛЬ. И то и другое, кажется...

КРЕСТЬЯНЕ. Конецъ Москвѣ!... Горитъ... О, Господи!...

САБЛИНЪ. Злодѣи!... Они жгутъ городъ...

КУТУЗОВЪ. Не можетъ быть!...

КРЕСТЬЯНЕ. Горимъ, горимъ!.. Порѣшили... всему конецъ!... (отходятъ въ сторону)

КУТУЗОВЪ. Нѣтъ, это лишь начало. (Пламя разгорается сильнѣе)

ГОЛИЦЫНЪ. Взрывъ былъ, говорятъ, у Симонова монастыря.

ГР. СЕВЕРСКІЙ. Гибнетъ Москва!...

КУТУЗОВЪ. Враги наши гибнутъ, господа. Пламя Москвы поглотитъ и всю славу Наполеона, и всѣ его побѣдные трофеи. Не плакать надо, а радоваться. Это очистительная жертва...

ПОТЕМКИНЪ. Пылаетъ точно костеръ.

МИЛОРАДОВИЧЪ. Неужели же весь городъ отдадутъ въ жертву пламени?

КУТУЗОВЪ. Жалко, это правда... Но подождите: недолго будетъ врагъ торжествовать. Я ему голову-то проломаю...

ГР.СѢВЕРСКІЙ. Брату не спастись... Это ужасно...

САБЛИНЪ. А я завидую всѣмъ, кто умираетъ въ стѣнахъ Москвы.

КУТУЗОВЪ. Гляди ка, братецъ, что это за человѣкъ тамъ спрыгнулъ съ лошади и ринулся на землю? (Адъютанту)

АДЪЮТАНТЪ. Ополченецъ Глинка...

КУТУЗОВЪ. А, писатель!.. Приведи-ка его ко мнѣ...

АДЪЮТАНТЪ. Слушаю, ваша свѣтлость... (уходитъ и вскорѣ возвращается. Съ нимъ Глинка).

9.

КУТУЗОВЪ. Что съ вами, сударь? Къ чему такое отчаяніе?

ГЛИНКА (горестно) Москва горитъ, ваша свѣтлость... Чего же больше?

КУТУЗОВЪ. Постойте... Не вы ли одни во всей Россіи сошлись со мной во мнѣніи, задолго предсказавъ жребій столицы? Когда непріятель едва перешелъ Нѣманъ, не вы ли говорили, что Москва будетъ сдана?

ГЛИНКА. Да, я считалъ, что отъ Нѣмана до Москвы нѣтъ достаточно преградъ, но могъ ли я представить себѣ весь этотъ ужасъ?

КУТУЗОВЪ. Мнѣ помнится, вы говорили еще, что адъ должно отражать адомъ, что Москва привыкла страдать за Россію, но что сдача ея будетъ спасеніемъ отечества?

ГЛИНКА. Сознаюсь, это мои слова.

КУТУЗОВЪ. Такъ зачѣмъ же это малодушіе?

ГЛИНКА. Князь, я говорилъ о сдачѣ Москвы, предвидѣлъ, что ее ждетъ пожарный жребій. Но я мечталъ, что изъ нея вывезутъ и вѣковую нашу святыню и вѣковые наши памятники. А если все это истлѣетъ въ пламени, то къ чему будетъ пріютиться мысли и сердцу?

КУТУЗОВЪ. Къ самой землѣ, сударь, къ духу народному. Лишь только оставятъ ее враги, Москва разукрасится, какъ невѣста, возродится какъ фениксъ изъ пепла. Поднимите же головы, господа... Не теряйте надежды. Съ твердой вѣрой въ лучшее будущее глядите впередъ...

САБЛИНЪ. Вамъ легко говорить, ваша свѣтлость, но кто, какъ я, потерялъ въ нѣсколько дней родного сына, родной кровъ и родной городъ, для того нѣтъ лучшаго будущаго...

ГР.СѢВЕРСКІЙ. Я потерялъ брата...

КУТУЗОВЪ. Понимаю, понимаю и сочувствую... Или вы думаете, господа, что сердце мое не исходитъ кровью за каждаго изъ васъ съ самаго дня Бородинскаго боя и до сего часа? Я больше вашего потерялъ. Негодованіе народа, ропотъ войскъ, вашъ ропотъ - всей своей тяжестью ложится на меня, но я и подъ бурей не склоняю головы, не сбрасываю съ плечъ тяжелаго креста.

ГЛИВКА. Буду слѣдовать вашему примѣру, князь. Вы подбодрили меня.

КУТУЗОВЪ. Такъ то лучше... Вѣдь это лишь начало трагедіи... Надо беречь силы, еще много трудовъ впереди.

ТОЛЬ. Вы устали, ваша свѣтлость, не желаете ли на покой?

КУТУЗОВЪ. Не буду знать покоя, пока не выгоню пришельцевъ изъ Россіи... Но ты правъ, братецъ, я усталъ. Пойду къ себѣ, пожалуй... (всходитъ на крыльцо съ Толемъ и адъютантомъ. Крестьяне пошептавшись и подталкивая другъ друга, съ поклонами подходятъ къ крыльцу).

МИЛОРАДОВИЧЪ. А вы очень смѣлы, полковникъ.

САБЛИНЪ. Измучился я, ваше превосходительство. По крайности душу отвелъ...

10.

КУТУЗОВЪ. А это что за народъ собрался? Узнай-ка, Толь...

КРЕСТЬЯНЕ. Батюшка, пожалѣй!... Мы къ вашей свѣтлости... Къ твоей милости... Не выдавай, родимый!..

ТОЛЬ. Что вамъ надо? Зачѣмъ безпокоите его свѣтлость?

КРЕСТЬЯНЕ. Да мы къ его милости.

КУТУЗОВЪ. Нѣтъ, этакъ отъ нихъ толку не добьешься... Слушайте братцы... Пускай одинъ говоритъ за всѣхъ и объяснитъ въ чемъ дѣло. (крестьяне шепчутся, одинъ старикъ выступаетъ впередъ) Ну?

СТАРИКЪ. А какъ мы, значитъ, слыхали, батюшка, что ваша свѣтлость изволите войску-то свою уводить, такъ мы, значитъ, по эфтому самому дѣлу и пришли плакаться.

КРЕСТЬЯНЕ (на колѣняхъ) Смилуйся, батюшка!... На кого ты насъ горькихъ сиротъ покидаешь?

КУТУЗОВЪ. Утѣшьтесь, добрые люди, встаньте!... Недолго пировать врагамъ... Скоро прогонимъ ихъ...

КРЕСТЬЯНЕ. Не покидай, родимый!... Не сзывай войска!...

КУТУЗОВЪ. Вѣрьте моему слову, братцы, недолго будутъ враги позорить нашу столицу. Выкинетъ она ихъ вонъ, какъ падаль негодную. Не удерживайте же меня! Оставаясь здѣсь, я не могу защищать Россію. Долженъ отодвинуться, чтобы лучше прыгнуть, да такъ, чтобъ за воротъ схватить Наполеона.

КРЕСТЬЯНЕ. Значитъ, неправда, будто распустятъ солдатъ, будто замириться хотятъ съ басурманами?

КУТУЗОВЪ (гнѣвно) Что?... Какой подлецъ осмѣлился такъ нагло обмануть васъ? Да плюньте въ ему въ глаза, измѣннику!... Пока хоть одинъ вооруженный непріятель останется въ Россіи, нашъ Государь и слышать не хочетъ о мирѣ. И я вѣрю, мнѣ суждено вымести весь этотъ иноземный соръ изъ русской земли. Двадцать народовъ ополчилось на насъ по волѣ Наполеона, но идутъ они нехотя, какъ стадо по волѣ

пастуха. А мы за свое стоимъ: за женъ, за дѣтей, за уголъ родной: Съ нами Богъ... Помните,братцы, потеря Москвы - не есть потеря Россіи, и я, коли буду живъ, сторицею отплачу врагамъ за московское разореніе... (уходитъ въ избу съ адъютантомъ).

ТОЛЬ. Расходитесь... Расходитесь...

СТАРИКЪ. Теперича, значитъ, и помирать будетъ легче. Вѣдь у насъ, батюшка ваше превосходительство, ничѣгошеньки не осталось... такъ перебиваемся...

МИЛОРАДОВИЧЪ. Какъ же это?

СТАРИКЪ. А оченно даже просто. Хлѣбушка нашъ весь, значитъ, потоптали, скотинку міроѣды угнали, а то и солдатикамъ на прокормленіе пошла. Пущай ихъ кормятся, сердешные, а намъ тае и помирать можно.

МИЛОРАДОВИЧЪ (тщетно роется въ карманахъ) Полковникъ, нѣтъ ли у васъ денегъ?

ТОЛЬ. Извольте, ваше превосходительство.

МИЛОРАДОВИЧЪ (раздавая деньги) Вотъ вамъ, братцы, на хлѣбъ.

КРЕСТЬЯНЕ (кланяясь) Спасибо, батюшка, спасибо тебѣ...

БАБА. У меня сына то кормильца враги убили...

КРЕСТЬЯНИНЪ. А у меня все какъ есть пожгли...

МИЛОРАДОВИЧЪ. Не забудьте, сколько вы мнѣ дали, полковникъ, я не сосчиталъ...

ТОЛЬ. Не безпокойтесь, генералъ, я помню...

КРЕСТЬЯНЕ. Спасибо, батюшка!..

МИЛОРАДОВИЧЪ. Ладно, ладно... расходитесь!.. Нечего тутъ болтаться...(они расходятся) Бѣдные люди!..

СѢВЕРСКІЙ. Да, безотвѣтные...

МИЛОРАДОВИЧЪ. Ну и денекъ выдался, прости Господи!... Представьте, полковникъ, веду я сегодня войска мимо Кремля, и вдругъ слышу военный маршъ. Что за чудеса? Гляжу, а это генералъ Брозинъ вздумалъ выводить съ музыкой кремлевскій гарнизонъ подъ предлогомъ, что по регламенту Петра Великаго гарнизонъ, свободно выступающій при сдачѣ крѣпости, выходитъ съ музыкой. Да развѣ есть въ регламентѣ Петра Великаго что либо о сдачѣ Москвы? Разумѣется, я велѣлъ замолчать его дурацкой музыкѣ.

ТОЛЬ. Вы, должно быть, сильно утомились, генералъ?

МИЛОРАДОВИЧЪ. Да, есть немного, хотя я предпочелъ бы отдыху хорошую схватку съ французами. Ужъ очень ихъ много прошло передо мной. Завидно!..

СѢВЕРСКІЙ. Сюда идетъ деньщикъ вашего превосходительства.

МИЛОРАДОВИЧЪ. И отлично... До свиданія, господа... (всѣ расходятся, кромѣ Милорадовича. Входитъ деньщикъ).

ДЕНЩИКЪ. Ваше превосходительство!... А вы еще живенькіе?

МИЛОРАДОВИЧЪ. Вотъ дуракъ!... Ужъ если я изъ Бородинскаго ада цѣлымъ выбрался, то сегодняшняя прогулка - сущіе пустяки.

ДЕНЩИКЪ. А мы этто опасались измѣны французовъ, ловушки.

МИЛОРАДОВИЧЪ. Глупсоти!... Но у меня съ утра маковой росинки во рту не было. Дай-ка мнѣ пообѣдать, братецъ... (денщикъ молчитъ съ мрачнымъ видомъ) Или хоть что нибудь перекусить...

ДЕНЩИКЪ. Да у насъ ничего нѣтъ, ваше превосходительство. Сами же вы приказали все раненымъ отдать.

МИЛОРАДОВИЧЪ. Ахъ да, я и забылъ... Ну, такъ дай чаю...

ДЕНЩИКЪ. И чаю нѣтъ.

МИЛОРАДОВИЧЪ. Такъ трубку дай...

ДЕНЩИКЪ (укоризненно) Трубку? Да вѣдь табакъ весь вышелъ, ваше превосходительство.

МИЛОРАДОВИЧЪ. Ну, такъ дай мнѣ бурку...

ДЕНЩИКЪ. Это имѣется, пока вы не отдали. Все вѣдь раздать готовы, за вами только гляди... (идетъ въ избу и приносить бурку)

МИЛОРАДОВИЧЪ. Ну, разворчался!... Спать хочется, а въ избахъ грязь, духота... Давай-ка бурку сюда... (завертывается въ бурку и засыпаетъ на лавкѣ, подложивъ подъ голову руку).

ДЕНЩИКЪ. Дите малое!... Кабы не я, пропалъ бы онъ совсѣмъ... (входитъ ЕФРЕМОВЪ).

12.

ЕФРЕМОВЪ. Доложи-ка, братецъ, генералу Милорадовичу, что полковникъ Ефремовъ желаетъ его видѣть.

ДЕНЩИКЪ. Да вотъ они сами... Эхъ, жаль будить!... Ваше превосходительство, ваше превосходительство, къ вамъ полковникъ Ефремовъ!

МИЛОРАДОВИЧЪ (просыпаясь) А, это ты, братецъ? Ну, что скажешь?

ЕФРЕМОВЪ. Честь имѣю донести вашему превосходительству, что послѣдняя казачья сотня благополучно выведена мною изъ города.

МИЛОРАДОВИЧЪ. Молодецъ!... А что французы, не безпокоили?

ЕФРЕМОВЪ. Муратъ нагналъ.

МИЛОРАДОВИЧЪ. Ну, этотъ вездѣ поспѣетъ. Да что же ты, братецъ, безъ бурки?

ЕФРЕМОВЪ. А Мурату подарилъ.

МИЛОРАДОВИЧЪ. Да что ты...

ЕФРЕМОВЪ. Честное слово, ваше превосходительство. Онъ присылалъ спросить, знаю ли я его? Что же мнѣ было отвѣчать? Сказалъ, что знаю и всегда видѣлъ его въ огнѣ.

МИЛОРАДОВИЧЪ. Сущая правда... Онъ не трусить.

ЕФРЕМОВЪ. Ему, видно, понравился мой отвѣтъ. Сталъ онъ съ на-

ни болтать совсѣмъ запросто, похвалилъ мою бурку. Ну, я и уступилъ ему. А онъ мнѣ вотъ эти самые часы подарилъ. Не хотѣлось брать, да подумалъ: еще обидится? Вотъ я и взялъ.

МИЛОРАДОВИЧЪ. Какой же ты казакъ, если бы отъ подарка отказался? Внукамъ будешь хвалиться, братецъ... Ну, а теперь на покой... Такъ то вотъ завернешься въ бурку, и отличное дѣло...

ЕФРЕМОВЪ. Москва то-матушка наша какъ горитъ...

МИЛОРАДОВИЧЪ. И не говори!.. Глаза бы мои не глядѣли... Съ горя то я и спать завалился... Да вотъ погоди... Старикъ то нашъ духомъ не падаетъ, грозится отплатить врагамъ...

ЕФРЕМОВЪ. А какъ вы думаете, ваше превосходительство? Отплатимъ?

МИЛОРАДОВИЧЪ. Отплатимъ, если буду живъ, какъ Богъ святъ, отплатимъ... И сами еще до Парижа дойдемъ... Отдадимъ визитъ Бонапарту...

З А Н А В Ѣ С Ъ.

Д Ѣ Й С Т В І Е Ч Е Т В Е Р Т О Е.

КАРТИНА ПЕРВАЯ.

Подвалъ. ВОРОНЪ у окна. ГРИШКА РЫЖІЙ лежитъ на соломѣ.

1.

РЫЖІЙ. Ну, что, братъ Воронъ, не утихаетъ?

ВОРОНЪ. Куды тамъ!.. Пуще прежняго горитъ. Вся Срѣтенская часть такъ и полыхаетъ. Однако, что же это Фомки не видать? Ужъ не попался ли онъ врагамъ на закуску?

РЫЖІЙ. Такъ онъ тебѣ и попадется!.. Да вотъ и онъ съ компаніей. Никакъ цѣлый таборъ приволокъ... (входятъ ФОМКА ХОМЯКЪ съ обвязанной кушакомъ головой, МАША, ЗИНА, ПЕТРОВЪ и МИХАИЛЪ СЪ-

ВЕРСКІЙ) КажДому по бабѣ. Знатно!..

ВОРОНЪ. Анъ нѣтъ, обчелся... Ихъ всего двѣ...

ПЕТРОВЪ (кланяясь) Здравствуйте, добрые люди...

РЫЖІЙ. Откуда чортъ принесъ?

ВОРОНЪ. чего же ты, парень, всего четверыхъ притащилъ, а?

ФОМКА. Ну, ну, не каркай, Воронъ... Теперь ужъ такое время...

ВОРОНЪ. А время такое, что каждому до себя. У враговъ, что ли, научился раненыхъ подбирать на улицѣ? а?

ФОМКА. Сказано, не ворчи, песъ лохматый... Они мнѣ помогли, и я имъ.

ПЕТРОВЪ (кланяясь) Накормите насъ, добрые люди, съ голоду пропадаемъ. Раненаго офицера отъ французовъ спасли, да чуть живьемъ не сгорѣли... Всего натерпѣлись...

ВОРОНЪ. Да ты мнѣ, молодецъ, Лазаря то не пой. Кто мнѣ за васъ поручится, что вы не приведете въ нашу берлогу непрошенныхъ гостей?

ПЕТРОВЪ. Богомъ клянусь, братцы... За всѣхъ головой ручаюсь.

ВОРОНЪ. А что мнѣ толку въ твоей головѣ? У меня судъ коротокъ: чуть что, всѣхъ васъ, собакъ, пришибу. Молотъ то у меня свой, не купленный. (Показываетъ огромный кулакъ) На всѣхъ хватитъ...

ФОМКА. Да что ты, Воронъ, съ позволенія сказать, какъ песъ лаешься? Аль тебѣ хлѣба жалко? Тоже вѣдь свои, православные.

ВОРОНЪ. А ты, Хомякъ, больно жалостливъ, какъ погляжу. Видно за добрыя дѣла и штемпелемъ отмѣченъ, чтобы не затерялся.

ЗИНА. Да вы намъ, господинъ Воронъ, дайте только подкрѣпиться. А тамъ и гоните, пожалуй, коли есть охота...

ВОРОНЪ. Что-жъ, старый чортъ, взялся баръ выручать, такъ и выручай... А вы, знай глядите, да помалкивайте. Мы люди скромные, почета не любимъ, отъ славы бѣжимъ...

РЫЖІЙ. Дѣвченки то какъ на васъ воззрились. Аль наши рожи по вкусу пришлись?

ФОМКА: Не замай ихъ, Гришка... Хлѣбъ да соль, дивчата... Вотъ вамъ квасъ да калачи...

ЗИНА и МАША. Спасибо вамъ, братцы, спасибо...

М.СЕВЕРСКІЙ (вынимая изъ кармана золотой) Мы тоже въ долгу не останемся.

ВОРОНЪ. Эхъ, баринъ, баринъ!.. Думаешь, мы твоихъ рыжиковъ не видали? (указывая на мѣшки въ углу) Глянь-ка, тутъ и золото и серебро, и всякое добро, а хлѣбъ то теперь дороже золота.

М.СЕВЕРСКІЙ. Правда... Благодарю за хлѣбъ-соль...

ВОРОНЪ. Такъ то лучше... А деньгами насъ не удивишь. Деньги иной разъ и силкомъ возьмешь, а доброе слово даютъ лишь охотою...

(Фомкѣ, который кряхтя разматываетъ голову) Экъ тебя, Фомка, угораздило... Кто же это тебя такъ уважилъ, а?

ФОМКА. Французы проклятущіе, чтобъ имъ ни дна ни покрышки... Пошелъ я, значитъ, къ нимъ на охоту. Не все же православныхъ своихъ обирать, надо и ихъ потѣшить. Гляжу - стоитъ это возъ до верху накладенъ, а они, вражьи сыны, поналожили на него всякаго добра, да и вонъ пошли. Ну, я, разумѣется, цапъ добычу съ возу, зарылъ въ укромномъ мѣстѣчкѣ да на обратномъ пути и попался. Далъ я отъ нихъ тягу, а они лѣшіе меня въ догонку по башкѣ и полоснули.

РЫЖІЙ. А ты не зѣвай!..

МАША. Бѣдный человѣкъ!.. Если бы воды, можно бы промыть рану...

РЫЖІЙ. Что-жъ, орудуй, дѣвка, коль не брезгуешь старичкомъ.

ФОМКА. А вонъ тамъ вода да полотенце. (Маша съ Зиной перевязываютъ Фомкѣ голову)

М.СѢВЕРСКІЙ (тихо Петрову) Куда мы попали? Я боюсь за Машу.

ПЕТРОВЪ. Будьте покойны, графъ. Ужъ если эти люди пріютили насъ, они не обидятъ.

М.СѢВЕРСКІЙ. А не ожидалъ я, что останусь въ живыхъ. Ты не думай, Сергѣй, я не шутя стрѣлялся. Не хотѣлось только уродовать себя, потому я и выстрѣлилъ въ грудь.

ПЕТРОВЪ. Да вы не оправдывайтесь, графъ. Довольно вы задали намъ заботъ съ этой раной. Только что поправляться стали.

ФОМКА. Золотыя у тебя ручки, барышня... Точно пухъ...

МАША. Легче теперь?

ФОМКА. Еще бы... Опять человѣкомъ сталъ...

ЗИНА. Сбавить бы годковъ съ полсотни, и былъ бы ты кавалеромъ хоть куда.

ФОМКА. А вѣдь это она, братцы, и набрела на меня, когда я отъ враговъ, значитъ, бѣжамши, на улицѣ растянулся, да такъ колода въ забытьи лежалъ. Правильная дѣвчонка, жалостливая.

ВОРОНЪ. Эхъ ты... Горе-богатырь... расчувствовался...

М.СѢВЕРСКІЙ. А знаешь, братецъ, жизнь все-таки хороша, и я слишкомъ дешево цѣнилъ ее... И въ самомъ дѣлѣ, что такое наша офицерская жизнь? Карты, женщины да попойки. Пріѣдается, какъ слишкомъ сытый столъ. Кавалеристъ живетъ излишествами. Вино въ его бокалѣ вѣчно льется черезъ край. Изо дня въ день повторяется все одно и то же; надоѣдая подъ конецъ, какъ назойливый напѣвъ безсмысленной застольной пѣсни.

МАША. Зато теперь, графъ, вамъ открылось окно на новый міръ.

М.СѢВЕРСКІЙ. Да, но изъ этого окна такъ скверно пахнетъ, что лучше бы захлопнуть его.

МАША. Не плюйте въ колодецъ, графъ, пригодится.

М.СѢВЕРСКІЙ. Зачѣмъ же плеваться, я не въ избѣ воспитанъ... Знаете, Мари, мы съ вами видно недаромъ встрѣтились въ этой необыч

ной обстановкѣ, недаромъ дѣлимъ арестантскую пищу и это, специально для красъ приспособленное помѣщеніе. Я чувствую, что изъ лихого гусара готовъ превратиться въ трубадура. Волшебница!... Вы заставили меня дорожить моей довольно-таки безполезной жизнью.

МАША. Ужъ если послѣдній нищій, живя въ грязи и холодѣ, зубами цѣпляется за жизнь, вамъ ли не дорожить ею: графъ?

М.СѢВЕРСКІЙ. Да, мнѣ, пожалуй, еще рано умирать. Интересно бы заглянуть въ будущее: что-то оно сулитъ? Если бы намъ только удалось выпроводить Наполеона, всѣмъ намъ, участникомъ этой гомерической войны, открылась бы блестящая будущность. Кутузовъ помолодѣетъ, ему пора, и на зло нѣмецкой партіи проживетъ еще сто лѣтъ; наша золотая молодежь съ 60-ти лѣтнимъ Голицынымъ во главѣ, выучится по русски /вѣдь Голицынъ взялъ уже учителя/, а генералъ Милорадовичъ - по французски. Я даже подозрѣваю, что если Наполеонъ рѣшился побезпокоить своимъ нашествіемъ на Россію 20 народовъ, не считая насъ, то единственно - съ цѣлью дать урокъ Милорадовичу. Бенигсенъ перестанетъ бѣситься при малѣйшемъ напоминаніи о фридландскомъ, не совсѣмъ удачномъ для него, сраженіи; Барклай получитъ особый орденъ: "за быстроту и рѣшительность", а меня произведутъ въ фельдмаршалы съ уплатой моихъ долговъ... Недурно, а?

ВОРОНЪ. А молодецъ ты, баринъ, чортъ тебя возьми!... Не унываешь...

М.СѢВЕРСКІЙ. Зачѣмъ же унывать? На то я и гусаръ, чтобы носа не вѣшать.

ПЕТРОВЪ. Хорошо еще, что удалось у попа съ мѣсяцъ отдохнуть. Тамъ вы и поправились, графъ.

М.СѢВЕРСКІЙ. Да, я такъ подбодрился, что рѣшительно запротестовалъ, когда мародеры задумали насъ изжарить живьемъ, и по барклаевской системѣ благородно ретировался.

МАША. Ужасное было бѣгство... Стоны, выстрѣлы, огонь и дымъ кругомъ...

ЗИНА. Да, жутко было, зато теперь благодать...

РЫЖІЙ. Чего ужъ лучше, чортъ возьми!... Палаты каменныя, угощеніе царское, ѣшь - не хочу... А главное общество самое великатное: большой свѣтъ, значитъ.

МАША. Было бы только сердце въ людяхъ...

ВОРОНЪ. А признайтесь-ка, дивчата, боитесь хозяевъ? Страшно, небось?

ЗИНА. И нисколько не страшно... Тебя бы, братецъ, только принарядить, и былъ бы ты молодецъ-молодцомъ...

ВОРОНЪ. А тихоня то что же? Али брезгаешь нами, бритыми кавалерами?

МАША. Господь съ вами... Я желала бы добромъ отплатить за ваше добро... А нашимъ раненымъ пора на покой. (Острожники дактъ

маші подушки) Отдохните, графъ...

М.СѢВЕРСКІЙ. Отдохнешь тутъ въ этой грязи... Ухаживайте за своимъ каторжникомъ, Маша, а меня прошу не равнять съ нимъ.

МАША. Тише, графъ, ради Бога не употребляйте обидныхъ словъ... здѣсь не мѣсто...

М.СѢВЕРСКІЙ. Спасибо за урокъ... буду помнить...

МАША. У, да какой же вы мудреный!.. бѣда мнѣ съ вами...

М.СѢВЕРСКІЙ. Я отъ тебя безъ ума...

МАША. Полноте, графъ!..

М.СѢВЕРСКІЙ. И меня бѣситъ твоя холодность. Я къ этому не привыкъ...

МАША. Привыкайте, графъ... Полезно...

М.СѢВЕРСКІЙ. Не будь я боленъ, ты бы и глядѣть на меня не стала.

МАША. Весьма вѣроятно... Сами подумайте, развѣ теперь время для комплиментовъ и любезностей?

М.СѢВЕРСКІЙ. Для любви всегда время...

МАША. Ужъ и до любви договорились... За неимѣніемъ лучшаго...

М.СѢВЕРСКІЙ. Я не шучу... Опасность сблизила насъ, сравняла наши пути... Къ тебѣ рвется мое сердце, это измѣнчивое, истасканное, непокорное сердце. Я самъ даже удивленъ, не ожидалъ отъ себя такой прыти. До сихъ поръ я только велъ игру въ любовь. Въ нашемъ свѣтѣ чувства или фальшивы, какъ румянецъ и локоны нашихъ дамъ, или подогрѣты, какъ плохое красное вино. Въ первый разъ чувствую порывъ искренней, горячей любви... Будь же ласковѣй со мной, Маша... Дорогая Маша!.. (беретъ ея руку)

МАША. Да это безуміе!.. Я, какъ докторъ, запрещаю вамъ такъ волноваться... Ложитесь, графъ... Отдохните. Иначе я разсержусь ни на шутку...

М.СѢВЕРСКІЙ. А ты останешься возлѣ меня?

МАША. Куда же мнѣ уйти? (Онъ ложится на солому, выстрѣлы).

М.СѢВЕРСКІЙ. Опять стрѣляютъ.

ЗИНА. И ночью не унимаются.

ВОРОНЪ. Разстрѣлы часто бываютъ на зарѣ... (Графъ засыпаетъ)

РЫЖІЙ. Да нѣтъ, это не залпъ... Въ одиночку палятъ...

ВОРОНЪ. Должно быть - черти міродеры... (Маша садится около Петрова)

МАША. Сережа, что это вы такъ присмирѣли?

ПЕТРОВЪ. Вы же знаете, барышня.

МАША. Не хочу васъ понимать. Кто далъ вамъ право коситься на меня и... чуть не ревновать?

ПЕТРОВЪ. Ревновать? Помилуйте, да я и глазъ на васъ поднять не смѣю. Потому то и возмущаютъ меня дерзкіе взгляды другихъ.

МАША. Вы мнѣ ни братъ, ни отецъ, сама за себя отвѣчу...

ПЕТРОВЪ. Неужели же вы любите графа? Вѣдь онъ погубитъ васъ...

МАША. Нѣтъ, Сергѣй, я никого не люблю. Не скрою, за это тяжелое время я научилась уважать васъ, съ довѣріемъ прибѣгать къ вашей поддержкѣ. Но любить кого нибудь выше или ниже себя - это такая мука... (сдерживая слезы) Я никого не люблю... (стукъ снаружи).

ЗИНА (испуганно) Стучатъ... (Графъ просыпается)

ВОРОНЪ. Кажется, дѣло дрянь... Это враги...

ЗИНА. Французы!..

МАША. Господи!..

РЫЖІЙ. Шабашъ, значитъ...

М.СѢВЕРСКІЙ. Могутъ они вломиться къ намъ?

ВОРОНЪ. Да, долго не продержимся... (Сильный стукъ)

М.СѢВЕРСКІЙ. Хоть бы дѣвушекъ спасти...

ПЕТРОВЪ. Ради Бога, братцы...

ВОРОНЪ. Пускай ложатся... больными прикиньтесь...

ФОМКА. И ты, баринъ, ложись...

ВОРОНЪ. А я съ ними перевѣдаюсь...

М.СѢВЕРСКІЙ. Такъ и я съ тобой.

ПЕТРОВЪ. Куда вамъ, графъ?

М.СѢВЕРСКІЙ. Все равно умирать... Конецъ мечтамъ!.. (выстрѣлъ въ окно)

ВОРОНЪ (падаетъ) Да, конецъ, братцы... (умираетъ)

РЫЖІЙ. Въ окно, анафемы, стрѣляютъ...

ФОМКА. Подушкой, чортъ, заложи...

РЫЖІЙ. Упадетъ... Ты, что-ль, держать будешь?

М.СѢВЕРСКІЙ. Мы можемъ защищаться...

РЫЖІЙ. Что толку то? Ворвуться, всѣхъ перерѣжутъ. Атаманъ готовъ, съ тебя да съ барина нѣтъ никакого проку. Надо отпереть...

М.СѢВЕРСКІЙ. Обидно!..

ЗИНА. Графчикъ вы мой бѣдный!..

ПЕТРОВЪ. Ложитесь, Маша... Не двигайтесь, чтобы ни случилось...

МАША. Но они убьютъ тебя, графа... (ложится на солому)

М.СѢВЕРСКІЙ. О немъ то вы раньше вспомнили...

ПЕТРОВЪ. Все равно, не спастись... А если они васъ пальцемъ тронутъ, я ни за что не отвѣчаю. (Дверь трещитъ, выстрѣлы) Золотая моя, безцѣнная, я десять разъ готовъ умереть за васъ...

РЫЖІЙ. Да этакъ они насъ всѣхъ, какъ дичь, перестрѣляютъ... (отпираетъ дверь. Врываются нѣсколько человѣкъ французовъ и поляковъ, хватаютъ и вяжутъ мужчинъ. Фомка лежитъ неподвижно, сорвавъ повязку съ головы. Его, Ворона и Машу не трогаютъ).

3.

ФРАНЦУЗЪ. Bas les armes! Incendiaires! Canailles!

ПОЛЯКЪ. Поджигатели...

ПЕТРОВЪ: Женщинъ пощадите...

ЗИНА: Вуй, вуй... Больную бросьте... Лессе маляде...

ПОЛЯКЪ. Русски офицеръ... Шпіонъ запевно...

ПЕТРОВЪ. Нѣтъ, нѣтъ, это бѣдный больной, ради Бога оставьте...

М.СѢВЕРСКІЙ. Да, я русскій офицеръ... дрался противъ васъ...

ПОЛЯКЪ. Пшеклента москаль ... Шпіонъ... (вяжетъ графу руки)

ПЕТРОВЪ. Оставьте... Онъ не виноватъ... Меня возьмите...

М.СѢВЕРСКІЙ. Молчи, Сережа... Плѣнъ для меня хуже смерти...

ЗИНА. Они убьютъ васъ...

М.СѢВЕРСКІЙ. Лишь бы не промахнулись...Прощай, Маша...

ФРАНЦУЗЫ. Allons, allons...

ПОЛЯКЪ (Зинѣ) Пуйдь же зъ нами, коханка... (уводитъ ее)

ПЕТРОВЪ. Маша, прощай... Я люблю тебя... (Маша вскрикиваетъ и падаетъ безъ чувствъ. Мужчинъ уводятъ, кромѣ Ворона и Фомки, считая обоихъ убитыми).

4.

ФОМКА (приподнявшись, оглядывается, подползаетъ къ Машѣ и смачиваетъ ей лобъ водой) Барышня, а барышня... Очнись...

МАША (открывая глаза) Что это? Сонъ?

ФОМКА. Какой тамъ сонъ... А видно тотъ молодчикъ крѣпко любитъ тебя...

МАША. И я его люблю, а онъ не знаетъ... не узнаетъ никогда, никогда...

ФОМКА. Знать ужъ судьба такая... (Залпъ)

МАША. Ахъ, Господи... Да это ихъ казнятъ...

ФОМКА. Да нѣтъ же, милая, ихъ только повели.

МАША. А можетъ быть ихъ оправдаютъ?

ФОМКА. Гдѣ ужъ тамъ? Шпіонами обозвали... а со шпіонами да съ острожниками могутъ и безъ суда расправиться... (залпъ) Двоихъ, значитъ, успокоили.

МАША. Но это ужасно... Надо спѣшить... (вскочивъ)

ФОМКА (удерживая ее) Стой, глупая, куда? Себя даромъ погубишь, а имъ на тебя глядя, еще тошнѣй будетъ умирать... (глядитъ въ окно) Э, да ихъ отсюда видно... Вонъ идутъ... Чего жъ они стали? Господи помилуй... Да они стали у той самой стѣны, гдѣ нашихъ казнятъ...

МАША (съ отчаяніемъ) О, Господи... (Залпъ. Она вскрикиваетъ) Кого-жъ они убили? Кого?

ФОМКА. Не видать... все дымомъ заволокло, какъ пеленой...

МАША. Пусти меня, пусти... (глядитъ въ окно) Ничего не вижу... (въ отчаяніи заламываетъ руки. Залпъ)

ФОМКА. Два... Ну, теперь держись, дѣвушка... Сейчас будетъ третій...

МАША. Злодѣи... (рыдаетъ)

ФОМКА. Ничего не слыхать... Или они только двухъ прикончили?

МАША. Они всѣхъ, всѣхъ убили...

ФОМКА. Не можетъ быть... Всего два раза пальнули. Можетъ твоего то и помилова и... Онъ молодъ, здоровъ... Работать заставятъ... (дымъ валитъ въ окно) А это что? Никакъ горимъ? Пойдемъ, дѣвушка, поищемъ другой квартеры... (роется въ мѣшкахъ, набивая карманы)

МАША. Куда итти? Смерть вездѣ...

ФОМКА. Не задыхаться же здѣсь, чортъ возьми...

МАША. Вся Москва умираетъ...

ФОМКА. Такъ что-жъ... На людяхъ и смерть красна... Пойдемъ и мы умирать съ Москвою вмѣстѣ... (уходятъ).

КАРТИНА ВТОРАЯ.

Поселенческій лагерь подъ Москвой. Въ глубинѣ сцены у палатокъ, на повозкахъ и на землѣ у костровъ сидятъ и лежатъ поселенцы, раненые, женщины. Фомка мѣшаетъ въ котелкѣ ложкой. Маша безучастно сидитъ около него, кутаясь въ дырявый платокъ.

1.

ЖЕНЩИНА (поетъ, укачивая ребенка):

"Мы дадимъ, друзья, клятву кровную,
Клятву кровную, задушевную.
Чтобъ не взвидѣть намъ ни домовъ своихъ,
Ни отцовъ родныхъ, ни младыхъ намъ женъ,
Малыхъ дѣтушекъ, роду-племени,
Не отмстивъ врагу за родну Москву"...

ФОМКА. А хороша пѣсня... Гдѣ то ты выучилась ей, голубушка?

ЖЕНЩИНА. Отъ солдатика одного слыхала... (поетъ):

"У насъ не было вдоволь свѣчь про васъ,
Вдоволь не было воску яраго;
Мы зажгли за васъ лишь одну свѣчу,
Лишь одну свѣчу - Москву-матушку,
Вамъ, друзьямъ нашимъ, въ упокой души,
А врагамъ лихимъ къ посрамленію"...

РАНЕНЫЙ. Сами они, враги то наши, зажгли огонь злобы въ нашихъ сердцахъ, и разгорѣлся онъ пожаромъ имъ на погибель...

ФОМКА. А все же намъ съ тобой, барышня, грустить нечего. Въ

огнѣ уцѣлѣли, французамъ не попались въ лапы... чего же еще?...А кто знаетъ, можетъ твой другъ и живъ...? (Маша качаетъ головой) А нѣтъ, такъ и другой найдется...

МАША. Я въ монастырь уйду...

ФОМКА. Вона... Куда хватила... Въ монастырь... Жалко мнѣ тебя, дѣвушка, потому и ты меня отщепенца пожалѣла. Раньше бывало меня иначе, какъ собакой и не величали, и самъ я считалъ себя зубастымъ псомъ, а не человѣкомъ. А ты мнѣ лаской все нутро перевернула. Теплымъ словомъ всю злобу во мнѣ, словно воскъ растопила... Ну, скажи же, что я могу для тебя сдѣлать? Чѣмъ потѣшить тебя? (она молчитъ) Эхъ ты каменная!.. Дуракъ я былъ, что распинался за тебя,.. гордячку... Пойду-ка я лучше гулять съ міродерами...

МАША. Иди... (плачетъ)

ФОМКА. Барышня, да о чемъ ты? Человѣкъ я не полированный, грубый, въ академіяхъ манерамъ не обучался, а ты плюнь на меня дурака, и дѣло съ концомъ. Ну, не буду надоѣдать тебѣ своими глупыми разговорами. Посиди одна, успокойся... (отходитъ въ сторону. Къ нему подходитъ ЗИНА въ темномъ платьѣ и платкѣ).

2.

ЗИНА. Фомка!... Ну, насилу отыскала... А Маша съ тобой?

ФОМКА. Это ты, Зинка? Не сразу призналъ. И платье и лицо какъ бы другое...

ЗИНА. Видно нарумяниться забыла...

ФОМКА. А что наши? (Зина машетъ рукой) Шабашъ, значитъ!..

ЗИНА (подходитъ къ Машѣ) Барышня, а барышня, узнали?

МАША (вскочивъ) Зина... Ну говори же!.. Умеръ, умеръ онъ?

ЗИНА. Графъ умеръ, а Сергѣй :- не знаю.

МАША. Да ты не скрывай, не щади меня...

ЗИНА. Чего скрывать то? Ей Богу, милая барышня, ничего не знаю.

МАША. Такъ разскажи мнѣ все, все, что съ вами было...

ЗИНА. А видите ли, насъ скоро разлучили... Какіе то солдаты съ поклажей уговорили нашихъ то злодѣевъ уступить имъ Сергѣя и сваливъша него ношу, увели. Ужъ онъ просилъ, просилъ не разлучать его съ графомъ; да они только смѣялись въ отвѣтъ. Графчика они, окаянные, все шпіономъ называли и вмѣстѣ съ Рыжимъ къ Маршалу повели.

МАША. Но мы слышали залпъ... Развѣ ихъ не сейчасъ разстрѣляли?

ЗИНА. Нѣтъ, судили сначала...

МАША. А съ тобой что же было?

ЗИНА. Извѣстно что...

МАША. Бѣдная Зина!.. И долго ты была въ плѣну?

ЗИНА. Только позавчера вырвалась... Кормили они, поили меня...

плясать заставляли...

МАША. И ты плясала?

ЗИНА. Запляшешь поневолѣ... Ну и они ничего, все больше съ лаской... Злодѣи!..

МАША. А какъ же ты про графа узнала?

ЗИНА. А я, видите ли, каждый вечеръ должна была забавлять французовъ, а на зарѣ мнѣ удавалось вырваться съ помощью одного нашего солдата, и я, проплясавъ полночи, бѣжала глядѣть на другую, кровавую потѣху. Притаюсь я этакъ въ сторонѣ, пропущу передъ собою несчастненькихъ, осужденныхъ врагами на казнь, да невольно прислушиваюсь къ залпамъ, а затихнетъ все, бѣгу опять домой. Три дня я этакъ ходила, на четвертый гляжу :- ведутъ злодѣи Гришку Рыжаго и нашего графчика. Гришка то все по сторонамъ озирается, а графчикъ шелъ спокойно, не опуская глазъ. Сунулась я было впередъ, себя не помня, да солдаты оттолкнули меня. А онъ, графчикъ то узналъ меня, улыбнулся, кивнулъ головой... Вѣкъ свой не забуду... (отворачивается).

ФОМКА. Что-жъ его? Сразу?

ЗИНА: Когда онъ упалъ, я растолкала убійцъ и подбѣжала къ нему. Думала, можетъ раненъ только? Вѣдь одного они, говорятъ, стали засыпать, а онъ какъ застонетъ!... Вотъ я и за графа боялась...

ФОМКА. И что же?

ЗИНА: Бояться было нечего... (вытираетъ глаза рукавомъ)

МАША. Какой ужасъ!..

ЗИНА. Сбѣжала я наконецъ отъ враговъ, не стерпѣла... По пожарищу, какъ собака голодная рыскала. Два раза мiродеры меня чуть не до нага раздѣвали, да добрые люди помогли прикрыться. Все васъ искала, барышня.

МАША. А про Сережу ты ничего уже не слыхала?

ЗИНА. Ни словечка, но думаю, что французы его беречь будутъ... А вы себя берегите, барышня, подождите милаго, а то какъ изведетесь, такъ и милый на васъ глядѣть не станетъ.

МАША. Не вѣрится мнѣ, чтобъ онъ былъ живъ.

ЗИНА: Повѣрьте, родная, и не отчаивайтесь. Не сегодня, завтра уйдутъ враги наши изъ разоренной Москвы. Солоно пришлось имъ у насъ... Москва матушка угостила ихъ пожарами, да голодовкой... Сами они, какъ саранча, все истребили и теперь мечутся, какъ вспугнутый рой саранчи... (взрывъ)

ПОСЕЛЕНЦЫ. Батюшки, погибаемъ!... Господи помилуй!... Конецъ Москвѣ!..

ЗИНА. Царица Небесная, какія страсти!..

МАША. Это рушится Кремль...

ФОМКА: Фельверкъ съ лиминацiей, очень просто...

ПОСЕЛЕНЦЫ. Конецъ, братцы, порѣшили Москву!...

ЖЕНЩИНА (кричитъ) Люди добрые, спасите мою дѣвочку... задохнет-

ся она, сгоритъ... Спасите ее...

ФОМКА. Успокойся, Натальюшка... (Зинѣ) Это бѣдная полоумная... Дочка у ней сгорѣла во время пожара... (Варывъ)

БАБА (голоситъ) Охъ, охъ, охъ!... Пропадать намъ видно... Порѣшили...

ПОСЕЛЕНЦЫ. Все пожгутъ, нехристи... все въ плѣнъ заберутъ...

ФОМКА. Войска ушли... и заступиться то некому...

ПОСЕЛЕНЦЫ. Все пропало!... Всѣ помремъ!...

МАША. Есть еще спасеніе... Кайтесь, молитесь, братцы... (падаетъ на колѣни, женщины за ней)

ЖЕНЩИНЫ (голосятъ) Охъ, простите, братцы!... Прощайте, родимые!...

МАША. За грѣхи послалъ намъ Богъ испытаніе, за гордость нашу, за рабство и униженіе нашихъ братьевъ. Народъ православный!.. Всѣ мы, богатые и нищіе, рабы и свободные, должны слиться въ одну семью. Не надо п еградъ между нами, не надо обидныхъ различій. Всѣ мы братья, у всѣхъ одна мать - матушка Россія многострадальная...

ПОСЕЛЕНЦЫ. Правда, правда, дѣвушка... За матушку Россею всѣ помремъ... Всѣ ляжемъ...

МАША. Отстоять надо родную землю всѣми средствами, всѣми силами нашими. Ничего не жалѣть... Отплатить... За слезы, за кровь родную, за гибель близкихъ... За разоренную, поруганную, сожженную Москву...

ПОСЕЛЕНЦЫ. Гдѣ же отплатить? Войска ушли, покинули... А ихъ, вражьихъ сыновъ, вонъ какая сила...

МАША. Мы всѣ возстанемъ, всѣ!... Стары и малые, женщины и дѣти. Вся земля русская. И птицы защищаютъ свои гнѣзда; а наше родное гнѣздо разоряютъ враги. Переполнилась чаша терпѣнія народнаго, черезъ край льется кровь и слезы...

ЖЕНЩИНЫ. Да, черезъ край, правда твоя...

МАША. Дворяне идутъ въ ополченіе, жертвуютъ своихъ крестьянъ, но этого мало, мало!... Родная земля всѣхъ з насъ требуетъ въ жертву себѣ. Будемъ же служить ей чистымъ сердцемъ и чистыми руками...

ПОСЕЛЕНЦЫ. Что-жъ, мы готовы, мы всѣ пойдемъ...

МАША. Въ Москвѣ царитъ ужасъ, свирѣпствуютъ грабежи и насилія. При одномъ разсказѣ о нихъ шевелятся волосы на головѣ. Зашевелился и нашъ терпѣливый и безотвѣтный народъ, ополчаясь на враговъ. Пусть же на ихъ преступныя головы падетъ вся пролитая кровь. О, Господи.. Дождаться бы только, пока ни одного врага не останется больше на Руси, а тамъ и умереть, умереть съ радостью... (рыдаетъ) Въ глубинѣ сцены показывается ПЕТРОВЪ).

ФОМКА. Успокойся, сердечная...

ПОСЕЛЕНЦЫ. Красно говоритъ... Всѣ мы готовы ополчиться... Вѣстимо... Прогонимъ французовъ...

ПЕТРОВЪ (бѣжитъ къ Машѣ) Маша... (она бросается ему на шею)

МАША. Сережа!.. Ты? Глазамъ не вѣрю... (цѣлуетъ его)

ФОМКА. Сергѣй Петровъ!..

ЗИНА. Откуда вы?

МАША. Господи... Да это сонъ!.. Счастливый бредъ какой то...

ПЕТРОВЪ. Нѣтъ, ты не бредишь, Маша. Бѣжалъ я, вырвался изъ плѣна. По твоему вдохновенному голосу узналъ тебя.

ПОСЕЛЕНЦЫ. Ты изъ Москвы, паренекъ? Ну, что тамъ? Разскажи-ка...

ПЕТРОВЪ. Москва разорена, погорѣла. Враговъ вытѣснилъ голодъ...

ПОСЕЛЕНЦЫ. Такъ они уходятъ? Не останутся зимовать?

ПЕТРОВЪ. Сегодня выступятъ изъ города...

МАША. Слава Богу!..

ПОСЕЛЕНЦЫ. Братцы... Вотъ радость то!.. Уходятъ враги...

ЗИНА. А что же это за взрывы?

ПЕТРОВЪ. Они рѣшили взорвать Кремль, уничтожить наши святыни...

ПОСЕЛЕНЦЫ. Ахъ они злодѣи, нехристи окаянные!..

ПЕТРОВЪ. Обрушились башни, но соборы стоятъ еще...

ЖЕНЩИНЫ. Значитъ Богъ хранилъ...

ПЕТРОВЪ. И мнѣ сдается, снова возстанетъ изъ пепла наша Москва.

ФОМКА. Не все, значитъ, порѣшили?

ПОСЕЛЕНЦЫ. Утихли взрывы... Дымъ разошелся... Затихло все...

ПЕТРОВЪ. Недаромъ, братцы, былъ я въ плѣну у французовъ, всего насмотрѣлся... Приняла ихъ наша матушка-Москва въ свои богатые хоромы, приняла храбрыми честными воинами и отравила роскошью, легкой наживой, буйствомъ и праздностью. Вся великая армія заживо разлагается, далеко распространяя заразу. Грабежъ вошелъ въ привычку, повиновенія нѣтъ, начальство обезсилено...Выходъ враговъ изъ Москвы - не шествіе побѣдителей, а бѣгство самой землей побѣжденныхъ бойцовъ. Твоя правда, Маша... Въ каждомъ изъ насъ сердце, какъ свѣча горитъ любовью къ родинѣ и ревностью къ освобожденію ея. Встрепенется, возстанетъ вся несмѣтная русская сила и задавитъ враговъ...

ПОСЕЛЕНЦЫ. Наказалъ ихъ, значитъ, Господь... Бѣгутъ. Кутузовъ то нашъ тоже дремать не будетъ, погонитъ ихъ, какъ волковъ... И слава Богу!.. (расходятся).

ПЕТРОВЪ. А теперь скажи мнѣ, Маша, про себя, кто спасъ тебя отъ враговъ?

МАША (указывая на Фомку) Да вотъ этотъ добрый человѣкъ.

ФОМКА. Вотъ сколько не живу на свѣтѣ, ни разу мнѣ и во снѣ не снилось, что я добрый человѣкъ, а какъ пораздумаю, можетъ я и взаправду, прахъ меня возьми, не такъ черенъ, какъ выгляжу...

ПЕТРОВЪ. Спасибо тебѣ за нее, братъ Фома, большое спасибо... (жметъ ему руку)

МАША. Оставайся съ нами, Фома, я тебя беречь буду...

ФОМКА: Спасибо на добромъ словѣ, а только я тебѣ, барышня, не товарищъ. Другое у меня на умѣ, чортъ возьми... Горячимъ словомъ ты мнѣ согрѣла душу. Хочу въ лѣсъ итти партизанить съ нашими лихими молодцами... Какъ слышно ихъ не мало по лѣсамъ прячется, за непріятеля тревожитъ. Примкну и я къ нимъ, авось не прогонятъ...

ПЕТРОВЪ. И я пойду въ ополченіи.

ПОСЕЛЕНЕЦЪ. Это въ жертвенники значитъ?

ПЕТРОВЪ. Да, да, ихъ вѣрно прозвали "жертвенниками". Всего себя приноситъ ополченецъ въ жертву Россіи-матушкѣ.

ПОСЕЛЕНЕЦЪ. А у насъ вотъ Никифоръ Михайловъ троихъ сыновей пожертвовалъ въ ополченіе, самъ на подвигъ благословилъ.

ЗИНА. Всѣ мы жертвенники, когда такъ. Вонъ у Маши палъ жертвой отецъ...

ПЕТРОВЪ. А у меня братъ-благодѣтель. Вѣдь любилъ я графа, словно брата родного. И не могъ спасти, не могъ за него жизнь отдать... Французы разсказали мнѣ, какъ геройски онъ умиралъ. Вспомнить не могу...

МАША. Онъ хотѣлъ дать тебѣ свободу, Сергѣй.

ПЕТРОВЪ. Да, но теперь нечего и думать объ этомъ. Вотъ мы съ тобой, Маша, о будущемъ разговорились. Я въ партизаны собираюсь, а еще пустятъ ли? Высоко я занесся, да мнѣ обломаютъ крылья. Оно и лучше... Что это я въ самомъ дѣлѣ... Зазнался видно... И съ вами обращаюсь, будто съ невѣстой или сестрой. Простите меня...

МАША. Я люблю тебя...

ПЕТРОВЪ. Полно вамъ шутить, барышня... Я вамъ не пара....

МАША. Люблю, давно люблю всѣмъ сердцемъ, всей душой, но поняла я это только, когда лишилась тебя. Раньше я боролась съ собой, самой себѣ боялась признаться... Но теперь я вся твоя... Не называй меня барышней, милый. Говори мнѣ ты, какъ сестрѣ, или... невѣстѣ...

ПЕТРОВЪ. Маша, родная, ты всегда будешь мнѣ любимой сестрой, но о большемъ я мечтать не смѣю. Слишкомъ много преградъ... Кто я? холопъ... человѣкъ подневольный...

МАША. Ужъ если въ моемъ сердцѣ рушились преграды, то съ остальными легче бороться. Ты добьешься воли, Сережа.

ПЕТРОВЪ. Нѣтъ, нѣтъ, къ чему обманывать себя? Друга моего, всегдашняго заступника убили, а графъ Григорій не отпуститъ меня на волю. Онъ горячъ и гордъ. Никогда я не ладилъ съ нимъ.

МАША. Но и я вмѣстѣ съ тобой готова умолять его...

ПЕТРОВЪ. Зачѣмъ? Пускай я унижаюсь - такая ужъ моя холопская доля. И никому нѣтъ дѣла, легко ли это мнѣ, - но тебя я не могу допустить до униженія. Не жить намъ вмѣстѣ, дорогая.

МАША. Такъ я пойду въ монастырь...

ПЕТРОВЪ. Хорошо сдѣлаешь, разъ ты не можешь быть моею, но не опѣ

ши съ этимъ, Маша, дайпорадоваться на тебя. Сейчасъ я и Богу не въ силахъ уступить тебя...

ПОСЕЛЯНЕ. Братцы, глядите, французы идутъ... (вдали проходитъ отрядъ французовъ. Среди нихъ на бѣломъ конѣ самъ Наполеонъ: сумрачный и угрюмый; блестящій, красивый не унывающій МЮРАТЪ съ развѣвающимися кудрями черныхъ волосъ, и нарядная, но съ озабоченными лицами свита маршаловъ и генераловъ).

ПОСЕЛЯНЕ. Уходятъ, уходятъ злодѣи...

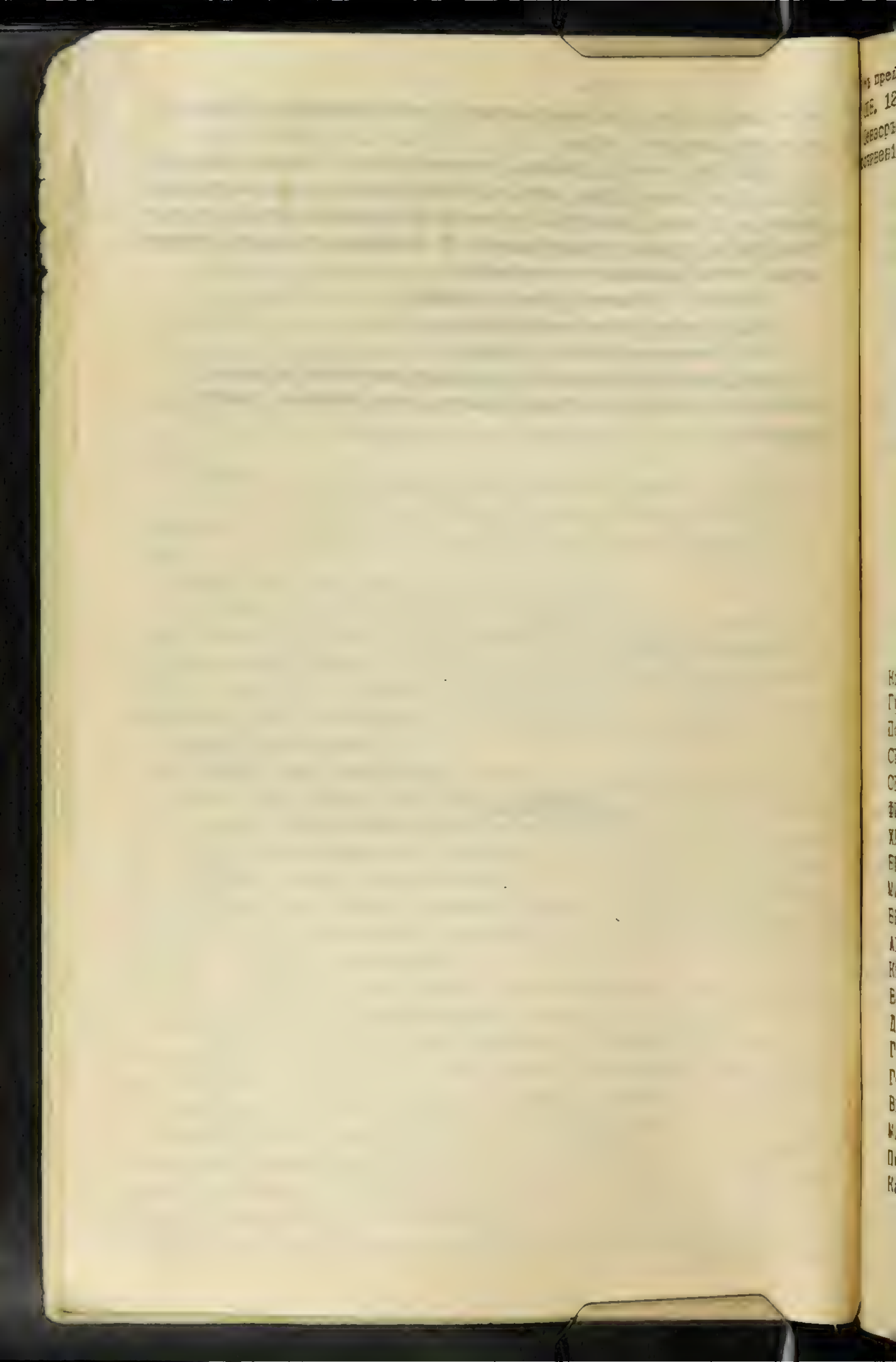
ФОМКА. Видно самимъ жарко стало...

ЗИНА. Разорили Москву и бѣгутъ...

МАША. Возстанетъ Москва!.. Недаромъ принесена жертва... Утѣшьтесь, братцы... и вѣрьте: Москва своею гибелью спасетъ Россію!..

З А Н А В Ѣ С Ъ.

КОНЕЦЪ.

Къ представленію дозволено за N 6586
СПВ. 12 Мая 1912 г.
Цензоръ Драматическихъ
очиненій М.Толстой.

ПАРТИЗАНЫ

Драма въ пяти дѣйствіяхъ и семи картинахъ

А.ГОЛЕНИЩЕВОЙ-КУТУЗОВОЙ

Жизни баловень счастливый,
Два вѣнка ты заслужилъ:
Знать, Суворовъ справедливо
Грудь твою перекрестилъ...
Много въ этотъ годъ кровавый,
Въ эту смертную борьбу,
У враговъ ты отнялъ славы,
Ты, боецъ чернокудрявый,
Съ бѣлымъ локономъ на лбу...

С.Давыдовъ. Н.Языковъ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

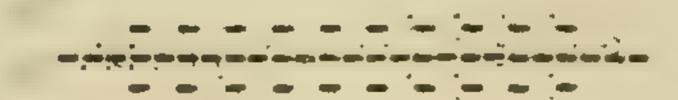
Князь ГОЛЕНИЩЕВЪ-КУТУЗОВЪ, главнокомандующій (67 л.)
Графъ ГРИГОРІЙ ПАВЛОВИЧЪ СЕВЕРСКІЙ. (25л.)
Полковникъ ДЕНИСЪ ВАСИЛЬЕВИЧЪ ДАВЫДОВЪ (около 30л.)

Партизаны:
СЕРГѢЙ ПЕТРОВЪ (около 30л.)
СЕСЛАВИНЪ (полков. Алекса.Никит.) /32л./
ФИГНЕРЪ (капитанъ Александръ Самойловичъ (25л.)
ХРАПОВИЦКІЙ (маіоръ).
ВЕДРЯГА (штабсъ-ротмистръ).
МАКАРОВЪ/ (поручики).
БЕКЕТОВЪ/
АХМАТОВЪ (хорунжій).
КРЮЧКОВЪ (урядникъ).
Вахмистръ ИВАНОВЪ.
ДЕРГУНОВЪ, казакъ.

Генералъ МОРДВИНЪ (Ѳедоръ Никит. за 50л.)
Генеральша МОРДВИНА (Катя, 20л.)
ВѢРА АЛЕКСѢЕВНА СТОЛПАКОВА. (25л.)
МАРІЯ АНДРЕЕВНА РЯБИНИНА (20 л.)
Поручикъ ТИЛИНГЪ, вестфалецъ.
Капитанъ КОРБО.

Лейтенантъ МОРЕЛЬ.
ЖАКЪ, солдатъ.
Полковникъ ГРУШЕВСКІЙ.
Князь ВЛАСОВСКІЙ (при штабѣ).
Баронъ ГУТЕНДОРФЪ, адъютантъ.
ДАРЬЮШКА, экономка.
ГРУНЯ, горничная.
СИДОРЪ, лакей.
ФИЛЬКА, казачекъ.

Казаки, гусары, французы, плѣнные, крестьяне, бабы и дѣвушки.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Раннееосеннее утро. Понемногу свѣтаетъ за окномъ. Крестьянская изба. Бурки и оружіе на лавкахъ и по стѣнамъ. На столѣ вино и свѣчи.

1.

СЕСЛАВИНЪ (сидитъ у стола). Ивановъ... (входитъ вахмистръ). Что тамъ за человѣкъ желаетъ видѣть полковника Давыдова?

ИВАНОВЪ. Не могу знать, ваше высокородіе. Назвалъ себя ополченцемъ, Сергѣемъ Петровымъ, а вида можно сказать обнаковеннаго, барскаго: при усахъ, а бороду брѣетъ и первымъ дѣломъ значитъ руки помылъ.

СЕСЛАВИНЪ. Зови его сюда... 2. (Ивановъ уходитъ и впускаетъ Сергѣя Петрова). Ваше имя? (осматриваетъ его).

ПЕТРОВЪ. Сергѣй Петровъ, ополченецъ, ваше высокородіе.

СЕСЛАВИНЪ. Вы желаете поступить подъ начальство полковника Давыдова?

ПЕТРОВЪ. Точно такъ.

СЕСЛАВИНЪ. А кто былъ вашимъ начальникомъ въ ополченіи?

ПЕТРОВЪ. Маіоръ Емельяновъ, смоленскій помѣщикъ.

СЕСЛАВИНЪ. Какъ же, знаю.

ПЕТРОВЪ. Черезъ него я былъ представленъ къ отличію. Имѣю Георгія.

СЕСЛАВИНЪ. Въ такихъ молодыхъ лѣтахъ? Поздравляю... (протягиваетъ руку. Петровъ дѣлаетъ видъ, что не замѣчаетъ). Прошу садиться, г-нъ Петровъ... Я полковникъ Сеславинъ, товарищъ Дениса Васильевича. Жду его вскорѣ. (Молчаніе. Петровъ стоитъ). Вы дворянинъ, конечно?

ПЕТРОВЪ. Нѣтъ.

СЕСЛАВИНЪ. Неужели изъ мѣщанъ?

ПЕТРОВЪ. Я-бѣглый рабъ. (Сеславинъ дѣлаетъ движеніе удивленія).

СЕСЛАВИНЪ. Это-шутка?

ПЕТРОВЪ. Я крѣпостной человѣкъ покойныхъ графовъ Сѣверскихъ.

СЕСЛАВИНЪ. Д-а-.а-а... Вотъ что... Мнѣ говорилъ о васъ графъ Григорій... Вы-сынъ его отъ дворовой женщины - такъ?

ПЕТРОВЪ. Да.

СЕСЛАВИНЪ. Я слыхалъ даже, что старый графъ былъ женатъ на вашей матери.

ПЕТРОВЪ. Да... но всѣ документы уничтожены.

СЕСЛАВИНЪ. Можетъ быть, только затеряны?

ПЕТРОВЪ. Нѣтъ, уничтожены... нарочно... у меня нѣтъ доказательствъ. (молчаніе). Конечно, въ теперешнее время я легко могъ бы скрыть свое имя, прослыть за другого. Для борьбы съ французскимъ нашествіемъ всякій человѣкъ теперь нуженъ, были бы только руки здоровыя. Но я стыжусь лгать... Хотите-примите меня въ свою партію, ваше высокородіе, хотите-выдайте... Ваше дѣло... Поэтому и не могъ я пожать вамъ руку, потому и не смѣлъ сѣсть при васъ.

СЕСЛАВИНЪ. Садитесь...(Петровъ съ удивленіемъ взглянувъ на него, садится). Я много о васъ слышалъ. Такой человѣкъ, какимъ васъ считали Сѣверскіе, къ тому же георгіевскій кавалеръ-для насъ находка. Увѣренъ, что полковникъ Давыдовъ будетъ одного мнѣнія со мной... Но почему вы назвали себя бѣглымъ?

ПЕТРОВЪ. Съ тѣхъ поръ, какъ графъ Григорій Павловичъ пропалъ безъ вѣсти, я перешелъ по наслѣдству вмѣстѣ съ родовымъ имѣніемъ къ его сестрѣ и мужу ея, генералу Мордвину. Онъ послалъ маіору Емельянову одного изъ своихъ крѣпостныхъ въ обмѣнъ, а меня требовалъ къ себѣ. Маіоръ не рѣшился удерживать "чужую вещь", какою являюсь я, а я скорѣй зарѣжусь, чѣмъ отдамъ себя на произволъ грубого деспота, какимъ я знаю генерала. На что я ему нуженъ? Чтобъ надругаться надо мной?

СЕСЛАВИНЪ. Да, ваше положеніе трагично.

ПЕТРОВЪ. Я воспитанъ, какъ дворянинъ, господинъ полковникъ. Получилъ блестящее образованіе наравнѣ съ братьями, считался ихъ управителемъ и довѣреннымъ лицомъ, и въ ополченіи успѣлъ заслужить пол-

ное довѣріе начальниковъ... И вдругъ все потерять!.. Если вы не рѣшитесь, изъ милости, пріютить меня,-я покончу съ собой...

СЕСЛАВИНЪ. Ну, полно, молодой человѣкъ, не волнуйтесь!.. Конечно, принять на службу бѣглаго-большая отвѣтственность. Потребуются всякія уловки, может быть и перемѣна имени, но въ военное время правительству не до бѣглыхъ, а я даю вамъ слово, что мы съ Давыдовымъ пристроимъ васъ... (Петровъ рыдаетъ, закрывъ лицо руками). Да что съ вами? Оправьтесь, успокойтесь... Вѣдь я же не выдамъ васъ...

ПЕТРОВЪ (успокоиваясь). Простите, ваше высокородіе... Второй день живу скитальцемъ... какъ звѣрь, брожу по лѣсу... измучился, отощалъ... а тутъ неожиданная радость...

СЕСЛАВИНЪ. Вотъ хлѣбъ и вино... Подкрѣпитесь...

ПЕТРОВЪ. Ради Бога, господинъ полковникъ, не безпокойтесь... Ваша поддержка подбодрила меня лучше всякаго вина... Но вы такъ безконечно добры!.. Позвольте же мнѣ сдѣлать вамъ, быть можетъ, и нескромный вопросъ: какъ вы, зная меня за крѣпостного, такъ милостиво такъ человѣчно обращаетесь со мной?

СЕСЛАВИНЪ. Очень просто. Нашествіе Наполеона и сдача Москвы пошатнули вѣковыя преграды, сблизивъ насъ, дворянъ, съ народомъ. Онъ, этотъ народъ, столько жертвуетъ родинѣ, что и мы не можемъ не удивляться ему. Скажу больше: безъ его содѣйствія намъ бы не справиться. Крестьяне идутъ навстрѣчу нашимъ нуждамъ, даютъ намъ пріютъ, скрываютъ наши слѣды. Ихъ женщины возятъ намъ депеши, юноши идутъ въ ополченіе, старики служатъ проводниками. И мы стараемся привлечь къ себѣ всѣ молодыя силы Россіи, всѣхъ способныхъ и мужественныхъ людей. Къ такимъ могу причислить и васъ, Петровъ.

ПЕТРОВЪ. Какъ мнѣ благодарить васъ, господинъ полковникъ? Я точно вырвался изъ тюрьмы на волю, изъ ада попалъ прямо въ рай.

СЕСЛАВИНЪ. Ну, въ нашемъ раю не всегда мирно... А вотъ и нашъ архангелъ съ пламеннымъ мечомъ и пламенной рѣчью... Я слышу голосъ Давыдова... (Петровъ встаетъ). Останьтесь, Петровъ... Я васъ сейчасъ представлю. (Входитъ Давыдовъ, потомъ Ивановъ. Давыдовъ,-живой курчавый брюнетъ въ черномъ чекменѣ, красныхъ шароварахъ и папахѣ съ краснымъ верхомъ.)

3.

ДАВЫДОВЪ. Урядникъ!.. Разсѣдлать лошадей, да позаботься о плѣнныхъ.

УРЯДНИКЪ. (у двери). Слушаю, ваше высокородіе. (уходитъ).

СЕСЛАВИНЪ. А ты, братъ, съ добычей, по своему обыкновенію?

ДАВЫДОВЪ. Да, транспортъ отбилъ. Жарко было... Ивановъ!... (входитъ вахмистръ). Позвать цирульника для осмотра раненыхъ... Я голоденъ, какъ волкъ. Хлѣбъ то есть у васъ?

ИВАНОВЪ. Есть, ваше высокородіе, и водка тоже.

ДАВЫДОВЪ. "Я люблю кровавый бой", -я рожденъ для службы царской. "Сабля, водка, конь гусарскій,-съ вами вѣкъ мнѣ золотой"... Да ты, братъ, никакъ успѣлъ уже нализаться?

ИВАНОВЪ. Никакъ нѣтъ.

ДАВЫДОВЪ. Молчать!... Такъ отъ тебя и разитъ сивухой.

ИВАНОВЪ. А это у меня, ваше высокородіе, значитъ природный духъ.

ДАВЫДОВЪ (смѣется). Скотина!.. Пошолъ вонъ!.. Пойди проспись.

ИВАНОВЪ (бормочетъ, уходя). "Водка, сабля, ромъ гусарскій"... (уходитъ).

ДАВЫДОВЪ. Скажите, пожалуйста!... Да это онъ, каналья, мои стихи перевираетъ... Ловокъ онъ пить, за то и дерется, какъ бѣшеный... А что это за молодецъ?

СѢСЛАВИНЪ. Братъ графа Сѣверскаго... Романическая исторія...

ДАВЫДОВЪ. А, помню, помню... Что жъ, добро пожаловать!..

СѢСЛАВИНЪ. Да вотъ еще что: я далъ слово Сергѣю Петрову пристроить его къ намъ.

ДАВЫДОВЪ. И отлично... А я повидимому понравился ему. Уставился на меня, точно я самъ Наполеонъ.

ПЕТРОВЪ. Прошу ваше высокородіе извинить меня. Въ первый разъ вижу народнаго героя.

ДАВЫДОВЪ. Героя!.. Высоко, братъ, хватилъ... Ну, послужи, послужи у насъ. Дѣло то всегда найдется.

ПЕТРОВЪ. Я на все готовъ, лишь бы имѣть честь служить подъ начальствомъ вашего высокородія. Пошлите хоть на убой...

ДАВЫДОВЪ. Зачѣмъ же на убой? Еще пригодишься...

ПЕТРОВЪ. Но считаю долгомъ предупредить: я крѣпостной...

ДАВЫДОВЪ. Знаю, мнѣ графъ Григорій разсказывалъ... Дитя любви, поэзія... А я поклонникъ всего поэтическаго. Ты и самъ, кажется, влюбленъ въ бѣдную дворяночку? Да ты не смущайся, братъ... Если это тайна, набросимъ на нее покровъ молчанія... "Не пробуждай, не пробуждай-моихъ безумствъ и изступленій-и мимолетныхъ сновидѣній, не возвращай, не возвращай..." Не повторяй мнѣ имя той, которой память-мука жизни, какъ на чужбинѣ пѣсня отчизны, -изгнаннику земли родной". А вѣдь я большой сибаритъ. Люблю послѣ безсонной, безпокойной ночи сидѣть вотъ этакъ со стаканомъ въ рукѣ и наслаждаться поэзіей и пріятными воспоминаніями...

СѢСЛАВИНЪ. На здоровье!... Пойдемте, Петровъ, я васъ устрою... (уводитъ Петрова).

4.

ДАВЫДОВЪ (декламируетъ).

"Ради Бога трубку дай,
Ставь бутылки передъ нами,
Всѣхъ наѣздниковъ сзывай,
Съ закрученными усами.
Чтобы хоромъ здѣсь гремѣлъ-
Эскадронъ гусаръ летучихъ,
Чтобъ до неба возлетѣлъ
Я на ихъ рукахъ могучихъ"...

А, да вотъ и они!... (входятъ штабсъ-ротмистръ Бедряга, поручикъ Макаровъ и хорунжій Ахматовъ, вслѣдъ за ними Сеславинъ).

5.

ДАВЫДОВЪ. Здорово, мои соколы!... Слетайтесь-ка, на пиръ... Будемъ пить на зло французамъ... Бедряга, наливай... Смѣлѣй, Макаровъ... А ты о чемъ задумался, Ахматовъ? Не зѣвай, казакъ... Вѣдь мы сегодня юбилей справляемъ...

ОФИЦЕРЫ. Юбилей? Какой?

ДАВЫДОВЪ. Сегодня ровно шесть недѣль, какъ мы съ вами партизанимъ.

ОФИЦЕРЫ. Такъ за здоровье нашего командира... Уррра!... (входитъ Сеславинъ).

ДАВЫДОВЪ. Спасибо-господа, пью за васъ...

ОФИЦЕРЫ. За полковника Сеславина... Урра!.. (Сеславинъ чокается съ ними).

ДАВЫДОВЪ. Да, вотъ мы теперь нѣжимся, отдыхаемъ, а помните первое время, какъ трудно было?

БЕДРЯГА. Еще бы... Цѣлую недѣлю мы почти не сходили съ лошадей, спали поочередно въ сѣдлѣ съ поводьями въ рукахъ...

МАКАРОВЪ. А отбивъ какую нибудь фуру, спѣшили вернуться къ спасительному лѣсу, нашему единственному пріюту.

ДАВЫДОВЪ. Въ то время непріятельское море было грозно и бурно, а наша малочисленная дружина представлялась мнѣ разскиданными по этому морю щепками.

АХМАТОВЪ. А помните, полковникъ, какъ насъ крестьяне чуть не перебили, принявъ за французовъ?

ДАВЫДОВЪ. Да, ихъ добровольное ополченіе не разъ преграждало намъ путь.

БЕДРЯГА. Ихъ смущалъ твой гусарскій ментикъ. Говорили: "На ихъ одежду схоже".

ДАВЫДОВЪ. А меня еще упрекаютъ, что я бороду ношу. Какъ будто мнѣ есть время своей особой заниматься? Я тогда же надѣлъ кафтанъ и перестал бриться. Сталъ довольствоваться малыми, незамѣтными подвигами. Вѣдь главная цѣль партизана-тѣснить, безпокоить, утомлять и такъ сказать, непрерывно жечь малымъ огнемъ непріятеля.

БЕДРЯГА. И ты, братъ, на это мастеръ. За то мы отъ самаго князя Кутузова удостоились одобренія...

ДАВЫДОВЪ. А отъ Наполеоновскаго ставленника, смоленскаго губернатора Барагé, особыхъ знаковъ вниманія, въ видѣ оцѣнки моей отчаянной головы.

СЕСЛАВИНЪ. А вначалѣ самъ главнокомандующій полагалъ успѣхъ сомнительнымъ.

ДАВЫДОВЪ. Спасибо князю Багратіону, онъ поддержалъ меня. На главной квартирѣ все вспоминали Павла Тучкова, взятаго въ плѣнъ французами и посылали ему со мной поклоны. Меня всѣ считали острякомъ и поэтомъ-слѣдовательно, ни къ чему негоднымъ человѣкомъ. А между тѣмъ слово война имѣетъ магическій звукъ для меня. "Я люблю кровавый бой, я рожденъ для службы царской"...

МАКАРОВЪ. Какъ это вы, полковникъ, и среди опасностей не забываете поэзіи?

ДАВЫДОВЪ. Поэзія, братъ, есть и въ самой опасности... Какъ въ былое время тампліеры пѣли, охваченные пламенемъ костра, такъ и я пою, охваченный пламенемъ военныхъ событій, текущихъ по волѣ Наполеона, какъ лава изъ вулкана. Торчу среди битвъ, какъ казачья пика, а порывами поэзіи упиваюсь, какъ шампанскимъ... Ваше здоровье, господа!.. (чокаются между собой). Люблю ночные наѣзды... Подбодряетъ...

АХМАТОВЪ. А много вы, полковникъ, плѣнныхъ перебрали. Отъ всѣхъ двадцати народовъ будетъ по образчику.

ДАВЫДОВЪ. Да, на насъ устремились всѣ народы запада, но Россія твердо приняла на свой щитъ ихъ удары. Правда, у нашихъ критиковъ-нѣмцевъ, при извѣстіи о приближеніи непріятеля носы вытягиваются, можно сказать, на десять пораженій. Но князь Кутузовъ понимаетъ солдата и по духу близокъ ему. Однимъ своимъ прославленнымъ именемъ онъ уже воодушевилъ войско, а за войскомъ потянулся и весь русскій народъ, дружной семьей отстаивая родную землю. Богачи жгутъ свои дома, бѣдняки жертвуютъ жизнью. Тоже дѣлаемъ и мы, бѣдняки-партизаны. А теперь, господа... "Стукнемъ чашу съ чашей дружно. Нынче пить еще досужно"... Но кто тамъ идетъ? Бекетовъ? Сгорд[illegible], Сразъ... Заря глядитъ на небо... (тушитъ свѣчи).

6.

БЕКЕТОВЪ. (входитъ). Важныя вѣсти, полковникъ... Отъ плѣнныхъ... Надо сейчасъ подыматься и ѣхать дальше.

ДАВЫДОВЪ. Да что же случилось, чортъ возьми?..

БЕКЕТОВЪ. Генералъ Варагé Дильé, самозванный губернаторъ...

ДАВЫДОВЪ. Оцѣнилъ мою голову, да къ тому же дешево, каналья!.. Знак.

БЕКЕТОВЪ. Онъ издалъ приказъ очистить все пространство между Вязьмой и Гжатью, а васъ поймать и... разстрѣлять.

ДАВЫДОВЪ. Хорошо, что меня извѣстили о такой неучтивости... Еще что?

БЕКЕТОВЪ. А развѣ этого мало?

ВЕДРЯГА. Надо сейчасъ подыматься...

ДАВЫДОВЪ. Успѣется... Дадимъ отдыхъ нашей партіи и дождемся Храповицкаго. Вѣдь наши сборы недолги: вскочилъ, сѣлъ и пошелъ... Вели удвоить часовыхъ, Бекетовъ.. (Бекетовъ уходитъ. Входитъ Крючковъ урядникъ).

7.

КРЮЧКОВЪ. Честь имѣю доложить вашему высокородію о прибытіи кульеровъ отъ ихъ сіятельствъ графовъ Ожаровскаго и Орлова-Денисова.

ДАВЫДОВЪ. Ужъ не думаютъ ли сіятельные командиры взять меня подъ опеку?... Хорошо, ступай... Я сейчасъ...

СЕСЛАВИНЪ. И я съ тобой... До свиданья, господа... (уходятъ Давыдовъ, Сеславинъ, урядникъ, потомъ Макаровъ и Ахметовъ).

ВЕДРЯГА. Вы тоже идете? А я здѣсь подожду полковника...

8.

ДЕРГУНОВЪ (входитъ). Г-нъ ротмистръ Храповицкій изволили прибыть съ транспортой плѣнныхъ, ваше благородіе.

ВЕДРЯГА. А много плѣнныхъ?

ДЕРГУНОВЪ. Нѣсколько сотъ, ваше благородіе, а между нихъ одинъ нѣмецкій ахвицеръ чрезвычайно безпокойнаго направленія. Оборонялся, можно сказать до послѣдней вѣроятности, а когда мы пожелали его приколоть, дерзостно противодѣйствовалъ штыкомъ безо всякаго можно сказать уваженія. Такъ что, ваше благородіе, онъ привелъ насъ къ вынужденію проткнуть ему плечо и поранить голову. А впрочемъ, ничего себѣ, ходитъ.

ВЕДРЯГА. Ну, такъ что же?

ДЕРГУНОВЪ. А онъ можно сказать, до нашего полковника добивается.

Безпремённо хочетъ ихъ видѣть, а какъ самъ пребываетъ въ неблагонадежномъ состояніи, то я значитъ не рѣшаюсь имъ доложить. (входитъ Давыдовъ).

9.

ДАВЫДОВЪ. Что скажешь, Бергуновъ?

ВЕДРЯГА. Онъ пришелъ доложить, что плѣнный офицеръ желаетъ тебя видѣть.

ДАВЫДОВЪ. Подать его сюда... (Казакъ уходитъ). Слушай, Ведряга, какая вышла исторія. Оба сіятельныхъ генерала сильно желаютъ прибрать меня къ рукамъ, да мнѣ то это совсѣмъ не на руку. Конечно, званіе партизана не освобождаетъ отъ чинопочитанія, но помсему допускаетъ нѣкоторыя дипломатическія хитрости.

ВЕДРЯГА. Что же ты придумалъ? Интересно...

ДАВЫДОВЪ. А я воспользовался тѣмъ, что курьеры другъ друга не видали и рѣшилъ написать Орлову-Денисову, что уже служу подъ начальствомъ Ожаровскаго, и къ моему крайнему сожалѣнію не могу поступить подъ его команду, а Ожаровскому напишу, что служу подъ начальствомъ Орлова.

ВЕДРЯГА. Ха-ха-ха!.. Вотъ такъ ловко!..

ДАВЫДОВЪ. Авось не разберутъ, но пока оба курьера здѣсь, позаботься, братецъ, чтобы не дать имъ перешептаться между собой...
Что они думаютъ, въ самомъ дѣлѣ? Моими руками жаръ загребать? Рѣшено...
Доведу до свѣдѣнія главнокомандующаго и моемъ непріятномъ положеніи и увѣренъ, что свѣтлѣйшій не станетъ лишать меня моей партизанской свободы... А каковъ Храповицкій?.. 500 человѣкъ плѣнныхъ захватилъ, 6 офицеровъ, да обозъ съ обувью и одеждой на весь вестфальскій полкъ. Это и намъ очень кстати.

ВЕДРЯГА. Молодецъ!.. Вотъ и онъ, а я пойду къ твоимъ курьерамъ. (входитъ Храповицкій, Ведряга уходитъ, пожавъ ему руку).

10.

ДАВЫДОВЪ. Ну, братъ, поздравляю!.. Что нѣмцы защищались?

ХРАПОВИЦКІЙ. Слабо. Почти все прикрытіе разсыпалось. Одинъ поручикъ Тилингъ съ горстью храбрецовъ ни за что не хотѣлъ сдаться, пока не былъ раненъ и оставленъ товарищами. Что же теперь дѣлать съ вестфальцами? Двинуться на Юхновъ?

ДАВЫДОВЪ. Да, не расспрашивай, братецъ, а лошадей вели раздать казакамъ, да крестьянамъ. Изъ казаковъ не мало худоконныхъ, а казакъ безъ лошади лишь полчеловѣка.

ХРАПОВИЦКІЙ. Иду. (уходитъ. Казакъ Дергуновъ вводитъ раненаго Тилинга, придерживая его за воротъ).

11.

ДАВЫДОВЪ. Отпусти господина офицера, дуракъ... Зачѣмъ ты держишь его?

ДЕРГУНОВЪ. Такъ что, ваше высокородіе, какъ бы черезъ ихъ неумѣренность не вышло какой претензіи.

ДАВЫДОВЪ. Глупости!.. Вонъ пошелъ...

ДЕРГУНОВЪ. А можетъ, прикажете у двери постоять?

ДАВЫДОВЪ. Болванъ!.. Говорятъ тебѣ пошелъ вонъ... (Дергуновъ уходитъ).

12.

ДАВЫДОВЪ. Не огорчайтесь вашей неудачей, г-нъ поручикъ, вы до конца исполнили свой долгъ. Надѣюсь, ваши раны не опасны?

ТИЛИНГЪ. Не такъ опасны, какъ я желалъ бы.

ДАВЫДОВЪ. Полно, не отчаивайтесь... Прошу садиться. Чѣмъ могу служить? (оба садятся).

ТИЛИНГЪ. Ваши казаки, г-нъ полковникъ, взяли у меня часы и деньги, но зная правила войны, я на это не въ претензіи. Одного только прошу, если возможно-возвращеніе мнѣ кольца, подарка любимой женщины. Оно не имѣетъ большой цѣнности, но для меня...

ДАВЫДОВЪ. Какже, вполнѣ понимаю васъ... Эй, Дергуновъ...

13.

ДЕРГУНОВЪ (бросается къ Тилингу). Прикажете схватить? (хватаетъ его за воротъ).

ДАВЫДОВЪ. Прочь руки, дубина!..

ДЕРГУНОВЪ. Такъ пущать? (нехотя отпускаетъ).

ДАВЫДОВЪ. Разумѣется, ксленс дуракъ... Слушай... Сейчасъ розыскать отобранное у г-на офицера и представить мнѣ.

ДЕРГУНОВЪ. Слушаю, ваше высокородіе, а только напрасно изволите утруждать себя. Кольцо вовсе можно сказать непутевое.

ДАВЫДОВЪ. Не твое дѣло. Подай сюда...

ДЕРГУНОВЪ. Да мнѣ что же, могу и представить... Въ одинъ минутный секундъ... (уходитъ).

14.

ДАВЫДОВЪ. Прошу извинить за грубость этого казака. Мнѣ кажется, онъ и присвоилъ вашъ сувениръ, но будьте покойны, поручикъ, вамъ вернутъ его. Мы съ вами служимъ у одного алтаря: любовь и

война до сихъ поръ дѣлили между собой мое поприще, поэтому ваши чувства отозвались въ моей душѣ. Позвольте предложить вамъ вина. За здоровье вашей красавицы!.. (пьютъ).

ТИЛИНГЪ. Безконечно благодаренъ вамъ, г-нъ полковникъ.

ДАВЫДОВЪ. Не унывайте, сударь. Въ Юхновѣ позаботятся о вашихъ почетныхъ ранахъ. Благодаря тамошнему предводителю, на свой счетъ устроившему госпиталь, раненые получаютъ тамъ покой и облегченіе.

ТИЛИНГЪ. И крестьяне и дворянство ваше ополчились. Кажется, вся Россія возстала противъ насъ.

ДАВЫДОВЪ. А вы какъ же думали, сударь? Послѣдній нищій у насъ скорѣй умретъ съ голоду, чѣмъ приметъ подачку отъ враговъ... А, вотъ и вашъ казакъ... (входитъ Дергуновъ).

15.

ДЕРГУНОВЪ. Такъ что, ваше высокородіе, деньги можно сказать, затерялись, а что еще было у г-на вѣмца, то извольте получить.

ТИЛИНГЪ. Мое кольцо и письма... (Давыдовъ, отдавъ ему кольцо, беретъ письма).

ДАВЫДОВЪ. Вы меня извините, но я обязанъ просмотрѣть. (просматриваетъ).

ТИЛИНГЪ (надѣвая на палецъ кольцо). Сдѣлайте одолженіе.

ДАВЫДОВЪ. Повидимому, эти письма и локонъ принадлежатъ все той же, дорогой вамъ особѣ. Считаю за удовольствіе вамъ возвратить... (отдаетъ).

ТИЛИНГЪ. Какъ мнѣ благодарить васъ?

ДЕРГУНОВЪ. Имѣю честь доложить вашему высокородію, что между плѣнными оказался одинъ русскаго свойства.

ДАВЫДОВЪ. Какъ!.. Что ты врешь?

ДЕРГУНОВЪ. Не имѣю чести врать, ваше высокородіе, а плѣнный, дѣйствительно, оказался русскимъ предметомъ весьма подозрительнаго хвасона и очевидно пьянаго подобія. Назвался Архипомъ Ивановымъ, дезертиромъ гренадерскаго полка по своей прохвессіи и во всемъ можно сказать, признался.

ДАВЫДОВЪ. Привести его сюда. (Дергуновъ уходитъ). Вѣрьте моей чести, г-нъ поручикъ, во всю мою дѣятельность мнѣ только во второй разъ приходится сталкиваться съ русскимъ измѣнникомъ. (Два казака вводятъ дезертира. За нимъ входитъ и Храповицкій).

16.

ДАВЫДОВЪ. Ты-бывшій гренадеръ?

ДЕЗЕРТИРЪ. Виноватъ, ваше высокородіе...

ДАВЫДОВЪ. Ты русскій и проливаешь кровь своихъ братьевъ?

ДЕЗЕРТИРЪ. Виноватъ... Помилуйте!... (падаетъ на колѣни).

ДАВЫДОВЪ. Несчастный!.. Не я буду судить тебя, а тотъ народъ, кровь котораго ты проливалъ. Эй, урядникъ!.. (входитъ Кручковъ). Сейчасъ собрать всѣхъ жителей села... Живо!..

КРЮЧКОВЪ. Слушаю, ваше высокородіе. (уходитъ).

ДАВЫДОВЪ. Вывесть этого человѣка на крыльцо. Стеречь крѣпко.

(Дезертиръ поднимается съ колѣнъ. Его уводятъ казаки).

17.

ХРАПОВИЦКІЙ. Надѣюсь, ты не выдашь преступника народу, какъ сдѣлалъ съ Верещагинымъ графъ Растопчинъ? Они растерзаютъ его...

ДАВЫДОВЪ. Можешь быть спокоенъ. Къ такимъ варварскимъ мѣрамъ я никогда не прибѣгну. (Входитъ урядникъ Крючковъ). Что, готово?

КРЮЧКОВЪ. Точно такъ, ваше высокородіе, народъ собрался. (уходитъ) (Давыдовъ выходитъ на крыльцо, у котораго сквозь открытую дверь видна толпа крестьянъ и дѣвокъ. Разсвѣтъ).

ДАВЫДОВЪ. Братцы... Этотъ человѣкъ-бывшій солдатъ славнаго гренадерскаго полка. Пьянство сдѣлало его измѣнникомъ и дезертиромъ. Онъ возсталъ на свою родину, грабилъ и жегъ родныя села, заодно съ врагами проливалъ родную кровь. Сомнѣнія не можетъ быть: онъ самъ сознался. Находите ли вы его виноватымъ?

КРЕСТЬЯНЕ. Виноватъ... Вѣстимо виноватъ...

ДАВЫДОВЪ. Какое же наказаніе опредѣлить ему?

ОДИНЪ ГОЛОСЪ. Засѣчь до смерти...

КРЕСТЬЯНЕ. Разстрѣлять... повѣсить... разстрѣлять...

ОДИНЪ ГОЛОСЪ. Отдай его намъ, батюшка...

БАБА. Ужъ будь покоенъ, мы его, злодѣя, жива не выпустимъ...

ДАВЫДОВЪ. Нѣтъ, братцы, это не дѣло. Терзать и мучать и пса грѣшно, не то что человѣка.

КРЕСТЬЯНЕ. Такъ на осину его!... Нѣтъ, разстрѣлять... Вѣстимо разстрѣлять... Чего руки то пачкать? Разстрѣлять...

ДАВЫДОВЪ. Гусары, разстрѣлять преступника... (дезертира уводятъ). Поручикъ Макаровъ, чтобы все было исполнено немедленно... (возвращается въ избу). Наша матушка-Русь бѣдна измѣнниками. Второго только встрѣчаю, и обоихъ сгубила корысть, да вино. Черезъ нѣсколько минутъ негодяй будетъ разстрѣлянъ.

ТИЛИНГЪ. Меня немного удивляетъ ваша строгость, г-нъ полковникъ. Со мной вы были такъ великодушны...

ДАВЫДОВЪ. А вы, кажется, принимали меня за атамана разбойниковъ? Мы съ плѣнными не воюемъ, сударь, но измѣнниковъ должны карать

безпощадно. (Несколько крестьянъ показываются въ дверяхъ). Что вамъ, братцы?

КРЕСТЬЯНЕ. А это мы, батюшка, плѣнныхъ французовъ привели. (выдвигаютъ впередъ несколько человѣкъ французовъ, жалкихъ, оборванныхъ, со связанными руками и 15 лѣтняго мальчика въ лохмотьяхъ).

ДАВЫДОВЪ (Храповицкому). Это меня удивляетъ. Обыкновенно они со своими плѣнными сами расправляются.

КРЕСТЬЯНЕ. Руками забрали, потому отстали, да и штыками маленько попрчены. (Слышенъ залпъ). Можетъ ты, батюшка, и ихъ заодно разстрѣлять велишь?

ДАВЫДОВЪ. А, вотъ оно что!... Ну нѣтъ, братцы, эти не виноваты. Присоединить ихъ къ первой партiи, Крючковъ... Да развяжите имъ руки... Вѣдь раненые не убѣжатъ.

КРЕСТЬЯНЕ. Мальченка то здоровъ, сбѣжитъ пожалуй.

ДАВЫДОВЪ. Не разсуждать!.. Урядникъ, всѣхъ развязать... (плѣнныхъ развязываютъ): А этотъ что тутъ дѣлаетъ? Мальчикъ совсѣмъ.

КРЕСТЬЯНЕ. А онъ, значитъ, руками показывалъ, что въ барабанъ билъ.

ДАВЫДОВЪ. Ну да, у нихъ всѣ барабанщики-малолѣтки... Жаль мнѣ этого ребенка, оторваннаго отъ родного дома. Слишкомъ раннiй цвѣтъ, перенесенный на русскiе морозы. Я его при себѣ оставлю...

ХРАПОВ. Ну, это ты напрасно.

ДАВЫДОВЪ. Кому онъ мѣшаетъ? Жалкiй, изнуренный... Крючковъ, распорядись, братецъ, чтобы дали ему чекмень и фуражку. (Мальчика и французовъ уводятъ).

ТИЛИНГЪ. Позвольте и мнѣ удалиться, г-нъ полковникъ.

ДАВЫДОВЪ. Пожалуйста! Храповицкiй, проводи-ка, братъ. (Тилингъ и Храповицкiй уходятъ. Входятъ Ведряга и Макаровъ, затѣмъ Петровъ въ страшномъ разстройствѣ).

20.

МАКАРОВЪ. Приговоръ исполненъ, г-нъ полковникъ... (входитъ Петровъ).

ПЕТРОВЪ. Ваше высокородie!... Будьте милостивы...

ДАВЫДОВЪ. Что нужно?

ПЕТРОВЪ. Не знаю, какъ и сказать... Вы были такъ добры ко мнѣ... Согласились принять подъ свое начальство... А теперь... Не откажите простить... Рѣчь идетъ о моей невѣстѣ... (подаетъ записку).

ДАВЫДОВЪ. Есть мнѣ время читать твои амурныя записки...

ПЕТРОВЪ. Ради Бога прочтите, г-нъ полковникъ.

ДАВЫДОВЪ (читаетъ). "Марія Андреевна при смерти. Если Сергѣй Петровъ хочетъ проститься съ невѣстой, пусть ѣдетъ немедленно. Она зоветъ его. Докторъ Фогтъ..." Ну, какое мнѣ до этого дѣло?

ПЕТРОВЪ. Умоляю васъ, г-нъ полковникъ... Отпустите меня!..

ДАВЫДОВЪ. Это мнѣ очень нравится... Да ты рехнулся, что ли? Въ дезертиры мѣтишь? Мою голову оцѣнили, французы травятъ насъ, какъ волковъ, а ты бѣжишь къ дѣвченкѣ на свиданье!..

ПЕТРОВЪ. Мнѣ бы только проститься... Она зоветъ меня!..

ДАВЫДОВЪ. Но какъ же ты, чортъ возьми, узналъ объ этомъ?

ПЕТРОВЪ. Вамъ доставляетъ депеши дѣвка изъ нашего села. Ей было велѣно искать меня по всему уѣзду.

ДАВЫДОВЪ. Странно!.. Хорошъ будетъ у меня отрядъ, если всѣ мои партизаны станутъ бѣгать на любовныя свиданія... Ужъ не ловушка ли?

ПЕТРОВЪ. Не думаю. Она живетъ отдѣльно, во флигелѣ. На зарѣ могу пробраться незамѣченнымъ... Только бы проститься съ ней. Знаю, что поступаю незаконно... Но я люблю ее больше жизни...

ДАВЫДОВЪ. Вздоръ... И слышать не хочу... Запей водой!..

ВЕДРЯГА. А намъ, Денисъ Васильевичъ, пора подумать о томъ, какъ бы не попасться французамъ въ лапы.

ДАВЫДОВЪ. Да, да, конечно!.. А ты отправилъ плѣнныхъ?

ВЕДРЯГА. Отправилъ.

ДАВЫДОВЪ. Суворовскіе переходы намъ не въ диковинку. Кочуемъ, какъ цыгане, порхаемъ съ мѣста на мѣсто, какъ птицы перелетныя. Пойдемъ-ка, братъ, собирать нашихъ молодцовъ. (Петрову). Ну, а ты чего стоишь?

ПЕТРОВЪ. Жду вашего рѣшенія..

ДАВЫДОВЪ. Да ужъ ступай, что съ тебя возьмешь...

ПЕТРОВЪ. Спасибо, ваше высокородіе, большое спасибо!.. А если мнѣ удастся благополучно вернуться, могу я надѣяться, что вы снова примете меня?

ДАВЫДОВЪ. Меня давно и слѣдъ простылъ. Ищи вѣтра въ полѣ!.. Впрочемъ, усадьба Сѣверскихъ недалеко отъ Юхнова. Тамъ можешь справиться обо мнѣ... А мой совѣтъ тебѣ лучше не лѣзть къ волку въ пасть.

ПЕТРОВЪ. Она умираетъ!.. Мнѣ бы только взглянуть...

ДАВЫДОВЪ. Ну дѣлай, какъ знаешь!.. (Петровъ уходитъ). Жаль молодца, пропадетъ задаромъ, но намъ теперь не до него. Въ путь-дорогу, господа!..

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Утро. Гостиная въ домѣ Сѣверскихъ. Вѣра сидитъ задумавшись. Входитъ Катя.

КАТЯ. Новости, Вѣрочка!... Цѣлый коробъ новостей...

ВѢРА (вскочивъ). Гриша?..

КАТЯ. Нѣтъ, не то... (Вѣра снова садится и спускаетъ голову на руку).

ВѢРА. Не вернется онъ ко мнѣ!..

КАТЯ. Не горюй, Вѣра, милочка ты моя, дружочекъ!.. Изъ пропавшихъ безъ вѣсти сколько ужъ вернулось домой... И братъ вернется, ей Богу вернется, хорошая моя, золотая, цыпочка, любушка...

ВѢРА. Оставь, Катя... Не могу я говорить о немъ.

КАТЯ. Да вѣдь я хотѣла успокоить тебя. Довольно съ насъ горя: смерти папа́, брата Миши, убитаго французами, а жениха погоди оплакивать.

ВѢРА. Довольно о немъ... Лучше выкладывай свои новости, Катишь.

КАТЯ. Наполеонъ бѣжитъ изъ Москвы-вотъ первая.

ВѢРА. Неужели?

КАТЯ. Ужъ если я говорю... По слухамъ онъ идетъ на Петербургъ, другіе увѣряютъ-на Смоленскъ... А вдругъ онъ нагрянетъ къ намъ? А, какъ ты думаешь?

ВѢРА. Мало вѣроятія.

КАТЯ. Вторая новость еще интереснѣй: партизаны появились у Вязьмы и наѣздничаютъ даже въ нашихъ лѣсахъ. Извѣстный Фигнеръ, Сеславинъ, Денисъ Давыдовъ... Этотъ, говорятъ, просто душка... Красный какъ кровь, чекмень, борода до пояса, а за поясомъ полдюжины пистолетовъ. Вотъ бы посмотрѣть... А знаешь, что еще говорятъ? Будто и нашъ Петровъ у партизана Емельянова въ адъютантахъ.

ВѢРА. Это я давно слышала. Мало ли что разсказываютъ?

КАТЯ. Но вѣдь это ужъ вѣрно. Подумай, Вѣрочка, какъ интересно...

ВѢРА. А твой мужъ знаетъ объ этомъ?

КАТЯ. Я не спрашивала. Вѣдь генералъ терпѣть не можетъ Петрова. Его всегда возмущала ласковость папа́ къ пріемышу. Знаешь, Вѣра, я еще въ куклы играла, когда генералъ рѣшилъ, что я буду его женой. а мнѣ, дурочкѣ, и въ голову не приходило. Я его тогда, какъ огня боялась.

ВѢРА. А теперь?

КАТЯ. А теперь еще больше.

ВѢРА. Глупенькая... Ты слишкомъ поддаешься ему.

КАТЯ. Да, попробуй съ нимъ поспорить, увидишь легко ли?... А вотъ и Маша... Маша, иди скорѣй!.. Какія у меня новости... (входитъ Маша).

2.

КАТЯ. Наполеонъ идетъ на Петербургъ. Партизаны въ нашихъ лѣсахъ.

Давыдовъ красный, какъ кровь...

МАША. Что такое?

КАТЯ. Да ты не перебивай... Давыдовъ ходитъ въ красномъ плащѣ съ полдюжиной пистолетовъ за поясомъ и нападая на враговъ, поетъ пѣсни... Емельяновъ вооружилъ своихъ крестьянъ, и у него служитъ твой Сережа. И онъ тоже отпуститъ бороду и будетъ ходить въ красномъ плащѣ. Ахъ, Маша, вотъ интересно то!..

МАША. Объ одномъ я Бога молю, чтобъ Сергѣй не вздумалъ явиться сюда. Пока о Григоріи Павловичѣ нѣтъ извѣстій, чѣмъ дальше онъ будетъ отсюда, тѣмъ лучше для него.

КАТЯ. Хороша невѣста!.. Да будь у меня молодой, любимый женихъ, я бы дня не могла прожить безъ него.

МАША. А что его ждетъ у насъ? Рабство, униженіе...

ВѢРА. Вся дворня графовъ Сѣверскихъ стонетъ подъ палкой генерала.

КАТЯ. Лучше не говорить объ этомъ... А ты будь покойна, Маша. Сюда онъ не сунется... (открываетъ окно и съ крикомъ отскакиваетъ назадъ). Ай, ай, разбойникъ!... (въ окнѣ показывается укутанный плащемъ Петровъ и спрыгиваетъ въ гостинную).

8.

ВѢРА. Партизанъ...

МАША (бросаясь къ нему на шею). Сережа!.. Милый!.. Но зачѣмъ ты здѣсь?

ПЕТРОВЪ. Я узналъ о твоей болѣзни... Слава Богу, что это неправда.

МАША. Но кто же извѣстилъ тебя?

ПЕТРОВЪ. Докторъ Фогтъ. Писалъ, что ты при смерти.

ВѢРА. Такъ это ловушка!..

КАТЯ. Какъ же это? Я не понимаю... А тебѣ идутъ усы...

ВѢРА. Видалъ васъ кто нибудь, Сергѣй?

ПЕТРОВЪ. Не знаю... Я скрывался... Заглянулъ въ окно флигеля, потомъ бродилъ по саду, не рѣшаясь пройти сюда...

МАША. Это ловушка, западня. Негодяй докторъ все подстроилъ, конечно, по приказанію генерала.

КАТЯ. Ахъ, Господи, бѣги скорѣй, Сережа...

МАША. Да, милый, бѣги... (Входитъ Сидоръ).

СИДОРЪ. Ихъ превосходительство скоро сюда пожалуютъ... (закрываетъ окно). А вамъ, Сергѣй Петровичъ, велятъ подождать. (тихо Петрову). Въ саду сторожа. Попался, братъ, теперь не вырвешься. (уходитъ).

МАША. Что онъ шепнулъ тебѣ?

ПЕТРОВЪ. Все кончено... Меня стерегутъ... По крайней мѣрѣ дайте поглядѣть на тебя, моя радость...

КАТЯ. Вѣрочка, генералъ идетъ сюда. Не уйти ли намъ?

ВѢРА. Стыдись, Катя... Мы можемъ заступиться за Сергѣя.

ПЕТРОВЪ. Благодарю васъ, барышня, но это не поможетъ. Ужъ если генералъ пустился на такія уловки, хорошаго ждать нечего. Дайте мнѣ только съ невѣстой наговориться... можетъ быть въ послѣдній разъ...

ВѢРА. Помни, Маша, я всегда готова помочь вамъ обоимъ.

МАША. Спасибо, Вѣрочка.

КАТЯ. Я тоже, но ты знаешь, Маша, онъ никогда не слушаетъ меня.

МАША. Знаю, генеральша, и ничего не жду отъ васъ.

ВѢРА. Побольше твердости, Сергѣй...

КАТЯ. И почтительности...

МАША. Да, и покорности... (Вѣра и Катя уходятъ).

4.

ПЕТРОВЪ. Время дорого... Скажи мнѣ про себя, дорогая. Какъ тебѣ здѣсь живется?

МАША. Да развѣ я живу, когда тебя нѣтъ со мной? (цѣлуетъ его). Что ждетъ тебя, милый? Я себѣ и представить не могу.

ПЕТРОВЪ. Ну, на этотъ счетъ я не обманываю себя. Ждетъ меня обычная холопская доля, скорбный путь униженій и отчаянія. Мы съ тобой не дѣти, и ты, какъ моя подруга, должна смѣло глядѣть опасности въ лицо. Въ послѣдній разъ гляжу я на тебя, дорогая, въ послѣдній разъ говорю съ тобой.

МАША. Что ты хочешь сдѣлать?

ПЕТРОВЪ. Какъ только войдетъ этотъ человѣкъ, я убью себя. (вынимаетъ пистолетъ).

МАША (въ ужасѣ). Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ...

ПЕТРОВЪ. Мнѣ нѣтъ выбора...

МАША. Вѣра поможетъ намъ... Ты уйдешь къ партизанамъ...

ПЕТРОВЪ. Мнѣ не дадутъ... А если бы и такъ, что жь это будетъ? Вѣчная разлука.

МАША. Я все перенесу, лишь бы осталась мнѣ хоть капля, хоть слабая искра надежды. Все, кромѣ твоей смерти... Когда окончится война...

ПЕТРОВЪ. Тогда будетъ еще хуже. Бѣглому нигдѣ нѣтъ оплота. Закуютъ въ кандалы и выдадутъ властямъ.

МАША. Смирись ради меня... Постарайся умилостивить генерала.

ПЕТРОВЪ. Да развѣ это возможно? Развѣ ты не знаешь его, Маша? Онъ всегда ненавидѣлъ и боялся меня. Ему я обязанъ своимъ безправіемъ, но хотя документы и брачное свидѣтельство отца уничтожены, ему все

кажется, что я могу выдать его. Онъ радъ тѣшиться своей властью надо мной.

МАША. Но если ты смиришься, Сережа...

ПЕТРОВЪ. Не могу... Я жилъ въ партизанахъ, какъ свободный, какъ птица вольная. Небо надъ головой, просторъ кругомъ, сочувствіе товарищей, и жизнь кипучая, безпокойная съ бодрящимъ чувствомъ опасности, дающимъ ей цѣну. Бывало, я цѣлые дни забывалъ о лежащемъ на мнѣ клеймѣ рабства, цѣлые дни жилъ вольнымъ человѣкомъ безъ этой гнетущей мысли о неволѣ, гвоздемъ засѣвшей въ моей головѣ. Я отдыхалъ, точно сбросилъ съ себя непосильную тяжесть ярма, полной грудью дышалъ воздухомъ свободы... Жилъ, какъ въ счастливомъ снѣ...

МАША. Мысль о тебѣ, родная, не покидала меня.

МАША. Значитъ, ты въ разлукѣ не охладѣлъ ко мнѣ?

ПЕТРОВЪ. Если бъ я охладѣлъ, развѣ я былъ бы здѣсь?

МАША. Милый... Если я дорога тебѣ, не губи своей души, сбереги ради меня эту тяжелую, горькую жизнь.

ПЕТРОВЪ. Но вѣдь я крѣпостной... Ты не можешь принадлежать мнѣ, Маша..

МАША. Такъ что жъ? Будемъ жить мечтами... Кто знаетъ, что ждетъ тебя впереди? Можетъ быть, желанная свобода?

ПЕТРОВЪ. Я не дождусь ея.

МАША. За всѣ жертвы крестьянъ, за народный подвигъ, за добровольно пролитую кровь, неужели же не облегчатъ ихъ оковы?

ПЕТРОВЪ. Можетъ статься... Но можетъ быть, эти оковы станутъ еще тяжелѣй послѣ промелькнувшаго призрака свободы... У меня, напримѣръ, раньше хватало твердости мириться съ униженіемъ, а теперь, отвѣдавъ вольной жизни, не могу больше склоняться подъ ярмомъ. Кланяться этому богдыхану, деспоту, развратнику-не могу... Пойми же, Маша, вѣдь и у меня свое самолюбіе, своя гордость.

МАША. Да, гордость у мужчинъ всегда беретъ верхъ надъ любовью. А о томъ вы не подумаете, что наше женское сердце бьется навстрѣчу вамъ, какъ птица въ неволѣ, и крылья ломаетъ о клѣтку, и мучится, и трепещетъ въ смертельной невыносимой тоскѣ? Вѣдь и я была горда, а теперь ты-моя единственная гордость... Въ тебѣ для меня весь смыслъ, вся краса жизни, безъ тебя все мракъ и пустота... А если не суждено намъ, Сергѣй, пожить съ тобой на волѣ... Слушай, милый, я рѣшилась... Если ты останешься рабомъ, то и я пойду къ тебѣ въ рабыни. Все вынесу-стыдъ, попреки, униженіе... Буду гордиться ими... Бери меня всю! Что хочешь дѣлай со мной, только живи... Вѣдь я давно твоя и твоя навѣки... (объятія).

ПЕТРОВЪ. Маша, радость моя, голубка... Вѣдь ты губишь себя!..

МАША. Не все ли равно, лишь бы ты былъ живъ... Люби меня, Сергѣй.. Не покидай одну въ этомъ холодномъ мiрѣ. Съ тобой и жизнь прекрасна и смерть не страшна...

ПЕТРОВЪ. Я не зналъ, что ты такъ сильно любишь меня...

МАША. Да, ты еще не знаешь меня, Сергѣй. Считаешь сдержанной, почти холодной. Твои братья звали меня монашенкой, сестрой Марiей. Чтобъ защитить себя отъ нихъ и ихъ гостей, я должна была заморозить свои чувства, и я достигла этого. Даже когда сердце влекло меня къ тебѣ, я не оттаивала, боролась съ собой. Но весеннимъ потокомъ нахлынула любовь-и сломала ледъ, опрокинула всѣ преграды. Нѣтъ такой жгучей ласки, нѣтъ такихъ нѣжныхъ словъ, которыми я поскупилась бы для тебя, любимый мой... Скрывая свои чувства, я для тебя же ревниво берегла ихъ въ своемъ сердцѣ, какъ годами накопленное сокровище, которымъ я съ радостью обогащу тебя. Ты не испыталъ еще всей силы моей любви. Испытай, милый... Повѣрь, ради нея стоитъ жить, стоитъ терпѣть и бороться. Обѣщай, что ты не покинешь меня...

ПЕТРОВЪ. Но видя меня униженнымъ, ты сама станешь презирать меня..

МАША. Я тебя боготворю!.. (цѣлуетъ ему руки. Онъ въ сильномъ волненiи притягиваетъ ее къ себѣ).

ПЕТРОВЪ. Безцѣнная моя

МАША. Я слышу шаги... Насъ разлучатъ... Обѣщай же мнѣ жить, обѣщай

ПЕТРОВЪ.Обѣщаю... Но что ты дѣлаешь со мной? (входитъ Сидоръ).

5.

СИДОРЪ. Уйдите лучше, барышня. Ихъ превосходительство изволятъ гнѣваться. (Петрову). А это что что у васъ? Пистолетъ? Давайте скорѣй, а то они еще пуще осерчаютъ. (Петровъ тоскливо смотритъ на Машу. Она киваетъ головой. Онъ молча отдаетъ Сидору пистолетъ).

ПЕТРОВЪ. Иди, иди, родная... (Она уходитъ, у двери еще разъ оглянувшись на него. Онъ встрѣчаетъ грустной улыбкой ея прощальный взглядъ. Изъ другой двери входитъ генералъ Мордвинъ, опираясь на костыль и на плечо Фильки. Сидоръ бросается поддержать его подъ руку. Петровъ молча кланяется).

6.

ГЕНЕРАЛЪ (идетъ, насупившись, не глядя на Петрова и тяжело опускается на диванъ). Филька... Трубку... (тотъ подаетъ). Глянь ка въ окно: прошелъ дождикъ?

ФИЛЬКА. Точно такъ, ваше превосходительство.

ГЕНЕРАЛЪ. Такъ прикажи запречь коляску... Живо!.. (Филька исчезаетъ). А ты, ополченецъ, подойди-ка... Дай полюбоваться на героя-партизана... (оглядываетъ его). Хорошъ!.. Вырядился какъ на Святкахъ. Но со мной шутки плохи. Я тебѣ не графъ Сѣверскій... Старикъ равнялъ пріемыша съ родными сыновьями. Потѣха, право потѣха!.. Сей машкерадъ довольно продолжался. Пора и честь знать. Кто ты таковъ, а?

ПЕТРОВЪ. Сергѣй Петровъ.

ГЕНЕРАЛЪ. Дуракъ!.. Знаю, что Сергѣй Петровъ. Званіе твое?

ПЕТРОВЪ. Крѣпостной человѣкъ графа Сѣверскаго.

ГЕНЕРАЛЪ. Былъ имъ, дубина, а теперь ты мой холопъ, слышишь? Трубку бери... А ты, Сидорка, пошелъ вонъ... (Сидоръ уходитъ).

ПЕТРОВЪ. Куда прикажете положить?

ГЕНЕРАЛЪ. Въ рукахъ держи, пока я не потребую.

ПЕТРОВЪ. Долженъ ли я понять, что ваше превосходительство рѣшили замѣнить мною казачка Фильку?

ГЕНЕРАЛЪ. А хоть бы и такъ. Что Филька, что Сережка, не все ли равно?

ПЕТРОВЪ. Осмѣлюсь напомнить, что меня знаютъ въ ополченіи. Имѣю Георгія. Полковнику Давыдову лично извѣстенъ.

ГЕНЕРАЛЪ. А мнѣ какое дѣло? Давыдовъ, Фигнеръ... Молокососы, вольтеріанцы... Начальства не почитаютъ, умничаютъ... Съ самой бородинской битвы, когда я по случаю полученной раны, оставилъ армію, было ли хоть одно сраженіе, а? Бонапартъ спитъ въ Москвѣ, Кутузовъ въ Вязьмѣ, а по лѣсамъ рыскаютъ мальчишки, забавляясь игрой въ разбойники... Потѣха... Впрочемъ, твоему майору я послалъ другого ополченца. Можешь быть спокоенъ. А теперь клади трубку на столъ.

ПЕТРОВЪ. Ваше превосходительство... Будьте милостивы, отпустите меня...

ГЕНЕРАЛЪ. Молчать! Молчать.

ПЕТРОВЪ. Не могу я... Отпустите меня къ партизанамъ, ваше превосходительство... Тамъ меня цѣнятъ, тамъ я могу быть полезенъ. Вы знаете, какое я получилъ воспитаніе, знаете, что графы Сѣверскіе меня за брата признавали.

ГЕНЕРАЛЪ. Молчать, негодяй!.. (стучитъ костылемъ по полу).

ПЕТРОВЪ. Я честно служилъ имъ, дайте мнѣ послужить и родинѣ, теперь, когда и пахарь берется за оружіе, а подать вамъ трубку всякій сумѣетъ.

ГЕНЕРАЛЪ. Наглецъ!.. Бездѣльникъ!.. Всякій сумѣетъ... Нѣтъ, негодяй, не всякаго я удостою чести служить мнѣ, генералъ-лейтенанту Мордвину. Благодари за милость, подзаборникъ... Воспитаніе!.. Я всегда возмущался

твоимъ дурацкимъ воспитанiемъ. Но погоди, я тебя и перевоспитать сумѣю...

ПЕТРОВЪ. Дайте мнѣ на волю откупиться... Я могу.

ГЕНЕРАЛЪ. Откупиться... Скажите, пожалуйста!.. Глупости!.. Рабомъ ты былъ, рабомъ и останешься. Слышишь?... Ухъ, даже въ жаръ меня бросило... Квасу подай... Вонъ на столѣ... Да живѣй, болванъ... (Петровъ подаетъ). Эхъ, ты ополченецъ!... Наливай же, чего боишься? (Петровъ наливаетъ). Всему то тебя учить надо, да мы тебя живо обломаемъ... У меня строго... Никому не спущу... (замахивается костылемъ, Петровъ, сверкнувъ глазами, отступилъ).

ПЕТРОВЪ (глухо). Не троньте, генералъ... Худо будетъ.

ГЕНЕРАЛЪ. Собака!..

ПЕТРОВЪ. И собака укуситъ иной разъ, если ее ударитъ.

ГЕНЕРАЛЪ. Холопъ!.. Ты мнѣ, мнѣ смѣешь такъ отвѣчать?

ПЕТРОВЪ. Я отвѣтилъ бы вамъ еще смѣлѣй, если бы... (опомнившись) Но нѣтъ, я не то говорю. Не хочу раздражать васъ... Вѣдь обѣщалъ же я покориться, смирить себя... Если бы вы могли понять, чего мнѣ это стоитъ... Но что объ этомъ говорить!.. Приказывайте, ваше превосходительство...

ГЕНЕРАЛЪ. Ага!.. Смирился? Давно бы такъ... Эй, Филька!.. (Филька вбѣгаетъ). Гдѣ генеральша? Зови сюда генеральшу и барышень. Живо. (Филька исчезаетъ): Ванька!..'Ванька Петровъ... Я тебя для удобства буду Ванькой звать... Стой у двери и жди моихъ приказанiй. (входитъ Катя, Маша, потомъ Вѣра.) 7.

КАТЯ. Здравствуйте, Федоръ Никитичъ.

МАША. Здравствуйте, ваше превосходительство.

ГЕНЕРАЛЪ. Здравствуйте, здравствуйте... А Вѣра гдѣ?

КАТЯ. Сейчасъ придетъ.

ГЕНЕРАЛЪ. Больно гордо, ужъ и навѣстить бѣднаго калѣку не желаетъ... (сердито). А ты отчего въ черной косынкѣ?

КАТЯ. Вѣдь я въ траурѣ Федоръ Никитичъ.

ГЕНЕРАЛЪ. Трауръ и при бѣлой косынкѣ будетъ трауромъ.

КАТЯ. Прикажите, я перемѣню.

ГЕНЕРАЛЪ. Не надо... (входитъ Вѣра). А, вотъ и наша любезная кузина... Здравствуйте...

ВѢРА. Какъ поживаете, генералъ?

ГЕНЕРАЛЪ. Вашими молитвами живемъ помаленьку.

ВѢРА. А мы съ Катей хотѣли поговорить съ вами на счетъ Сергѣя Петрова.

ГЕНЕРАЛЪ. Ну что жъ, очень радъ. Говорите, сударыня, говорите...

ВѢРА. Удобно ли при немъ? (Петровъ хочетъ итти).

ГЕНЕРАЛЪ. Ни съ мѣста!.. Холопа стѣсняться нечего.!. (грозно Катѣ, которая вертитъ въ рукахъ кольцо). Зачѣмъ вертишь?

КАТЯ (съ испугомъ). Что прикажете?

ГЕНЕРАЛЪ. Зачѣмъ кольцо вертишь? Знаешь, что не люблю.

КАТЯ. Больше не буду, Федоръ Никитичъ.

ГЕНЕРАЛЪ. Ну съ, говорите, кузиночка. Я терпѣливъ, все выслушаю.!. (грозно). Филька!.!.

ФИЛЬКА. Что прикажете, ваше превосходительство?

ГЕНЕРАЛЪ. Трубку!.!. (Филька осматривается). У Ваньки спроси, дуракъ!.! (Филька бѣжитъ къ двери). Стой!.!. Гдѣ тутъ Ванька, я тебя спрашиваю? Развѣ я-Ванька? Развѣ генеральша-Ванька? (Сбитый съ толку Филька испуганно хлопаетъ глазами). Вотъ онъ, Ванька Петровъ, переименованный такъ для моего удобства. Понимаешь, дуракъ? (Филька подаетъ трубку).

ВѢРА. Я хотѣла напомнить вамъ, генералъ, что Сергѣй Петровичъ слуга Григорія Павловича, а пока есть надежда на возвращеніе графа, надъ его людьми никто не властенъ.

ГЕНЕРАЛЪ. Ошибаетесь, любезная кузиночка. Безначалія, даже временнаго, нельзя допустить. Сестра графа владѣетъ его людьми, а такъ какъ ея дѣлами завѣдую я... Впрочемъ, спросите Катишь: можетъ она желаетъ всѣмъ завѣдывать сама?

КАТЯ. Что вы, что вы, Федоръ Никитичъ.!. Да развѣ я могу.?

ГЕНЕРАЛЪ. А не можешь, такъ нечего и разговаривать.

ВѢРА. Мы говоримъ не объ имѣніи, а о людяхъ, генералъ.

ГЕНЕРАЛЪ. Это есть принадлежность имѣнія, инвентарь. Само собой, до полученія болѣе вѣрныхъ свѣдѣній я не имѣю права ни засѣчь, ни продать, ни отпустить на волю хотя бы того же Ваньку Петрова, но распоряжаться имъ, а при случаѣ и выдрать, я имѣю полное право.

ВѢРА. Катя не допуститъ.

ГЕНЕРАЛЪ (презрительно). Она... Отвѣчай, дурочка, посмѣешь ты мнѣ перечить? Ну?

КАТЯ. Гдѣ же мнѣ.!.

ГЕНЕРАЛЪ. Значитъ, я воленъ дѣлать съ твоими людьми все, что мнѣ вздумается, а?

КАТЯ. Конечно, Федоръ Никитичъ. Но я хотѣла попросить васъ...

ГЕНЕРАЛЪ (грозно). Что-о-о-о? Значитъ, я здѣсь больше не хозяинъ? Такъ?

КАТЯ. Увѣряю васъ...

ГЕНЕРАЛЪ. Молчать!.. Разодолжила женушка, осрамила.!. И ты же виновата, что этотъ холопъ съ рукъ сбился. Избаловала его, вотъ и кайся. Дрянь!.!.

КАТЯ. Простите, Федоръ Никитичъ. Виновата...

ГЕНЕРАЛЪ. А это что у тебя? Что на ногахъ, я спрашиваю?

КАТЯ. На ногахъ? Туфли.

ГЕНЕРАЛЪ. А каблуки. Зачѣмъ большіе каблуки? Кто тебѣ разрѣшилъ? А?

КАТЯ. Виновата... Но туфельки такія хорошенькія...

ГЕНЕРАЛЪ. Замолчишь ли ты?.. Вольнодумничать... Кокетничать... Носъ задирать... Я тебѣ покажу... (стучитъ костылемъ. Катя испуганно вскакиваетъ). Дурочка... Да я пошутилъ... Хе, хе, хе!.. Что за бѣда, что ты за туфли заступилась? Носи себѣ на здоровье... Не тиранъ я въ самомъ дѣлѣ. Притѣснять никого не люблю... Ванька, квасу!.. (Петровъ хочетъ итти, но взглянувъ на Машу, останавливается). Хамъ!.. тебѣ я говорю или нѣтъ?

ВѢРА (наливаетъ). Позвольте услужить вамъ, генералъ.

ГЕНЕРАЛЪ. Спасибо, кузиночка, но на это есть лакей.

ВѢРА. Хочу задобрить васъ, генералъ, чтобъ вы не отказали мнѣ въ моей просьбѣ на счетъ Сергѣя. Отпустите его въ ополченіе...

ГЕНЕРАЛЪ. Не могу-съ...

ВѢРА. Но почему же?

ГЕНЕРАЛЪ. Сказано не могу и будетъ съ васъ.

ВѢРА. Я не Катя. Такимъ отвѣтомъ не удовольствуюсь.

ГЕНЕРАЛЪ. А другого не получите, слышите?

ВѢРА. Да вы не кричите, генералъ. Я вамъ не раба и не жена.

ГЕНЕРАЛЪ. Вонъ!.. Всѣ вонъ!.. Катька... Все ты виновата!.. Вонъ!.. (Всѣ три женщины идутъ къ двери, но Маша, давъ другимъ уйти, возвращается назадъ).

8.

ПЕТРОВЪ (удерживая ее). Не надо, Маша!.. Ради меня, ради Бога...

МАША. Оставь... (подходитъ къ генералу и падаетъ на колѣни). Сжальтесь, ваше высокопревосходительство!.. Не губите насъ...
(Петровъ, закусивъ губу, отворачивается).

ГЕНЕРАЛЪ. Безстыдница!..

МАША. Онъ мой женихъ... Пощадите его...

ГЕНЕРАЛЪ. Женихъ... Такъ... Значитъ, ты мѣтишь ко мнѣ въ крѣпостныя?

МАША. Я на все готова, лишь бы не разставаться съ нимъ... Дайте ему послужить въ ополченіи, привыкнуть къ подчиненію, къ дисциплинѣ и онъ вернется покорнымъ и благодарнымъ слугой. И я вамъ буду такъ благодарна, ваше превосходительство... Такъ глубоко, безконечно благодарна!..

ГЕНЕРАЛЪ. Эге, да ты прехорошенькая!.. Цвѣточекъ... Какъ такой

красоткѣ отказать?

МАША. Согласитесь, ваше превосходительство... Пожалѣйте насъ!..

ГЕНЕРАЛЪ. Слушай, дитя... Согласна ты обвѣнчаться съ нимъ?

МАША. Согласна... (встаетъ).

ПЕТРОВЪ (тоскливо). Маша!..

ГЕНЕРАЛЪ. Молчать!.. Ни съ мѣста!.. Онъ у тебя точно съ цѣпи сорвался, да умная жена сумѣетъ угомонить его. Я его такой прочной лентой привяжу къ себѣ, что изъ него потомъ хоть веревки вей.

МАША (подходитъ къ Петрову). Ну что жъ, Сергѣй... Неужели же ты откажешься отъ меня? (тихо). Согласись!..

ГЕНЕРАЛЪ. Невѣстѣ ждать согласія жениха - это не порядокъ. Ну, что жъ, согласенъ ты наконецъ? Приневоливать не придется.?

СЕРГѢЙ (съ усиліемъ). Согласенъ...

ГЕНЕРАЛЪ. Тянуть не будемъ. Завтра же сыграемъ свадьбу... А тамъ будешь проситься опять въ ополченіе, я пожалуй удерживать не стану.

МАША. Съ разрѣшенія вашего превосходительства, теперь ужъ я удержу его. И такъ я вамъ благодарна, генералъ, что и сказать не могу...

ГЕНЕРАЛЪ. Эй, Филька!.. (Филька входитъ). Коляска готова?

ФИЛЬКА. Точно такъ-съ, ваше превосходительство.

ГЕНЕРАЛЪ. Отпрягать!.. Стой, болванъ!..
Ступай сейчасъ на село къ батюшкѣ и приведи сюда. (Филька бѣжитъ). Стой... Сначала проводи меня... (встаетъ). Охъ... Ломитъ нога проклятая... А какъ ты думаешь, плутовка, не сбѣжитъ отъ тебя женихъ, а?

МАША. Помилуйте, ваше превосходительство... Да развѣ я не сумѣю удержать его?

ГЕНЕРАЛЪ. Ну ладно, воркуйте, воркуйте, голубки... (грозитъ Машѣ пальцемъ). Плутовочка!... Сирена!.. Хе, хе, хе!... (уходитъ съ Филькой).

9.

ПЕТРОВЪ. Ну что жъ, Маша, видишь теперь, что значитъ полюбить крѣпостного? Понимаешь, что ждетъ тебя?

МАША. Прощай!

ПЕТРОВЪ. Да, теперь нечего раздумывать. Вырваться изъ этой берлоги, или умереть. Въ крайнемъ случаѣ, приму яду. Я всегда ношу съ собой въ кольцѣ... Но какъ я тебя оставлю?

МАША. Пустое... Пойдемъ ко мнѣ, Сережа. Я тамъ тебѣ отцовскій пистолетъ, спущу въ окно... Задворками пробережься въ лѣсъ. А тамъ спасеніе...

ПЕТРОВЪ. Какъ покинуть тебя, моя радость, царица моя.?

МАША. Меня никто не тронетъ. Будь покоенъ, милый, и пойдемъ

скорѣй.

ПЕТРОВЪ. Горька наша доля подневольная... (идетъ за ней).

З А Н А В Ѣ С Ъ.

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

Картина 1.

Осенній вечеръ въ лѣсу. Давыдовскій лагерь. Въ сторонѣ шалашъ. Въ глубинѣ сцены спятъ на землѣ казаки. У костра сидитъ Давыдовъ.

ДЕРГУНОВЪ (входитъ). Честь имѣю доложить о прибытіи капитана Хвигнерова. (Фигнеръ подходитъ. Давыдовъ встаетъ).

ДАВЫДОВЪ. Здравствуй, братъ Фигнеръ... Радъ тебя видѣть.

ФИГНЕРЪ. А я къ тебѣ по дѣлу, Денисъ Васильевичъ. Ты взялъ въ плѣнъ цѣлую партію бездѣльниковъ-французовъ. Уступи ка ихъ мнѣ.

ДАВЫДОВЪ. А на что они тебѣ?

ФИГНЕРЪ. На что можетъ быть годна подобная сволочь? Со мной новые казаки, на звѣрей французовъ еще не натравлены. Чтобы закалить ихъ, велю имъ перебить этихъ бродягъ... Что они, у тебя-связаны?

ДАВЫДОВЪ. Опомнись, братъ... И это ты серьезно?

ФИГНЕРЪ (съ улыбкой). Конечно.

ДАВЫДОВЪ. Не выводи меня, Александръ Самойловичъ, изъ заблужденія. Оставь думать, что героизмъ-душа твоихъ славныхъ подвиговъ. Безъ него они мертвый капиталъ. Я, какъ русскій, желалъ бы, чтобы у насъ было побольше славныхъ, но и великодушныхъ воиновъ.

ФИГНЕРЪ. Развѣ ты не разстрѣливаешь?

ДАВЫДОВЪ. Да, я разстрѣлялъ двухъ измѣнниковъ.

ФИГНЕРЪ. Но вѣдь разстрѣливаешь и плѣнныхъ?

ДАВЫДОВЪ. Никогда... Вели хоть тайно разспросить моихъ казаковъ.

ФИГНЕРЪ. Что жъ ты дѣлаешь съ этой сволочью?

ДАВЫДОВЪ. Отправляю подъ расписки въ главную квартиру.

ФИГНЕРЪ. Отъ холода и голода почти всѣ перемрутъ дорогой.

ДАВЫДОВЪ. Пускай, но не отъ моей руки.

ФИГНЕРЪ. Партизану не до нѣжностей. Для плѣнныхъ у насъ нѣтъ ни прикрытія, ни хлѣба, ни пріюта. Его нѣтъ и для насъ. Какъ Святославъ Кіевскій, мы ни обозовъ, ни шатровъ съ собой не возимъ. Спимъ подъ шатромъ небеснымъ, свободные, какъ волки, а волки плѣнныхъ не берутъ.

ДАВЫДОВЪ. Спасибо за лестное сравненіе.

ФИГНЕРЪ. Французы пристрѣливаютъ отсталыхъ плѣнныхъ. Слыхалъ?

ДАВЫДОВЪ. Они вѣрно не знаютъ русской пословицы: "Лежачаго не бьютъ". У меня рука не поднимется на безоружнаго.

ФИГНЕРЪ. Ну такъ походимъ вмѣстѣ, и ты вѣрно бросишь эти предразсудки.

ДАВЫДОВЪ. Нѣтъ, любезный другъ. Если солдатская честь и состраданіе по твоему предразсудки, - я съ ними и умру.

ФИГНЕРЪ. Постой... Война не побѣдный маршъ. Видно, что ты не видалъ разоренной Москвы, а я на ея развалинахъ закалилъ свое сердце.

ДАВЫДОВЪ. Не стану спорить. Мнѣ надо еще отдать кой какія приказанія... (отходитъ въ сторону). Крючковъ!..

КРЮЧКОВЪ. Здѣсь, ваше высокородіе...

ДАВЫДОВЪ. Удвоить стражу надъ плѣнными. Какъ станетъ разсвѣтать, отправить ихъ на главную квартиру, а пока глядѣть въ оба. Ты мнѣ отвѣчаешь за нихъ головой.

КРЮЧКОВЪ. Слушаю, ваше высокородіе... (уходитъ).

ДАВЫДОВЪ (возвращаясь къ костру). Налить тебѣ, Александръ Самойловичъ?

ФИГНЕРЪ. Пожалуй, но предупреждаю, я во хмѣлю не веселъ... (пьютъ

ДАВЫДОВЪ. А мнѣ послѣ двухъ-трехъ рюмокъ море по колѣно...

"Станемъ братцы вѣчно жить,
Вкругъ огней подъ шалашами,
Днемъ рубиться молодцами,
Вечеркомъ горѣлку пить"...

ФИГНЕРЪ. (x) Да, забылъ сообщить тебѣ, братъ Денисъ. Кажется, ты знавалъ смоленскаго помѣщика Энгельгардта?

ДАВЫДОВЪ. Какъ же... Прекрасный человѣкъ и храбрый партизанъ.

ФИГНЕРЪ. Ну вотъ, этого самаго прекраснаго человѣка взяли французы въ плѣнъ и стали уговаривать честь честью поступить въ ряды просвѣщенныхъ воиновъ геніальнаго и великодушнаго Наполеона. Онъ имѣлъ глупость отказаться и его рѣшили пристрѣлить...

ДАВЫДОВЪ. И разстрѣляли?

ФИГНЕРЪ. Погоди... Осужденному хотѣли завязать глаза, но онъ

сорвалъ платокъ , смѣло глядя въ лицо смерти. Чтобы испытать его твердость, солдатамъ велѣно было стрѣлять пониже. Ему прострѣлили ногу и снова стали приставать съ тѣми же почетными предложенiями...

ДАВЫДОВЪ. Да не томи ты меня ради Бога!.. Убили его?

ФИГНЕРЪ. Да. Онъ продолжалъ отказываться отъ чести служить подъ французскими знаменами, и его прикончили... Понимаешь теперь, почему я не щажу плѣнныхъ?

ДАВЫДОВЪ. Какой ужасъ!..

ФИГНЕРЪ. Я къ ужасамъ привыкъ, совѣтую и тебѣ./(x) Ты, братъ Денисъ, какъ поэтъ, слишкомъ легко увлекаешься. Возьмемъ для примѣра твоего новаго фаворита изъ подкидышей, Сергѣя Петрова. Не слишкомъ ли ты довѣряешь ему?

ДАВЫДОВЪ. Онъ дерется, какъ левъ, напрашивается на опасность...

ФИГНЕРЪ. А чѣмъ ты объяснишь его побѣгъ на свиданiе съ какой то дѣвченкой?

ДАВЫДОВЪ. Никакого побѣга не было. Онъ отпросился у меня и вернулся на другой же день, съ опасностью жизни вырвавшись изъ разставленной ему западни.

ФИГНЕРЪ. А мнѣ какъ то пришлось ночевать у здѣшняго помѣщика Мордвина, и онъ очень дурно отзывался о твоемъ протеже.

ДАВЫДОВЪ. Еще бы!.. Будь у Петрова документы, онъ могъ бы оспаривать у генерала наслѣдство графовъ Сѣверскихъ.

ФИГНЕРЪ. И ты повѣрилъ этой смѣшной баснѣ? Петровъ заимствовалъ подробности изъ романа мадамъ де Сталь... Онъ, очевидно, не глупъ, но гордъ, какъ самъ Люциферъ, мечтаетъ о волѣ...

ДАВЫДОВЪ. Что жъ тутъ удивительнаго?

ФИГНЕРЪ. И потерявъ всякую надежду получить свободу, задумалъ передаться французамъ, а тебя, мой другъ, отравить...

ДАВЫДОВЪ. Вранье!..

ФИГНЕРЪ. Носитъ, говорятъ, ядъ въ кольцѣ, выжидая удобнаго случая.

ДАВЫДОВЪ. Не вѣрю. Клевета!..

ФИГНЕРЪ. А я не знаю, почему я долженъ больше довѣрять какому то проходимцу, чѣмъ извѣстному своей храбростью генералу.

ДАВЫДОВЪ. Если бъ я могъ подумать... Да нѣтъ, это невозможно...

ФИГНЕРЪ. Все возможно въ этомъ мiрѣ подлецовъ и обманщиковъ. А гдѣ онъ теперь, твой новый другъ?

ДАВЫДОВЪ. Жду съ минуты на минуту. Онъ поѣхалъ на поискъ. (Входитъ Дергуновъ).

2.

ДЕРГУНОВЪ. Такъ что, ваше высокоблагородiе, наши казаки возврати-

---

(x) Можетъ быть пропущено при представленiи.

лись изъ набѣга, причемъ вывели изъ плѣннаго приключенія двухъ русскихъ ахвицеровъ, одинъ изъ каковыхъ даже съ графскимъ достоинствомъ. (Уходитъ).

ДАВЫДОВЪ. Молодецъ Петровъ!.. Ты видишь, онъ опять отличился. Это онъ прослышалъ о близости французовъ, задумалъ этотъ набѣгъ.

ФИГНЕРЪ. Что жъ, значитъ, онъ хорошо освѣдомленъ насчетъ передвиженія непріятеля.

ДАВЫДОВЪ (съ досадой). Тьфу!.. Проклятая у тебя, братъ, подозрительность!.. (входятъ Петровъ и графъ Сѣверскій съ подвязанной рукой и обросшимъ бородой лицомъ).

3.

ДАВЫДОВЪ (бросается къ нему). Сѣверскій!.. Ты?.. (обнимаетъ его).

СѢВЕРСКІЙ. Я самъ, братъ Денисъ... Здравствуйте, капитанъ!..

ДАВЫДОВЪ. Да какими же чудесами?

СѢВЕРСКІЙ. А вотъ Сережа разскажетъ, какъ онъ выручилъ меня.

ПЕТРОВЪ. Представьте мою радость, полковникъ...Налетѣли мы на цѣлую стаю вороновъ-мародеровъ, освободили съ десятокъ нашихъ плѣнныхъ, и вдругъ я вижу моего дорогого графа!..

ДАВЫДОВЪ. За что съ тобою было, Гриша? Сдѣлай одолженіе, разскажи... (всѣ садятся у костра. Петровъ стоитъ около).

СѢВЕРСКІЙ. Я былъ высланъ на развѣдки, господа, а французы меня подстрѣлили. Сначала прятался отъ нихъ въ лѣсу, но когда ослабѣлъ отъ потери крови, они замертво подняли меня и потащили за собой. Вотъ и вся моя Одиссея, благополучно оконченная сегодня, благодаря вмѣшательству Сережи. Позвольте, капитанъ, представить вамъ моего избавителя и пріемнаго брата, Сергѣя Петровича Петрова. (Фигнеръ любезно отвѣчаетъ на поклонъ Петрова).

ДАВЫДОВЪ. Молодецъ!.. Надѣюсь, онъ отвоевалъ себѣ волю?

СѢВЕРСКІЙ. Еще бы!.. Мы все оформимъ при первой возможности.

ДАВЫДОВЪ. Сердечно радъ за васъ обоихъ. Надо вспрыснуть твое возвращеніе, голубчикъ... (чокается съ нимъ). А что твоя рана?

СѢВЕРСКІЙ. Ничего серьезнаго. Заживаетъ.

ФИГНЕРЪ. Позвольте полюбопытствовать, г-нъ Петровъ, сколько вы сегодня забрали плѣнныхъ французовъ? (Петровъ смущенъ).

ДАВЫДОВЪ. Отвѣчай же капитану Фигнеру, братецъ.

ПЕТРОВЪ. Виноватъ, г-нъ полковникъ,. Я не привелъ съ собой плѣнныхъ...

ФИГНЕРЪ. Значитъ, вы изрубили всѣхъ мародеровъ?

ПЕТРОВЪ. Десятокъ пристрѣлили, остальные убѣжали, а я по правдѣ

сказать, былъ такъ обрадованъ встрѣчей съ графомъ, что думалъ только о безопасности отбитыхъ плѣнныхъ и позабылъ о преслѣдованіи.

ДАВЫДОВЪ. Это большая ошибка.

ФИГНЕРЪ. Конечно, если не назвать это преступленіемъ...

ПЕТРОВЪ. (Давыдову). Виноватъ, ваше высокоблагородіе, кругомъ виноватъ...

СѢВЕРСКІЙ. Ну на этотъ разъ ты, надѣюсь, не будешь слишкомъ строгъ, Давыдовъ? Вѣдь это я всему виной...

ДАВЫДОВЪ. Да, эта оплошность непростительная... За это подъ судъ отдаютъ.

ПЕТРОВЪ. Знаю.

СѢВЕРСКІЙ. А я скажу, что онъ совсѣмъ не такъ виноватъ. Отрядъ мародеровъ былъ довольно многочисленъ и хоть плохо, но вооруженъ. Чтобы успѣшно преслѣдовать ихъ, Петрову слѣдовало бросить насъ, отбитыхъ плѣнныхъ, на произволъ судьбы, а раздѣлить свою небольшую партію было рисковано. Сдѣлай одолженіе, Давыдовъ, не взыскивай съ него. Ради меня...

ДАВЫДОВЪ. Развѣ, что ради тебя... А ты постарайся загладить, Петровъ.

ПЕТРОВЪ. Жизнь готовъ отдать за васъ, ваше высокородіе...

ФИГНЕРЪ. Симпатичная горячность... Къ счастію подобныя обѣщанія ни къ чему не обязываютъ.

СѢВЕРСКІЙ. Спасибо тебѣ, Денисъ Васильевичъ... Однако, я отъ всей этой передряги порядкомъ усталъ. Вижу, у васъ есть пріютъ въ видѣ шалаша. Могу я воспользоваться имъ?

ДАВЫДОВЪ. Сдѣлай одолженіе... Тамъ лежатъ раненые, но мѣсто есть. Отдохни, братецъ... (Сѣверскій уходитъ, провожаемый Петровымъ).

ФИГНЕРЪ. А я желалъ бы сказать вамъ два слова, г-нъ Петровъ. (Петровъ съ удивленіемъ оглядывается).

ПЕТРОВЪ. Къ вашимъ услугамъ, капитанъ. (возвращается).

4.

ДАВЫДОВЪ (недовольнымъ тономъ). Къ чему это?

ФИГНЕРЪ. А вотъ увидишь... Дѣло въ томъ, г-нъ Петровъ, что я большой любитель стариннаго оружія и хотѣлъ бы, если позволите, осмотрѣть вашъ пистолетъ.

ПЕТРОВЪ. Извольте, капитанъ. (отдаетъ; Фигнеръ разсматриваетъ).

ФИГНЕРЪ. Прекрасная вещь... Очевидно, французской работы? Въ нашей арміи такого оружія не имѣется... Откуда оно у васъ?

ПЕТРОВЪ. Это подарокъ... пріятеля.

ФИГНЕРЪ. Пріятеля-иностранца, вѣроятно?... А позвольте посмотрѣть ваше кольцо? (Петровъ отдаетъ).

ДАВЫДОВЪ. Александръ Самойловичъ!..

ФИГНЕРЪ. Мнѣ на одну минутку... Красивая вещь... Тоже подарокъ?

ПЕТРОВЪ. Точно такъ. Отъ покойнаго графа Михаила Павловича.

ФИГНЕРЪ. Потрудитесь открыть... Я что то не умѣю.

ПЕТРОВЪ. Открыть?

ФИГНЕРЪ. Ну да, не станете же вы отрицать, что кольцо съ секре - томъ?

ПЕТРОВЪ. Я и не отрицаю.

ФИГНЕРЪ. Впрочемъ, можетъ быть, вы въ немъ храните какіе нибудь нѣжные сувениры? Въ такомъ случаѣ, мы любопытствовать не станемъ, не правда ли, Давыдовъ? Тайны любви священны.

ДАВЫДОВЪ. Да оставь ты его въ покоѣ, Александръ Самойловичъ... Онъ самъ откроетъ кольцо.

ФИГНЕРЪ. Нѣтъ, зачѣмъ же? Съ насъ довольно, если г-нъ Петровъ дастъ намъ слово, что въ немъ кромѣ женскихъ волосъ ничего не имѣется.

ДАВЫДОВЪ. Не спѣши отвѣтомъ, Петровъ, и помни, что я увѣренъ въ тебѣ.

ПЕТРОВЪ. Мнѣ не совсѣмъ понятна, г-нъ полковникъ, цѣль этого допроса, но вамъ, какъ моему начальнику, я охотно дамъ отвѣтъ. Въ моей исполненной грустными случайностями жизни, мысль о добровольномъ концѣ часто представлялась мнѣ единственнымъ средствомъ избавиться отъ позорныхъ оскорбленій. Съ этой цѣлью я всегда ношу при себѣ ядъ. Стоитъ только надавить пружинку внутри кольца, чтобы открыть его и высыпать порошокъ.

ФИГНЕРЪ. Посмотримъ... (открываетъ кольцо).

ДАВЫДОВЪ. Ну что жъ, доволенъ ты? Добился своего?

ФИГНЕРЪ. Да, я доволенъ... Можете получить обратно ваше кольцо, г-нъ Петровъ, и съ разрѣшенія полковника воспользоваться его содержимымъ, чтобы избѣжать разстрѣла.

ПЕТРОВЪ (вздрогнувъ, какъ отъ удара, Давыдову). Ваше высокородіе, за что?.. Я этого не заслужилъ...

ДАВЫДОВЪ. Капитанъ Фигнеръ обвиняетъ тебя въ сношеніяхъ съ французами, въ измѣнѣ.

ПЕТРОВЪ. Измѣнникъ... Я?.. Но вы этому не вѣрите, г-нъ полковникъ. Скажите, вы не вѣрите?

ДАВЫДОВЪ. Кромѣ того, со словъ генерала Мордвина, тебя обвиняютъ въ намѣреніи отравить меня, но этому я не вѣрю.

ПЕТРОВЪ. Конечно, вы не могли повѣрить, чтобы я, облагодѣтельствованный вами, рѣшился на такую подлость, на такое страшное преступленіе. Генералъ Мордвинъ мнѣ врагъ, капитанъ Фигнеръ видитъ меня въ первый

разъ, но вы, полковникъ, вы знаете меня...

ДАВЫДОВЪ. Ты долженъ оправдаться, Петровъ.

ПЕТРОВЪ. Скажите, какъ?

ДАВЫДОВЪ. Прежде всего, кто далъ тебѣ французскій пистолетъ?

ПЕТРОВЪ. Моя невѣста. Онъ принадлежалъ ея отцу.

ФИГНЕРЪ. Ну, это трудно провѣрить.

ПЕТРОВЪ. Будь я дворянинъ, вы повѣрили бы одному моему слову, г-нъ капитанъ.

ФИГНЕРЪ. Потому что со стороны дворянина измѣна была бы глупостью, а съ вашей...

ПЕТРОВЪ. Только подлостью, на которую вы каждаго крѣпостного считаете способнымъ, не такъ ли? Что жъ мнѣ дѣлать? Чѣмъ убѣдить васъ? Развѣ броситься подъ французскія пули?

ФИГНЕРЪ. Для васъ онѣ безопасны.

ПЕТРОВЪ. Богъ вамъ судья, г-нъ капитанъ... Каждымъ словомъ вы меня безъ ножа рѣжете. Что же дѣлать?

ФИГНЕРЪ. Умереть.

ПЕТРОВЪ. Хорошо. Позвольте мнѣ кольцо...

ДАВЫДОВЪ. Не смѣй дѣлать глупостей, Петровъ... Это темная исторія, но я тебя измѣнникомъ не считаю.

ПЕТРОВЪ. Благодарю васъ, г-нъ полковникъ... Честью могу завѣрить васъ...

ФИГНЕРЪ. Чувства чести отъ крѣпостныхъ не требуютъ...

ПЕТРОВЪ. Клянусь вамъ Богомъ, г-нъ полковникъ, я не виноватъ... Богъ то одинъ для всѣхъ, для крѣпостныхъ и для свободныхъ. Спросите обо мнѣ у графа Сѣверскаго, онъ съ дѣтства знаетъ меня, знаетъ, что подлецомъ я никогда не былъ.

ФИГНЕРЪ. Извѣстно ли ему, что вы носили ядъ въ кольцѣ?

ПЕТРОВЪ. Нѣтъ, я пріобрѣлъ его не такъ давно, но моя прошлая жизнь хорошо извѣстна графу, и вся моя жизнь чиста, какъ зеркало. Братья меня пуританиномъ звали. Я щеголялъ властью надъ собой. Зналъ, что отъ меня потребуютъ вдвое больше, чѣмъ отъ нихъ и не роптал, чувствуя себя въ силахъ поднять двойную ношу. Заставилъ уважать себя, награжденъ отличіями, облимъ довѣріемъ... И вдругъ вижу, что строилъ на пескѣ... По одному пустому заговору теряю почву подъ ногами, лечу въ бездну. Меня оскорбляютъ, кидаютъ мнѣ въ лицо позорныя, какъ пощечины, обвиненія. А почему? Потому что я крѣпостной!... Ни чести, ни любви къ родинѣ въ крѣпостномъ не признаютъ, а между тѣмъ, Богъ одинъ знаетъ, какъ охотно каждый изъ насъ умираетъ за родину... Какъ мнѣ оправдаться, когда я скованъ по по рукамъ и по ногамъ, когда каждое мое слово обращаютъ въ оружіе противъ меня, только потому, что я крѣпостной? Будь я графомъ

Сѣверскимъ, вы повѣрили бы мнѣ...

ФИГНЕРЪ. Цѣлая филиппика... Кончай же какъ нибудь, Давыдовъ, я бы на твоемъ мѣстѣ не сталъ тянуть.

ДАВЫДОВЪ. Я увѣренъ, что онъ не виноватъ.

ФИГНЕРЪ. А я убѣжденъ въ противномъ.

ДАВЫДОВЪ. Ты ему не начальникъ.

ФИГНЕРЪ. Къ счастью для него... Ну дѣлай, какъ знаешь, а я умываю руки. (уходитъ).

5.

ДАВЫДОВЪ. Пусть эта тяжелая сцена послужитъ тебѣ урокомъ, Петровъ. Не ожидалъ я отъ тебя, что ты ради дружбы къ брату пожертвуешь своимъ солдатскимъ долгомъ. Своимъ необдуманнымъ поведеніемъ ты самъ навлекъ на себя подозрѣніе въ потворствѣ врагамъ.

ПЕТРОВЪ. Пошлите меня въ огонь, полковникъ. Дайте искупить...

ДАВЫДОВЪ. За этимъ дѣло не станетъ... Ну успокойся, иди. Вижу, меня ищетъ урядникъ. (входитъ Крючковъ).

ПЕТРОВЪ. Вы такъ добры ко мнѣ... Благодарю. (уходитъ).

КРЮЧКОВЪ. Честь имѣю доложить вашему высокородію, что изъ поиска вернулись разъѣздные и привезли съ собой языка.

ФИГНЕРЪ (входитъ). Важныя извѣстія, Денисъ Васильевичъ! Въ Ляховѣ и Язвинѣ показались два сильныхъ непріятельскихъ отряда. Плѣнный французъ показалъ, что тамъ стоитъ генералъ Ожеро съ 2000 человѣкъ пѣхоты и кавалеріей. Думаешь атаковать?

ДАВЫДОВЪ. Да у насъ съ тобой не болѣе 1000 разнаго сброда конницы и всего 4 орудія.

ФИГНЕРЪ. Да, маловато пожалуй.

ДАВЫДОВЪ. Развѣ пригласить Орлова-Денисова съ его драгунами и казаками?

ФИГНЕРЪ. Помилуй, братъ... Давно ли ты всячески открещивался отъ него?

ДАВЫДОВЪ. Кто не безъ честолюбія? И я предпочитаю быть первымъ, а не вторымъ, но тутъ дѣло идетъ объ общей пользѣ.

ФИГНЕРЪ. Драться однимъ было бы веселѣй.

ДАВЫДОВЪ. Дѣло не въ дракѣ, а въ успѣхѣ. Въ согласіи Сеславина я не сомнѣваюсь и сейчасъ же пошлю курьера Орлову. Онъ можетъ быть здѣсь завтра къ вечеру, а тогда маршъ на враговъ... (вбѣгаетъ Маша въ сарафанѣ и платкѣ).

6.

МАША. Гдѣ полковникъ Давыдовъ?

ДАВЫДОВЪ. Угадай, красавица!.. (Сѣверскій и Петровъ выходятъ изъ шалаша).

МАША. Вы?.. Ради Бога помогите!.. (подходятъ офицеры).

ДАВЫДОВЪ. Въ чемъ дѣло?

МАША. Мародеры окружили нашу усадьбу. Грозятъ выломать двери, всѣхъ перерѣзать... Едва ушла... Спасите!..

ПЕТРОВЪ. Маша!..

МАША. Ты здѣсь, Сергѣй? А у насъ бѣда... Мародеры...

СѢВЕРСКІЙ. Давыдовъ, ради Бога, помоги, чѣмъ можешь... Это ужасно!.. У меня тамъ сестра, невѣста...

МАША. Графъ!.. А я и не узнала васъ... Вотъ радость!..

ДАВЫДОВЪ. Такъ это у тебя, братъ, хозяйничаютъ французы?

СѢВЕРСКІЙ. Да, да. Дай казаковъ, голубчикъ. Помоги!..

ФИГНЕРЪ. А какъ велика шайка мародеровъ?

МАША. Человѣкъ 40, 50, а можетъ и больше.

ФИГНЕРЪ. Намъ скоро предстоитъ бой. Неудобно раздѣлять свои силы.

СѢВЕРСКІЙ. Моя невѣста въ опасности. Ради всего святого, дай мнѣ хоть лошадь для меня и полсотни казаковъ, Давыдовъ...

ДАВЫДОВЪ. Когда дѣло идетъ о сердечной склонности, я всегда чувствую себя побѣжденнымъ. Готовъ дать тебѣ, Гриша, сотню казаковъ, а самъ поѣду выручать твоихъ красавицъ.

ФИГНЕРЪ. Да, это по твоей части. Ихъ тамъ цѣлый разсадникъ.

СѢВЕРСКІЙ. Спасибо тебѣ, большое спасибо... Пойду приготовлюсь. (уходитъ).

ДАВЫДОВЪ. Ахматовъ, распорядись, братецъ, на счетъ казаковъ. Макаровъ, ты позаботься о плѣнныхъ... На разсвѣтѣ двинуть весь транспортъ, а я сейчасъ пошлю къ Орлову...

ФИГНЕРЪ. Одну минутку, Денисъ Васильевичъ. Эта дѣвица не изъ простыхъ. Не та ли эта пассія Петрова, о которой ты говорилъ мнѣ?

ПЕТРОВЪ. Марія Андреевна Рябинина, моя невѣста, г-нъ полковникъ.

ДАВЫДОВЪ. Очень радъ. Молодецъ-барышня...

ФИГНЕРЪ. Позвольте мнѣ предложить вамъ нѣсколько вопросовъ, барышня.

МАША. Пожалуйста.

ФИГНЕРЪ. Не знаете ли вы, откуда у г-на Петрова это оружіе?

МАША. Я сама дала ему въ его послѣдній пріѣздъ. Это пистолетъ отца.

ФИГНЕРЪ. А развѣ у него не было своего?

МАША. Отобрали по приказанію генерала.

ДАВЫДОВЪ. Видишь? Чѣмъ же онъ виноватъ?

ФИГНЕРЪ. Еще вопросъ: не обратили ли вы вниманіе на это кольцо?

МАША. Да. (въ безпокойствѣ взглядываетъ на Петрова).

ФИГНЕРЪ. И вамъ извѣстно, что оно съ секретомъ?

МАША. Да.

ФИГНЕРЪ. Позвольте узнать, что въ немъ находится? (она молчитъ).

ПЕТРОВЪ. Отвѣчай же, Маша, не смущайся.

МАША. Въ кольцѣ-ядъ... Сергѣй хотѣлъ покончить съ собой.

ДАВЫДОВЪ. Видишь, Александръ Самойловичъ. Будь у Петрова губительныя намѣренія, онъ не сталъ бы разглашать о ядѣ. Очень радъ, братецъ, за тебя, но ты помнишь, я и раньше не сомнѣвался въ тебѣ.

ПЕТРОВЪ. Этого я никогда не забуду.

ДАВЫДОВЪ. Ведряга, поручаю тебѣ эту барышню. Прощай, Александръ Самойловичъ...

ФИГНЕРЪ. Прощай, Донъ-Кихотъ... И охота тебѣ, право, соваться самому. Если тебя пристрѣлятъ, пеняй на себя. (Давыдовъ уходитъ).

ЗАНАВѢСЪ.

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Картина 2.

Ночь. Гостиная у Сѣверскихъ. ВѢРА, КАТЯ, ДАРЬЮШКА, ГРУНЯ.

КАТЯ. Сядь ко мнѣ поближе, Вѣрочка, все не такъ страшно.

ДАРЬЯ. Успокойтесь, матушка-генеральша! Теперь ничего не слышно.

КАТЯ. Вонъ тамъ щелка въ ставнѣ. Груня-взгляни ка... (Груня глядитъ).

ГРУНЯ. Какъ будто бродитъ кто то. Вонъ одна тѣнь, другая...

КАТЯ (затыкая уши). Не говори, не говори... Господи!.. Что то будетъ?

ДАРЬЯ. Да вы не тужите, барыня. Вонъ Прошку послали, да и Марья

Андреевна взялась дать знать партизанамъ. Говорятъ, недалеко они стоятъ, всего верстъ пять. Авось подоспѣютъ... Хуже было, какъ бунтовщикъ Пугачовъ народъ мутилъ. Всѣхъ окаянный взбунтовалъ...

ГРУНЯ. Пугачовъ то онъ, сказываютъ, крестъ на груди носилъ, а французскій Аполліонъ извѣстно кто: родной братъ антихриста.

ДАРЬЯ. Ну, и нашъ то Пугачовъ не лучше былъ. И рѣзалъ то онъ и вѣшалъ, и саблей крошилъ...

КАТЯ. Да Богъ съ тобой, Дарьюшка... Нашла время страсти разсказывать.

ДАРЬЯ. Да это я, матушка-генеральша, для подбодренія...

ВѢРА. Боюсь я за Машу. Зачѣмъ ты отпустила ее, Катя?

КАТЯ. Она сама хотѣла... А жутко здѣсь... Сидимъ мы тутъ однѣ женщины... Генералъ еле ходитъ послѣ удара... Кажется, онъ идетъ сюда... (Сидоръ и Филька вводятъ генерала и усаживаютъ въ кресло).

2.

ГЕНЕРАЛЪ. Всѣ поразбѣжались... Не дозвонишься... Нечего сказать... Хороши порядки!.. А все Катя виновата... Гдѣ Петька, спрашивается? Гдѣ Иванъ, Семенъ?

КАТЯ. Сбѣжали отъ французовъ, Федоръ Никитичъ.

ГЕНЕРАЛЪ. Подъ розги ихъ... Разбойники, злодѣи!.. Зовите всѣхъ дворовыхъ... Все село зовите, чтобы видѣлъ я вокругъ себя покорныя лица.

ВѢРА. Изъ дома нельзя выйти, генералъ. Онъ окруженъ французами.

ГЕНЕРАЛЪ. Французами? Кто ихъ пустилъ? Предатели!.. Сидоръ, ты здѣсь одинъ мужчина... Гони ихъ въ шею!..

СИДОРЪ. Никакъ невозможно, ваше превосходительство.

ГЕНЕРАЛЪ. Невозможно? Для меня, генералъ-лейтенанта Мордвина? Для меня нѣтъ ничего невозможнаго. Мундиръ подать мнѣ... Саблю, пистолетъ... Я одинъ, одинъ на нихъ иду...(выпрямляется во весь ростъ и со стономъ падаетъ на кресло). Не могу...

ВѢРА. Ну, можно ли такъ волноваться, генералъ... Вы губите себя.

КАТЯ. Докторъ предписалъ вамъ спокойствіе.

ДАРЬЯ. Головку бы имъ помочить... Вотъ такъ... (мочитъ ему голову).

ГЕНЕРАЛЪ. Бабье!.. Кругомъ бабье!.. И самъ я въ бабу превратился. Не вѣрю, чтобы насъ выручили. Все у насъ вкось ползетъ... Вездѣ измѣнники...

ВѢРА. Народъ ополчился на враговъ, генералъ...

ГЕНЕРАЛЪ. Народъ!..

ВЕРА. Защитники... (стукъ въ дверь).

КАТЯ (кричитъ). Ай, ай, ай... Ломятся, опять ломятся...

ВЕРА. Тише, Катя, крикомъ не поможешь...

КАТЯ. Спасите, родненькіе!.. Федоръ Никитичъ!.. Спасите меня!..

ГЕНЕРАЛЪ. Что жъ я могу? Калѣка... (Стукъ и выстрѣлы).

КАТЯ (мечется). Спасите меня!.. Милые, золотые, спасите... Я не могу. Умру отъ страха... Не могу... (плачетъ на плечѣ у Дарьи).

ДАРЬЯ. Варынька... Милая... Болѣзная вы моя ...

ГЕНЕРАЛЪ (оглядываетъ на испуганную прислугу). Что жъ, радуйтесь, хамье!.. Бѣгите... Выдавайте насъ, французамъ...

СИДОРЪ. Грѣхъ вамъ, батюшка... Мы тоже чай, православные...

ГРУНЯ. Ужъ коли на-то пошло, я въ окно выкинусь изъ мезонина.

ВЕРА. И я не дамся имъ живая... Сидоръ, вотъ пистолетъ. Какъ только они вломятся, стрѣляй мнѣ прямо въ голову. Я тебѣ приказываю... Прошу...

СИДОРЪ. Будьте покойны, барышня.

ГЕНЕРАЛЪ. Молодецъ!.. Такъ и надо... Не давать имъ надругаться надъ нашими дворянками.. (выстрѣлы и крики).

КАТЯ. Спасите меня!.. Спасите!..

ГЕНЕРАЛЪ. Ну, ступай сюда, дурочка. Я спасу тебя... Не бойся, подойди. (она падаетъ около него на колѣни, спрятавъ голову на его плечѣ. Онъ гладитъ ее по головѣ, какъ ребенка). Слушай, дитя... Тебя ожидаютъ такіе ужасы, о которыхъ ты не имѣешь и понятія... Но я тебя спасу... (беретъ у Сидора пистолетъ). Вотъ такъ... Прижмись ко мнѣ. Никому я не отдамъ тебя... Спасу... Спасу... (Борьба и выстрѣлы. Катя лишается чувствъ). Что, пора? (поднимаетъ пистолетъ).

ВЕРА. Еще не время... (За дверью голоса: "Откройте... Свои... Свои..."). Мнѣ слышится Гришинъ голосъ... Или я схожу съ ума.?

ГРУНЯ. Барышня... Да это наши!.. (бѣжитъ къ двери).

ДАРЬЯ. Наши, наши... Очнитесь, матушка - барыня!.. (Сидоръ открываетъ дверь. Вбѣгаетъ Сѣверскій и казаки).

3.

ВЕРА. Гриша... (бросается къ нему. Онъ обнимаетъ ее).

ЖЕНЩИНЫ. Графъ... Ваше сіятельство... Откуда?

ДАРЬЯ. Слава Тебѣ, Царица небесная!..

СѢВЕРСКІЙ. Что съ Катей? Ранена?

ГРУНЯ. Нѣтъ-съ, это онѣ съ перепугу. (Катя приходитъ въ себя).

КАТЯ. Они ушли?... Господи... Гриша... (цѣлуетъ его).

СѢВЕРСКІЙ. Здравствуйте, генералъ...

ГЕНЕРАЛЪ. Здравствуйте, братъ!.. Выручилъ... Мнѣ все равно помирать... Но за нее спасибо.

СѢВЕРСКІЙ (глядя на оружіе), А мы, кажется, во время...

ВѢРА. Откуда вы? Какъ узнали?

СѢВЕРСКІЙ. Меня выручилъ Петровъ изъ французскаго плѣна... А вотъ и онъ съ полковникомъ Давыдовымъ. (Входятъ Давыдовъ и Петровъ, который поклонившись, стоитъ въ сторонѣ).

4.

КАТЯ. Какъ!.. Знаменитый Давыдовъ?

ДАВЫДОВЪ. Къ вашимъ услугамъ, барышня. Я не мѣшак?

СѢВЕРСКІЙ. Вотъ кого надо благодарить, Вѣрочка, полковника Давыдова. (Она подаетъ руку Петрову и Давыдову. Давыдовъ цѣлуетъ ей руку). Генералъ, нашъ славный партизанъ Давыдовъ... Генералъ Мордвинъ... Моя сестра... (Давыдовъ и Катѣ цѣлуетъ руку).

ГЕНЕРАЛЪ. Радъ...Хотя я партизановъ вообще не признаю... Но я радъ.

КАТЯ. Мы такъ благодарны вамъ, полковникъ...

ДАВЫДОВЪ. А я благодаренъ случаю, доставившему мнѣ возможность такого пріятнаго знакомства. Но вамъ надо спѣшить, графъ. Я думаю, ты не рѣшишься оставить здѣсь твою семью?

СѢВЕРСКІЙ. Конечно, нѣтъ. Французы могутъ опять нагрянуть. Но я боюсь, дамы задержатъ насъ?

ВѢРА. Ничуть. У насъ все было уже приготовлено на случай бѣгства.

КАТЯ. Да, да, мы не задержимъ, а здѣсь я умерла бы отъ страху. Пойдемъ, Груня... Всѣ мои платья уложены, я живо... Вотъ только не знаю, какъ генералъ?...

ГЕНЕРАЛЪ. На что я тебѣ? Тряпки сперва собрала, а потомъ ужъ о мужѣ вспомнила. Что я? Тоже тряпка негодная, обуза.

КАТЯ. Нѣтъ, вы хотѣли спасти меня... Вы милый... (уходитъ съ Груней и Дарьей).

5.

СѢВЕРСКІЙ. Мы васъ отлично въ каретѣ устроимъ, генералъ.

ВѢРА. Сергѣй, что Маша?

ПЕТРОВЪ. Благодарю. Она въ безопасности.

ГЕНЕРАЛЪ. Кого я вижу? Бѣглый... Бунтовщикъ... Связать его...

ДАВЫДОВЪ. Помилуйте, ваше превосходительство, онъ спасъ вамъ жизнь..

СѢВЕРСКІЙ. И я отпускаю его на волю.

ГЕНЕРАЛЪ. Ну что жъ, я ничего... я... Сергѣй!.. (Петровъ подходитъ). Такъ и быть... (махнувъ рукой). Я прощаю тебя... (Петровъ, сдерживая улыбку, молча кланяется. Входятъ Катя и женщины).

СѢВЕРСКІЙ. А вотъ и Катя! Сидоръ, веди генерала.

ГЕНЕРАЛЪ. Шкатулку взяли? Тамъ деньги, бумаги...

ДАРЬЯ. Все взяли, ваше превосходительство. (На генерала набрасываютъ шинель и уводятъ. Катя идетъ за нимъ).

6.

СѢВЕРСКІЙ (женщинамъ и собравшимся у дверей крестьянамъ). Братцы, враги близко, завтра могутъ опять быть здѣсь. Забирайте моихъ лошадей, выводите скотъ и уходите въ лѣсъ, а отъ этого дома камня на камнѣ не останется. (Женщины и крестьяне уходятъ).

ВѢРА. Что вы задумали?

СѢВЕРСКІЙ. Уничтожу все.

ВѢРА. Сожжете?

СѢВЕРСКІЙ. Да. (идетъ въ сосѣднюю комнату и возвращается

взволнованный).

ДАВЫДОВЪ. Это я понимаю, хотя нельзя не пожалѣть... Ты проводить дамъ до главной квартиры, графъ. Я думаю завтра сцѣпиться съ генераломъ Ожеро, но во всякомъ случаѣ дамъ коней.

СЕВЕРСКІЙ. Спасибо тебѣ. (Давыдовъ уходитъ. Вѣра и Сѣверскій останавливаются на террасѣ. Изъ сосѣдней съ гостиной комнаты вырываются клубы дыма). Все кончено!.. Загорѣлось... Пропадай все. лишь бы не досталось врагамъ!.. (уходитъ съ Вѣрой. Пожаръ разгорается).

З А Н А В Ѣ С Ъ.

Картина I.

Изба. Главная квартира арміи. Полковникъ Грушевскій, князь и баронъ (адъютанты), потомъ Давыдовъ.

1.

БАРОНЪ. А я полагаю, что корпусъ Ожеро сдался Орлову-Денисову. а Фигнеръ и Давыдовъ тутъ не причемъ.

КНЯЗЬ. Они сами прокричали о себѣ.

БАРОНЪ. А свѣтлѣйшій по добротѣ своей повѣрилъ имъ.

ПОЛКОВНИКЪ. Можно врать, но надо же знать мѣру. Правда, что для устрашенія непріятеля Давыдовъ отпустилъ бороду...

КНЯЗЬ. До Платова и Дорохова ему далеко...

ПОЛКОВНИКЪ. Еще бы... Платовъ донской атаманъ, а этотъ просто атаманъ разбойниковъ... (Входитъ Давыдовъ). А это ты, герой лѣсовъ и овраговъ? Ну, поздравляю, поздравляю!..

БАРОНЪ. Мы только что говорили о васъ, полковникъ.

КНЯЗЬ. Привѣтъ знаменитому партизану, побѣдителю Ожеро!..

ДАВЫДОВЪ. Здравствуйте, господа!.. Давно мы не видались!..

КНЯЗЬ. Да, два мѣсяца... А тебѣ идетъ борода, Денисъ Васильевичъ.

БАРОНЪ. Полагаю, вы отпустили ее ради эфекта.

ДАВЫДОВЪ. Не до бритья горла мнѣ было, господа, когда непріятельская сабля такъ близко ходила возлѣ за бритвой.

ПОЛКОВНИКЪ. Ужъ будто дѣйствовать въ тылу арміи такъ опасно?

ДАВЫДОВЪ. Совѣтую попробовать.

КНЯЗЬ. Свѣтлѣйшій просто бредитъ тобой, Давыдовъ. Давалъ мѣсто въ реляціяхъ самымъ настоящимъ дѣламъ.

ДАВЫДОВЪ. Я вполнѣ увѣренъ, господа, что и ваши имена встрѣчаются въ реляціяхъ не рѣже моего.

ПОЛКОВНИКЪ. Мы не поэты, батенька. Украшать дѣйствительность цвѣтами фантазіи-не наше дѣло.

ДАВЫДОВЪ. Было бы что украшать... Ну, а у васъ въ штабѣ, что дѣлается? Попрежнему подкопы, мины и контръ-мины?

ПОЛКОВНИКЪ. Да, графъ Бенигсенъ выступилъ было противъ свѣтлѣйшаго съ доносомъ, да остался съ носомъ. Барклай почелъ себя обиженнымъ и уѣхалъ.

КНЯЗЬ. Въ большомъ фаворѣ князь Кудашевъ, твой братъ партизанъ.

ДАВЫДОВЪ. Знаю, онъ молодецъ... А вотъ и наши. (Входятъ Петровъ, Сѣверскій, выбритый и щегольски одѣтый, затѣмъ Фигнеръ).

2.

БАРОНЪ. А, графъ, мое почтеніе...

КНЯЗЬ. Какъ поживаешь, братъ, послѣ плѣна?

СѢВЕРСКІЙ. Да вотъ какъ видите, господа.

ПОЛКОВНИКЪ. А мы безъ васъ Мюрата при Тарутинѣ поколотили.

БАРОНЪ. Сколько было наградъ за Тарутинскій бой!..

ДАВЫДОВЪ. На два слова, Петровъ. (отводитъ его въ сторону).

БАРОНЪ. Петровъ... Что такое Петровъ? Коротко, но не ясно.

КНЯЗЬ (вполголоса). Незаконный сынъ старика Сѣверскаго.

БАРОНЪ. А, знаю, знаю. Еще графъ его свѣтлѣйшему представлялъ... А у него наружность симпатичная... Слушайте, графъ, представьте мнѣ своего пріятеля Петрова.

СѢВЕРСКІЙ. Извольте. (входитъ Фигнеръ и подходитъ къ Давыдову). Сережа, вотъ баронъ Гутендорфъ желаетъ познакомиться съ тобой. (Князь тоже подходитъ). Сергѣй Петровичъ Петровъ, князь Власовскій.

БАРОНЪ. Ну, какъ вамъ живется въ вашихъ лѣсахъ, г-нъ Петровъ? Служить подъ начальствомъ Давыдова, я полагаю, трудненько?

ПЕТРОВЪ. Вамъ съ непривычки было бы трудно, г-нъ баронъ.

БАРОНЪ. Да я и не собираюсь партизанить... А скучно въ глуши, я думаю?

ПЕТРОВЪ. Не скажу. Намъ некогда скучать.

КНЯЗЬ. Ужъ будто вы постоянно наѣздничаете?

ПЕТРОВЪ. Нѣтъ, не могу сказать. Днемъ мы большей частью спимъ, встаемъ послѣ полуночи, часа въ два обѣдаемъ, если есть чѣмъ, также плотно, какъ горожане въ два часа дня, а послѣ трехъ въ походъ.

БАРОНЪ. Оригинально, очень оригинально.

ДАВЫДОВЪ. Сергѣй Петровичъ!.. (Петровъ подходитъ къ нему).

БАРОНЪ. Какой апломбъ!.. Ни разу васъ сіятельствомъ не назвалъ!.. О, этотъ человѣкъ далеко пойдетъ!.. Помяните мое слово, князь.

ФИГНЕРЪ (Сѣверскому). А я, графъ, хочу предложить вамъ завтра маленькую увеселительную прогулку во французскій лагерь. Пора сдѣлать ревизію, чтобъ не дремали!.. Что жъ, идетъ?

СѢВЕРСКІЙ. Конечно. Надо только отпроситься у свѣтлѣйшаго.

ФИГНЕРЪ. Ѣдемъ съ утра. Въ уланскихъ мундирахъ васъ примутъ за поляковъ.

ПЕТРОВЪ. Ваше высокоблагородіе!.. Разрѣшите и мнѣ сопровождать васъ.

ФИГНЕРЪ. Двухъ мнѣ не надо. Много чести для французовъ. Зазнаются.

ПЕТРОВЪ. Я объ этомъ прошу, какъ о громадномъ одолженіи.

ФИГНЕРЪ. Такъ ужъ вы уступите ему, графъ. Знаю, онъ умѣетъ владѣть собой.

СѢВЕРСКІЙ. А я развѣ не умѣю? Могу считать себя обиженнымъ, капитанъ.

ФИГНЕРЪ. Напрасно!.. Дайте же молодому человѣку случай отличиться. Онъ честолюбивъ, и пока не остылъ его пылъ, надо использовать его. Пускай полетитъ за орденами, къ вамъ, батенька, они и сами прилетятъ.

СѢВЕРСКІЙ. Хорошаго же вы мнѣнія, сударь, обо мнѣ!.. Считать меня способнымъ вымаливать себѣ отличія, пользуясь протекціей князя Кутузова... Это вамъ даромъ не пройдетъ!.. Сумѣю заставить васъ перемѣнить ваше мнѣніе...

ФИГНЕРЪ. Попробуйте, ваше сіятельство, но хотя вы мнѣ блестящимъ образомъ доказали, что умѣете владѣть собой, я все таки съ вашего разрѣшенія обойдусь безъ вашего содѣйствія... До завтра, Петровъ!.. (уходитъ).

3.

СѢВЕРСКІЙ. Терпѣть не могу этого нахала!..

КНЯЗЬ. А что, Давыдовъ, не приходилось тебѣ въ твоихъ набѣгахъ наталкиваться на самаго Наполеона?

ДАВЫДОВЪ. Случалось?

ПОЛКОВНИКЪ. x) Ахъ, разскажи, пожалуйста, это очень интересно...

ДАВЫДОВЪ. Въ то время я находился подъ начальствомъ Орлова-Денисова. Столкнулись мы съ непріятелемъ, взяли въ плѣнъ до 200 человѣкъ

БАРОНЪ. Ну да, разумѣется, безъ этого ни одного военнаго разсказ не обходится.

ДАВЫДОВЪ. Не считая двухъ генераловъ-можете справиться въ реляціяхъ, баронъ... Но тутъ подошла старая гвардія, а посреди самъ Наполеонъ.

БАРОНЪ. И вы, я полагаю, снова столкнулись, разбили, и взяли въ плѣнъ?

ДАВЫДОВЪ. Нѣтъ, намъ васъ недоставало... Признаюсь, на наши шумныя толпы непріятель мало обращалъ вниманія. Сомкнутыя колонны, какъ гранитныя, оставались невредимы и гордо, не прибавляя шагу, продолжали путь. Мы жужжали кругомъ, какъ рой шмелей, но отгоняя насъ ружейными выстрѣлами, колонны стройно двигались одна за другой. Пренебрегая нашимъ безполезнымъ наѣздничествомъ, вся старая гвардія съ Наполеономъ прошла среди насъ, какъ стопушечный корабль между рыбачьими лодками, и все, что мы могли сдѣлать, это съ должнымъ почетомъ проводить непріятеля./

КНЯЗЬ. Очень любопытно...

ПОЛКОВНИКЪ. Однако, намъ пора идти, баронъ... Вечеромъ увидимся.

СЕВЕРСКІЙ. И я съ вами. (уходитъ съ барономъ и полковникомъ).

4.

ДАВЫДОВЪ. Не откажи, князь, доложить обо мнѣ его свѣтлости.

КНЯЗЬ. Какъ, развѣ свѣтлѣйшій ожидаетъ тебя? Я сейчасъ. (уходитъ)

5.

БАРОНЪ. Очень радъ, что избавился отъ этихъ франтовъ. Сколько зависти, ироніи, недовѣрія... Ну да Богъ съ ними... Я еще не успѣлъ поздравить тебя съ вольной, Сергѣй Петровичъ. Очень, очень радъ...

ПЕТРОВЪ. Этимъ я главнымъ образомъ вамъ обязанъ, полковникъ.

ДАВЫДОВЪ. Что жъ ты думаешь съ собой дѣлать? Служить, конечно.

ПЕТРОВЪ. Да, съ вами, если позволите, пока не скончится война.

ДАВЫДОВЪ. А потомъ?

ПЕТРОВЪ. Вы будете смѣяться надо мной, полковникъ, но у меня болѣе широкіе планы.

ДАВЫДОВЪ. А именно?

ПЕТРОВЪ. Среди партизановъ мнѣ удалось познакомиться съ людьми,

- - - - - - - - - - - - - - - -

x) Можно пропустить на представленіи.

мечтающими распространить на весь нашъ многострадальный народъ полученное мною неоцѣнимое благо свободы. Время удобное, и я рѣшилъ идти съ ними заодно. Благодаря вторженію непріятеля многія преграды между сословіями ослабѣли и готовы рушиться. Русскій народъ впервые познавъ свою силу, во всѣхъ сердцахъ пробудились заглохшія чувства братства, независимости и свободы.

ДАВЫДОВЪ. Да, нужны были военные громы, чтобы пробудить въ насъ эти мирно дремавшія чувства. Знаю, самъ государь думаетъ объ освобожденіи своихъ угнетенныхъ подданныхъ, но съ другой стороны борьба съ сыномъ революціи Наполеономъ пожалуй, затормозитъ все дѣло.

ПЕТРОВЪ. Намъ терпѣнія не занимать. Будемъ ждать, прилагая каждый день хоть по камню къ величественному зданію свободы.

ДАВЫДОВЪ. По моему только самоотверженная любовь къ родинѣ можетъ служить основаніемъ къ этому прекрасному зданію, но мы заражены космополитизмомъ, иначе говоря, всеобщимъ равнодушіемъ, дѣлаемъ изъ своего "я" какого то кумира, а при такихъ условіяхъ стремленіе къ свободѣ приводитъ однихъ къ рабству, другихъ къ анархіи. Такъ было съ греками и римлянами послѣ ихъ паденія съ высоты нравственности и любви къ родинѣ, а до древне-римской добродѣтели намъ далеко.

ПЕТРОВЪ. Общая опасность сблизила и закалила насъ. Россія молода, можетъ быть и въ ней возродится древне-римская доблесть. Мы уже видимъ ее въ героизмѣ войскъ, въ самоотверженіи народа...

ДАВЫДОВЪ. Да, но до нашихъ штабовъ она не скоро дойдетъ, а мой совѣтъ тебѣ, любезный другъ, остерегаться консервативнаго воздуха главной квартиры и не слишкомъ увлекаться своими смѣлыми мечтами. Здѣшніе франты легко могутъ тебя подвести.

КНЯЗЬ (входитъ). Его свѣтлость сейчасъ пожалуетъ сюда, полковникъ.

ПЕТРОВЪ. Я подожду васъ на крыльцѣ. (Уходитъ. Входятъ Кутузовъ и Храповицкій).

6.

ХРАПОВ. Вотъ и нашъ партизанъ, ваша свѣтлость. (Уходитъ съ княземъ).

КУТУЗОВЪ. Я еще лично не знакомъ съ тобой, Давыдовъ, но прежде знакомства хочу поблагодарить тебя за твою службу. (обнимаетъ его). Удачные опыты твои доказали мнѣ пользу партизанской войны. Она уже нанесла и еще нанесетъ непріятелю много вреда.

ДАВЫДОВЪ. Прошу извинить, что осмѣлился предстать предъ вашей

свѣтлостью въ моей мужицкой одеждѣ.

КУТУЗОВЪ. Въ народной войнѣ, голубчикъ, это необходимо. Дѣйствуй, какъ ты дѣйствовалъ, головою и сердцемъ, а мнѣ нужды нѣтъ, что однапокрыта шапкой, а не киверомъ, а другое бьется подъ армякомъ, а не подъ мундиромъ. Всему есть время. И ты будешь еще танцовать въ башмакахъ на придворныхъ балахъ... Ну разскажи же, разскажи про себя... Твое дѣло живое, не канцелярское, а я это люблю. Канцелярщиной у насъ всякое дѣло губятъ... Разскажи мнѣ про свои опасные труды, разскажи про сельское ополченіе... Какіе способы приходится вамъ употреблять для его образованія?

ДАВЫДОВЪ. Самые несложные, ваша свѣтлость. Крестьяне такъ охотно идутъ въ ополченіе, что подгонять никого не приходилось. У многихъ смоленскихъ помѣщиковъ свои боевыя дружины, какъ наприм. у маіора Емельянова.

КУТУЗОВЪ. Знаю, знаю, суворовецъ, старый вояка. А изъ простыхъ, кто у насъ партизанитъ?

ДАВЫДОВЪ. Гусаръ Самусь, отважный Куринъ, многія женщины, напримѣръ, старостиха Василиса съ своими односельчанами. Бурмистръ сельца Левшина, смертельно раненый французами, просилъ крестьянъ, взявшихъ въ плѣнъ убійцъ, не мститъ имъ за его смерть.

КУТУЗОВЪ. Вотъ она, истинно русская доблесть.

ДАВЫДОВЪ. Позвольте, ваша свѣтлость, обратить ваше благосклонное вниманіе на моихъ товарищей и сослуживцевъ.

КУТУЗОВЪ. Всѣ будутъ по заслугамъ награждены, будь спокоенъ, голубчикъ. Богъ меня забудетъ, если я васъ забуду. Твоя побѣда при Ляховѣ надъ Ожеро тѣмъ болѣе знаменательна, что въ нынѣшней кампаніи впервые непріятельскій корпусъ положилъ предъ нами оружіе. Да, партизанство-великое дѣло. Подъ Малоярославцемъ твой товарищъ Сеславинъ оказалъ намъ предъ боемъ большую услугу. Выхвативъ изъ гвардіи солдата, онъ перекинулъ его черезъ сѣдло и домчалъ къ намъ среди града пуль, а мы благодаря этому, своевременно узнали о направленіи войскъ Наполеона. Заслоненіемъ Калужской дороги, намъ удалось отстранить непріятеля отъ нашихъ хлѣбныхъ губерній. Великая армія голодаетъ, слабѣетъ, распадается, а вамъ принадлежитъ честь ускорить ея гибель... x)/Ну, а какъ ты, братецъ, разумѣешь партизанство?

ДАВЫДОВЪ. По-моему, ваша свѣтлость, оно при нашествіи враговъ имѣетъ большое значеніе при участіи народа. Лишая непріятельскую армію отдыха и пропитанія, партизанство до основанія подрываетъ въ ней порядокъ, дисциплину и всѣ жизненныя силы.

КУТУЗОВЪ. Вамъ особенно помогли казаки, не такъ ли?

ДАВЫДОВЪ. Дѣйствительно, ваша свѣтлость, они для нашего дѣла неоцѣнимы. Легкая европейская конница не способна на отдѣльныя дѣйствія. Только наша состоитъ изъ цѣлыхъ племенъ воинственныхъ всадниковъ, которые сами содержатъ себя, не обременяя собой армію. Они-гроза нашихъ враговъ и твердая опора всей громоздкой силы нашего войска... Но я кажется, злоупотребляю благосклоннымъ вниманіемъ вашей свѣтлости... /

КУТУЗОВЪ. Прощай, голубчикъ, спасибо тебѣ, спасибо... Представь мнѣ послѣ обѣда записку съ именами твоихъ сослуживцевъ. Обѣими руками подпишу. А теперь прощай... (уходитъ къ себѣ. Давыдовъ идетъ къ двери и зоветъ Петрова. Петровъ входитъ).

7.

ДАВЫДОВЪ. И такъ ты ѣдешь на разсвѣтѣ, Петровъ. Поздравляю съ почетнымъ порученіемъ. Заслужить довѣріе Фигнера тебѣ было не легко... А признайся-ка, ты вызвался на опасность, чтобъ избавить отъ нея Сѣверскаго, такъ?

ПЕТРОВЪ. Мнѣ такъ хотѣлось хоть отчасти заплатить ему за все, что онъ сдѣлалъ для меня.

ДАВЫДОВЪ. Ты спасъ ему жизнь. Онъ не могъ сдѣлать меньше.

ПЕТРОВЪ. Но онъ далъ мнѣ больше жизни, полковникъ. Далъ мнѣ душевное спокойствіе, съ дѣтства неиспытанное мною, далъ возможность открыто глядѣть въ глаза людямъ, открыто признать любимую дѣвушку своею. Осчастливилъ свѣтлымъ даромъ свободы, за которую я съ радостью готовъ отдать жизнь.

ДАВЫДОВЪ. Береги ее для своей невѣсты. Кстати, что твои дамы? Отдохнули?

ПЕТРОВЪ. Завтра онѣ уже собираются въ путь, а я буду спокойнѣе, когда онѣ будутъ въ безопасности.

ДАВЫДОВЪ. Ну, въ добрый часъ... А умный человѣкъ нашъ главнокомандующій. Двѣ пули въ разное время прошли черезъ его могучую голову, ни мало не повредивъ его способностей. Собесѣдникъ блестящихъ европейскихъ дворовъ, онъ и простыми воинами не пренебрегаетъ, цѣнитъ, понимаетъ насъ и въ высшей степени владѣетъ даромъ очарованія. (уходятъ).

х) Можно пропустить при представленіи.

КАРТИНА 2.

Полуразрушенная усадьба. Туманное утро. Деревья опушены инеемъ, перепадаетъ снѣгъ. На ступеняхъ террасы и у костровъ въ саду сидятъ французы, кутаясь въ армяки и рваные плащи. У калитки сада часовой. Къ калиткѣ подходятъ переодѣтые уланами и въ плащахъ Фигнеръ и Петровъ.

ЧАСОВОЙ. Кто идетъ? Пароль...

ФИГНЕРЪ. (спокойно). Дорогу!..

ЧАСОВОЙ. Пароль...

ФИГНЕРЪ. Какой вамъ, чортъ возьми, пароль отъ офицера, повѣряющаго часовыхъ?

ЧАСОВОЙ. Извините, г-нъ офицеръ, но мои инструкціи...

ФИГНЕРЪ. (намѣренно горячась). Къ чорту инструкціи... Не видите развѣ кто передъ вами? Протрите глаза. Гдѣ генералъ Домбровскій?

ЧАСОВОЙ. Не могу знать.

ФИГНЕРЪ. А не знаете, такъ нечего мнѣ съ вами и время терять... Дорогу! (входитъ въ садъ и подходитъ съ Петровымъ къ кострамъ). Добраго утра, господа!.. (раскланивается съ офицерами).

КАПИТАНЪ. Что у васъ тамъ вышло съ часовымъ, г-нъ полякъ?

ФИГНЕРЪ. Дуракъ вашъ часовой. Дѣла своего не знаетъ. Ну да я вразумилъ его. Я посланъ, господа, къ генералу Домбровскому.

КАПИТАНЪ. Такъ не туда попали, г-нъ...

ФИГНЕРЪ. Смѣльчаковскій, г-нъ капитанъ. Мой товарищъ, лейтенантъ Петровскій.

КАПИТАНЪ. Ну, а я капитанъ Кообо кирасирскаго полка, а это мой товарищъ летейнантъ Морель... Ну и погода же, я вамъ скажу... Третій день идетъ снѣгъ... (Морель мѣшаетъ въ котлѣ).

ФИГН. Я думаю, командиры недолго продержатъ насъ здѣсь.

МОРЕЛЬ. А кто ихъ знаетъ. Мы должны двинуться на встрѣчу генералу Бараге Дильэ, но приказа еще не было... Лейтенантъ, что жъ вы не присядете къ огню? (Петровъ подходитъ къ огню).

ПЕТРОВЪ. Да, погрѣться пріятно...

МОРЕЛЬ. Хотите? Супъ изъ конины... Ѣсть можно.

ПЕТРОВЪ. Благодарю. Мы уже ѣли.

КАПИТАНЪ. Значитъ, вы счастливѣе насъ, господа. Мы больше воздухомъ питаемся.

МОРЕЛЬ. Цѣлый обозъ сухарей отбили проклятые казаки. Гвардія то меньше голодаетъ, а намъ съ каждымъ днемъ уменьшаютъ порціи.

ФИГНЕРЪ. Ну и у васъ не роскошно... Собачiй край и собачiй холодъ...

КАПИТАНЪ. Да, въ Москвѣ было теплѣй.

МОРЕЛЬ. Еще бы, когда насъ тамъ поджаривали... Къ чорту Москву!

КАПИТАНЪ. А Москвитки, знаете, отъ насъ попрятались. И бѣдовыя же. Я было погнался за одной, такъ она подхватила сестренку дѣвочку, да какъ бросится съ обрыва въ рѣку. Такъ обѣ и потонули.

ФИГНЕРЪ. (смѣется злымъ смѣхомъ). Чего же вы хотите, господа? Дикiй народъ... ласки не понимаетъ... А много у васъ плѣнныхъ?

КАПИТАНЪ. Нѣтъ, мы беремъ какъ можно меньше.

ФИГНЕРЪ. Самая лучшая система. Я вижу, ваши кирасиры не слишкомъ пострадали отъ похода?

МОРЕЛЬ. Есть таки. Обувь плоха, плащи порвались... Я вотъ кашлять сталъ, кровью харкаю... Придется ли еще увидѣть нашу прекрасную Францiю?

КАПИТАНЪ. Подбодритесь, лейтенантъ! Солдату стыдно хандрить.

ФИГНЕРЪ. А какъ у васъ съ лошадьми?

МОРЕЛЬ. Соломой кормимъ, да и той не хватаетъ.

КАПИТАНЪ. Весь фуражъ забрали казаки, чтобъ ихъ чортъ побралъ.

ФИГНЕРЪ. И не говорите, такая зараза!..

МОРЕЛЬ. А партизаны тоже травятъ насъ, вздохнуть не даютъ.

КАПИТАНЪ. Ну, послѣ казни Энгельгардта они стали осторожнѣе.

ФИГНЕРЪ. Вы думаете?

КАПИТАНЪ. Увѣренъ.

МОРЕЛЬ. А представьте, господа, какой здѣсь негодный народъ. Мы было думали обогрѣться въ этомъ замкѣ, а они взяли, да все пожгли. И вездѣ такъ.

2.

ЖАКЪ (входитъ, толкая передъ собой двухъ связанныхъ крестьянъ: сѣдобородаго старика и мальчика лѣтъ 16-ти съ обвязанной головой). Наши кирасиры, г-нъ капитанъ, поймали въ лѣсу вотъ этихъ вооруженныхъ крестьянъ. У старика отобрали ружье, а у мальчика какой то самодѣльный штыкъ, которымъ онъ пытался обороняться... Прикажете разстрѣлять?

КАПИТАНЪ. Повѣсить, повѣсить, чортъ возьми!.. Чего даромъ порохъ тратить? Все равно отъ нихъ толку не добьешься.

ЖАКЪ. Да мы пробовали ихъ допрашивать, г-нъ капитанъ. Вѣдь сержантъ у насъ говоритъ по русски.

КАПИТАНЪ. Ну?

ЖАКЪ. Молчатъ, какъ рыбы. Мы имъ и жизнь предлагали и награды... Отъ вашего имени, конечно...

КАПИТАНЪ. Ну?

ЖАКЪ. Молчатъ...

КАПИТАНЪ. Такъ убрать обоихъ... Повѣсить... Безчувственные... (обоихъ крестьянъ уводятъ).

3.

ФИГНЕРЪ. Преупрямый народъ.

КАПИТАНЪ. Народъ сбиваютъ партизаны. Вотъ если бы ихъ главаря Давида поймать.

ФИГНЕРЪ. И разстрѣлять?

КАПИТАНЪ. Нѣтъ, можно и повѣсить... Не онъ одинъ. Есть еще Фигнеръ.

ФИГНЕРЪ. Между нами сказать, Фигнеръ то еще хуже Давида. (встаетъ). Желаю вамъ поймать обоихъ, господа. Ѣдемъ, Петровскій. Пора.

МОРЕЛЬ. А одинъ изъ нашихъ знаетъ его. Жакъ, разскажи ка намъ про Фигнера.

ФИГНЕРЪ (останавливаясь). Очень любопытно. (Подходитъ Жакъ, солдатъ).

ЖАКЪ. Да онъ, г-нъ лейтенантъ, не такъ страшенъ изъ себя, какъ разсказываютъ совсѣмъ еще молодой. Бѣлокурый, бритый; одѣтъ какъ всѣ. Взглядъ только тяжелъ. Какъ взглянетъ, точно штыкомъ кольнетъ..

ФИГНЕРЪ. Да, непріятный господинъ. Не желалъ бы встрѣтиться съ нимъ. До свиданья, господа.

КАПИТАНЪ. Будьте осторожны. Въ лѣсу опасно.

ФИГНЕРЪ. Не бѣда. Фортуна улыбается смѣльчакамъ... (уходя, Петрову). Я доволенъ вами. Не подвели... (оба уходятъ).

4.

КАПИТАНЪ (часовому). А что, Бэрнаръ, поляки правильно сказали пароль?

ЧАСОВОЙ. Извините, г-нъ капитанъ, они его совсѣмъ не сказали подъ предлогомъ...

КАПИТАНЪ. Такъ какъ же вы смѣли пропустить? Оселъ... Въ погоню... Стрѣлять имъ вслѣдъ... (стрѣляютъ).

МОРЕЛЬ. Съ нашими лошадьми погоня безполезна.

КАПИТАНЪ. Попало. Одинъ падаетъ. За нимъ.

МОРЕЛЬ. Другой поддержалъ его... Не догнать.

КАПИТАНЪ. И какъ это я далъ провести себя, какъ мальчишка!

ЗАНАВѢСЪ.

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

Изба. По стѣнамъ лавки и походная кровать. На столѣ горятъ свѣчи. У стола Вѣра за работой. Маша глядитъ въ окно. Катя.

1.

ВѢРА. Полковникъ Давыдовъ обѣщалъ заглянуть къ намъ передъ отъѣздомъ.

КАТЯ. Жаль, что онъ не ѣдетъ съ нами. Вотъ было бы весело! Такой душка!.. Представь, Вѣра, стихи мнѣ написалъ въ альбомъ. А руки у него красивыя...

ВѢРА. Что жъ онъ написалъ тебѣ?

КАТЯ. Прелестно: "Не вспоминай, не забывай, не привлекай"... Нѣтъ, это что то не такъ, но очень трогательно.

ВѢРА. А генералъ не ревнуетъ?

КАТЯ. Гдѣ ему! Прошло то время, когда я, какъ осиновый листъ, дрожала предъ нимъ. Спасибо полковому доктору: увѣрилъ его, что ему вредны волненія, и что сильноераздраженіе можетъ вызвать ударъ. Теперь онъ у меня сталъ шелковый, смирился...

ГЕНЕРАЛЪ. Катя! Катька! (Она вскакиваетъ, но спохватившись, медленно идетъ къ двери).

ВѢРА. Ну, не замѣтно, чтобъ онъ у тебя смирился.

КАТЯ. Но ты видишь, я не бѣгу, какъ прежде, выдерживаю характеръ... (съ достоинствомъ уходитъ).

2.

ВѢРА. Рано ты начала ждать, Маша.

МАША. Измучилась я, мѣста себѣ не нахожу... (ходитъ по комнатѣ).

ВѢРА. Ему не въ первый разъ.

МАША. Да, но онъ поѣхалъ вдвоемъ съ этимъ опаснымъ человѣкомъ.

ВѢРА. Значитъ, ты не французовъ опасаешься, а Фигнера? Полно, Маша...

МАША. Капитанъ Фигнеръ способенъ по самому пустому подозрѣнію всадить ему пулю въ голову... При томъ же эти поѣздки-безумie... Вдвоемъ полетѣть въ непрiятельскiй лагерь-вѣдь это все равно, что броситься въ огонь. (прислушивается). Постой... Кто то идетъ... Нѣтъ, это только Давыдовъ... (входитъ Давыдовъ).

3.

ДАВЫДОВЪ. Мое почтенiе, прелестныя богини... (цѣлуетъ обѣимъ руки). Пришелъ проститься съ вами. Сегодня конецъ моему бездѣльничанью. По мнѣ скучаетъ лѣсъ... (входитъ Катя).

КАТЯ. А, полковникъ. Вотъ мило! Мы съ кузиной рѣшили...

ВѢРА. Меня прошу оставить въ сторонѣ.

КАТЯ. Мы рѣшили прикомандировать васъ къ себѣ во время вашего бѣгства въ болѣе мирные края. Хоть денекъ поконвоируйте насъ, а тамъ мы, такъ и быть, вернемъ вамъ свободу.

ДАВЫДОВЪ. Былъ бы безконечно счастливъ...

КАТЯ. Такъ зачѣмъ же дѣло стало? Будьте счастливы. Вѣдь вы ни отъ кого не зависите.

ДАВЫДОВЪ. Какъ ни отъ кого? Отъ службы, отъ товарищей... "Я рожденъ для службы царской"...

КАТЯ. А должно быть, весело партизанить...

ДАВЫДОВЪ. Желаете попробовать?

КАТЯ. Если вы возьметесь быть моимъ кавалеромъ...

ДАВЫДОВЪ. Съ восторгомъ. Не я буду прикомандированъ къ вамъ, а вы ко мнѣ. Возьму васъ въ ординарцы и при одномъ вашемъ появленiи французы побросаютъ оружiе и сдадутся вамъ въ прiятный плѣнъ... "О храбрые враги, куда стремитесь вы? Отвага, говорятъ, ничто безъ головы."... Значитъ, рѣшено?

КАТЯ. И подписано... Жаль только, что Вѣрочка не можетъ участвовать въ этомъ воинственномъ набѣгѣ...

ДАВЫДОВЪ. А почему, позвольте узнать?

КАТЯ. Она рѣшила остаться при армiи, чтобы не разставаться съ женихомъ. Вѣдь у Гриши отчаянная голова. Онъ постоянно попадается въ просакъ и нуждается въ нянькѣ.

ВѢРА. Пустяки... Я буду ходить за ранеными-это мое призванiе. Больные меня любятъ, потому что и я ихъ люблю.

ДАВЫДОВЪ. Счастливые больные!...

КАТЯ. Прошу за моей кузиной не ухаживать... И вамъ не совѣстно, полковникъ? Я считала васъ своимъ рыцаремъ, а вы на моихъ глазахъ...

ГЕНЕРАЛЪ. Катя!..

КАТЯ. Опять... Ужъ очень я его избаловала... (уходитъ).

4.

ДАВЫДОВЪ. Нѣтъ, кромѣ шутокъ, Вѣра Алексѣевна, неужели же вы рѣшитесь весь походъ совершить при арміи?

ВѢРА. Что жъ тутъ удивительнаго? Катя съ мужемъ ѣдетъ зимовать къ его роднымъ, а у меня кромѣ Сѣверскихъ нѣтъ родныхъ. Здѣсь я буду подъ охраной жениха.

ДАВЫДОВЪ. Да это геройство!.. Счастливчикъ Сѣверскій! Хотѣлъ бы я быть на его мѣстѣ.

ВѢРА. Позвольте вамъ не повѣрить, полковникъ, Григорій Павловичъ еще не успѣлъ прославиться.

ДАВЫДОВЪ. Какая моя слава! Послѣдній изъ штабныхъ франтовъ идетъ по службѣ быстрѣе меня.

ВѢРА. Можетъ быть, но вамъ спѣшить нечего: ваше имя перейдетъ къ потомству.

ДАВЫДОВЪ (цѣлуя ей руку). Спасибо за это слово. Вы себѣ представить не можете, какъ воодушевляетъ меня женское сочувствіе.

5.

СѢВЕРСКІЙ (входитъ). Добрый вечеръ, Вѣра... А... вы не однѣ... (холодно здоровается съ Давыдовымъ).

ВѢРА. Мы здѣсь втроемъ. (Маша уходитъ).

ДАВЫДОВЪ. Пришелъ проститься съ твоими дамами, графъ, и съ удивленіемъ узналъ, что твоя отважная невѣста выступаетъ съ вами въ походъ.

СѢВЕРСКІЙ. Что жъ тутъ удивительнаго? О ней позаботится нашъ полковой докторъ, почтенный старичекъ... Да наконецъ и я...

ДАВЫДОВЪ. А начальство какъ смотритъ на это?

СѢВЕРСКІЙ. Были затрудненія, но мнѣ удалось ихъ уладить.

ДАВЫДОВЪ. А я бы на твоемъ мѣстѣ, братъ, отказался отъ такой жертвы.

СѢВЕРСКІЙ. Конечно, если это для нея жертва...

ВѢРА. Да Богъ съ вами, графъ!..

ДАВЫДОВЪ. Во всякомъ случаѣ этотъ подвигъ не совсѣмъ обыкновенный

ВѢРА. Подвигомъ было бы разстаться съ нимъ.

ДАВЫДОВЪ. Что жъ, Григорій Павловичъ? Кланяйся и благодари...

СѢВЕРСКІЙ. Прошу меня учтивости не учить, полковникъ.

ДАВЫДОВЪ. Да я и не думалъ. Это было бы тоже непосильный подвигъ.

СЪВЕРСКІЙ. Особенно для дикаря партизана.

ДАВЫДОВЪ. Дикари партизаны, графъ, корректнѣе иныхъ штабныхъ селадоновъ: рыцарски поклонялись женщинамъ, они при нихъ не затѣваютъ ссоръ../. Однако я у васъ засидѣлся. Вѣра Алексѣевна../. До завтра! (уходитъ, поцѣловавъ руку Вѣры).

6.

СЪВЕРСКІЙ. Нахалъ!.. Невѣжа!.. Я этого такъ не оставлю../.

ВѢРА. Стыдно, графъ. Вы оскорбляете меня подобными сценами.

СЪВЕРСКІЙ. Да развѣ я?.. Мнѣ кажется, я былъ достаточно сдержанъ.

ВѢРА. Конечно, вы могли еще броситься на Давыдова съ кулаками. Больше ничего не оставалось. Хорошо, что онъ, щадя меня, догадался уйти. И это послѣ всего, что онъ сдѣлалъ для васъ обоихъ../.

СЪВЕРСКІЙ. Да,.. вы правы... Но я такъ люблю васъ, Вѣра, что вниманіе къ вамъ другимъ, для меня мученіе.

ВѢРА. Это ребячество, графъ. Вы прекрасно знаете, что никакой вольности съ собой я не допущу, но разъ я остаюсь при армія, такъ сказать, полковой дамой, вы должны избавить меня отъ повторенія подобныхъ сценъ.

СЪВЕРСКІЙ. Это не въ моей власти.

ВѢРА. Въ такомъ случаѣ, мнѣ придется отказаться отъ моихъ плановъ и зимовать въ Юхновѣ или другомъ забытомъ уголкѣ.

СЪВЕРСКІЙ. Нѣтъ, нѣтъ, я ни минуты не буду спокоенъ за васъ... Такъ и быть. Обѣщаю вамъ примириться съ Давыдовымъ, и если вы поѣдете со мной, буду сдерживать себя по возможности, лишь бы испытаніе не превышало человѣческихъ силъ.

ВѢРА. Не бойтесь графъ, никакимъ испытаніямъ я васъ подвергать не стану... (входитъ генералъ, опираясь на плечо Кати).

7.

КАТЯ. Полковникъ ушелъ? Зачѣмъ же вы меня не позвали раньше?

ГЕНЕРАЛЪ. Очень нужно!.. Комплименты слушать, кокетничать../.

КАТЯ. Отчего же и не пококетничать иногда?

ГЕНЕРАЛЪ. (грозно). Катя!../.

КАТЯ. Не сердись, Федоръ Никитичъ, помни, что тебѣ вредно.

ГЕНЕРАЛЪ (понизивъ тонъ). Такъ и ты не выводи меня изъ терпѣнія. Катя../.. Филька, трубку!../.

КАТЯ. Тебѣ вѣдь запрещено курить весь день, какъ прежде.

ГЕНЕРАЛЪ. Молчи... Эй, трубку... Трубку, чортъ возьми...

КАТЯ. Тише, тише, тише... Тебѣ вредно...

ВѢРА. Да генералъ, вамъ очень вредно...

СѢВЕРСКІЙ. Чрезвычайно вредно...

ГЕНЕРАЛЪ (ворчитъ). Заладили одно: вредно, вредно!.. Такъ зачѣмъ же вотъ она меня сердитъ?

КАТЯ. Я?.. Да я самая кроткая, самая терпѣливая, самая тихая изъ женъ. Найди ка другую такую, найди, найди...

ГЕНЕРАЛЪ. И найду на зло тебѣ.

КАТЯ. А я отъ тебя сбѣгу...

ГЕНЕРАЛЪ. А я верну тебя...

КАТЯ. А я въ окошко выброшусь...

ГЕНЕРАЛЪ. А я... Ну вотъ всегда она такъ пугаетъ меня...

ВѢРА. Въ самомъ дѣлѣ, Катюша, ты ужъ слишкомъ строга.

КАТЯ. Съ нимъ нельзя иначе. Что это въ самомъ дѣлѣ? У него молодая жена, а онъ изъ за своего упрямства дождется, что останется безъ рукъ, безъ ногъ...

ГЕНЕРАЛЪ. Катька, не пугай!..

КАТЯ. А я хочу, чтобы мой генеральчикъ былъ молодцомъ. Теперь онъ у меня пай, и я его, какъ поводырь медвѣдя, буду на цѣпочкѣ водить.

ГЕНЕРАЛЪ. Что она говоритъ? Нѣтъ, вы только послушайте, что она говоритъ?... Если бы я могъ безнаказанно сердиться...

ВѢРА. Но вы не можете, генералъ...

СѢВЕРСКІЙ. Конечно...

КАТЯ. Мы васъ же бережемъ. Вонъ у васъ какъ покраснѣло лицо. Ай, ай, нехорошо...

ГЕНЕРАЛЪ. Вѣра, правда?

ВѢРА. Правда, генералъ, успокойтесь...

ГЕНЕРАЛЪ. Да, легко сказать, когда такая финтифлюшка вертитъ мною, какъ пѣшкой. Она уморитъ меня, право уморитъ...

КАТЯ. Да вѣдь я любя.

ГЕНЕРАЛЪ. Что?

КАТЯ. Ты готовъ былъ убить меня, лишь бы я не досталась французамъ. Это меня тронуло и убѣдило, что ты по своему любишь меня... Тутъ я и рѣшила, пока не поздно, заняться вашимъ воспитаніемъ, генералъ.

ГЕНЕРАЛЪ. Чортъ знаетъ, что такое!.. Въ опеку взяли, дохнуть не даютъ.

КАТЯ. Ну, ваше превосходительство, довольно мы съ вами поболтали, пора и на покой.

ГЕНЕРАЛЪ. Глупости.

ВЕРА. Пора, генералъ.

ГЕНЕРАЛЪ. Охъ, наказанье мнѣ съ этимъ бабьемъ... (уходитъ съ Катей).

8.

СЕВЕРСКІЙ. Глазамъ своимъ не вѣрю... Чудеса...

ВЕРА. Когда генерала сломила болѣзнь, я подбодрила Катю, а теперь она почувствовала свою власть и помыкаетъ имъ.

СЕВЕРСКІЙ. Очень радъ за сестру. Довольно она натерпѣлась отъ него.

ВЕРА. Да, каждому свой чередъ.

СЕВЕРСКІЙ. Теперь, Богъ дастъ, скоро конецъ этому тяжелому походу. Французамъ досталось таки и при Тарутинѣ и при Маломъ Ярославцѣ. Войска ихъ таютъ съ каждымъ днемъ, а казаки нѣтъ, нѣтъ, да и вырвутъ то кость изо рта, то тессін клокъ у этихъ голодныхъ волковъ. Пострашнѣе какого нибудь Давыдова.

ВЕРА. Однако вы не станете же отрицать, пользы партизановъ. Для враговъ они до послѣдней степени увеличиваютъ бѣдствія войны и облегчаютъ ихъ для родного края, защищая отъ мародерства крестьянъ. И тѣ въ въ свою очередь стоятъ горой за нихъ... Народная война.

СЕВЕРСКІЙ. при нашествіяхъ на Россію война всегда превращается въ народную. Такъ было 300 лѣтъ назадъ при Козьмѣ Мининѣ, такъ случилось и теперь. Будто охваченная землетрясеніемъ, вся наша земля дрожитъ, какъ живая и поглощаетъ враговъ. Какъ предсказывалъ князь Кутузовъ, они ѣдятъ уже лошадиное мясо, трупами усѣиваютъ свой обратный путь. Правъ онъ былъ, говоря, что потеря Москвы не есть потеря Россіи, а вѣдь я, оставляя Москву, готовъ былъ впасть въ отчаяніе.

ВЕРА. Да, теперь тучи прояснились... Когда окончится война, надо будетъ сдѣлать что нибудь для Сергѣя и Маши, обезпечить ихъ такъ, чтобы ваша поддержка не была имъ въ тягость, Гриша.

СЕВЕРСКІЙ. Да, Сергѣй гордъ, но не безпокойтесь, Вѣрочка, я сумѣю это устроить. Моя совѣсть не совсѣмъ спокойна относительно его; мнѣ съ дѣтства внушали недовѣріе къ нему, но я постараюсь загладить... (входитъ Давыдовъ).

9.

ДАВЫДОВЪ. Я пришелъ предупредить: случилось несчастіе...

ВЕРА. Что такое?

ДАВЫДОВЪ. Петровъ тяжело раненъ французами...

СЕВЕРСКIЙ. Быть не можетъ...

ДАВЫДОВЪ. Фигнеръ кой какъ довезъ его. Надо предупредить его невѣсту...

ВѢРА. Бѣдная Маша! (входитъ Маша).

МАША. Скажите, онъ убитъ?

ДАВЫДОВЪ. Нѣтъ, только раненъ... Успокойтесь...

МАША. Я такъ и знала... (закрываетъ лицо руками).

ВѢРА. Бѣдная ты моя, родная!.. Не отчаявайся ... Можетъ онъ еще поправится. (Маша качаетъ головой). Соберись съ силами, дорогая, чтобъ не разстроить его.

МАША. Я не плачу... Надо устроить его здѣсь... (Оправляетъ походную постель). Вѣдь его принесутъ сюда?

СЕВЕРСКIЙ. Но какъ это случилось?

ДАВЫДОВЪ. Несчастье... Побывавъ въ непрiятельскомъ лагерѣ, Фигнеръ съ Петровымъ ѣхали уже обратно, какъ вдругъ поднялась тревога и нѣсколько выстрѣловъ прогремѣло имъ вслѣдъ. Одинъ изъ нихъ ранилъ Сергѣя въ голову.

СЕВЕРСКIЙ. Есть и они... (Входятъ Фигнеръ и казакъ, поддерживая Петрова. Онъ очень блѣденъ и укутанъ плащемъ, голова обвязана. Его укладываютъ въ постель).

10.

МАША (бѣжитъ къ нему). Сережа... Милый!

ДАВЫДОВЪ. Сюда кладите его... Повыше... Еще подушку... Вотъ такъ.

СЕВЕРСКIЙ. Что я могу сдѣлать для тебя, голубчикъ?

ПЕТРОВЪ. Ничего... Спасибо...

ВѢРА. Доктора позвать...(Фигнеръ качаетъ головой).

КАЗАКЪ. А можетъ попа привести? (уходитъ).

ПЕТРОВЪ. Да, другого врача мнѣ не надо... Прощай, Маша!

МАША. Ты будешь жить, милый... Ты долженъ жить, если есть какая нибудь справедливость на землѣ. До сихъ поръ ты не зналъ ни счастья, ни свободы... А теперь новая жизнь откроется предъ тобой, свѣтлая, счастливая.....

ПЕТРОВЪ. Не суждено намъ счастье, дорогая...

МАША. Да помогите же ему, Вѣра, Григорiй Павловичъ!... Я не вѣрю, чтобъ ничего нельзя было сдѣлать... Капитанъ! Вы повели его на смерть. Помогите же ему!

ФИГНЕРЪ. Не стоитъ тревожить, поздно... Но онъ держалъ себя молодцомъ и дѣла мнѣ не испортилъ.....(уходитъ).

ПЕТРОВЪ. Успокойся, Маша, покорись... Я радъ васъ видѣть...

всѣхъ... Полковникъ, благодарю васъ за все. Вы меня и крѣпостнымъ за человѣка считали... Вѣра Алексѣевна, поберегите Машу.

ВѢРА. Она для меня будетъ сестрой.

ПЕТРОВЪ. Прощайте, графъ...

СѢВЕРСКІЙ. Сережа, голубчикъ, я былъ тебѣ плохимъ братомъ... А ты за меня пострадалъ... Прости меня...

ПЕТРОВЪ. Я радъ умереть за васъ... за тебя... (Сѣверскій цѣлуетъ его). Объ ней моя забота. Побереги ее ради Бога...

СѢВЕРСКІЙ. Все сдѣлаю. Будь покоенъ, Сережа.

МАША. Мнѣ ничего не надо. Не могу я жить безъ тебя, не могу.

ПЕТРОВЪ. Родная, ты удержала меня отъ самовольной смерти... И ты обѣщай мнѣ жить. Дай умереть спокойно...

МАША. Обѣщаю, обѣщаю. Не тревожься только, дорогой. Я уйду отъ міра въ монастырь.

ПЕТРОВЪ. Это вѣрный пріютъ... Прощай. Гаснетъ свѣтъ...

МАША. Тебѣ дурно?

ПЕТРОВЪ. Нѣтъ, прошло... Теперь я совсѣмъ, совсѣмъ свободенъ... Освободилася и Россія, я чувствую... Молись, Маша... Береги себя... голубка... (умираетъ).

КАТЯ (входитъ). Сережа... Господи... Что это съ нимъ?

ВѢРА. Тише, Катя.

КАТЯ. Неужели конецъ?

ДАВЫДОВЪ. Нѣтъ, освобожденіе....

З АН А В Ѣ С Ъ.

КОНЕЦЪ.

Къ представленію дозволено за №6587
СПБ. 12 мая 1912года.
Цензоръ драматическихъ сочиненій М.Толстой.

БЕРЕЗИНА.

Маститый стражъ страны державной,
Смиритель всѣхъ ея враговъ,
Сей остальной изъ стаи славной
Екатерининскихъ орловъ.

Пушкинъ.

(На могилѣ Кутузова)

Драма въ пяти дѣйствіяхъ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Князь ГОЛЕНИЩЕВЪ-КУТУЗОВЪ, главнокомандующій (67л.)
ЕРМОЛОВЪ, МИЛОРАДОВИЧЪ, ГРАФЪ МАТВѢЙ ПЛАТОВЪ — генералы.
ТОЛЬ, ШВАРЦЪ, САБЛИНЪ /Матвѣй Дмитріевичъ/ — полковники.
Графъ ГРИГОРІЙ ПАВЛОВИЧЪ СѢВЕРСКІЙ (25л.)
ВѢРА АЛЕКСѢЕВНА СТОЛПАКОВА (25л.)
МАРУСЯ.
ЭМИЛЬ ЖЕРАРЪ, военноплѣнный (30л.)
СИДОРЕНКО, казачій офицеръ.
Поручикъ БЫСТРОВЪ.
ДОКТОРЪ, старикъ.
Баронъ АДЛЕРШТЕЙНЪ.
ДЕНЩИКЪ.
Фельдфебель МАРЧЕНКО.
Урядникъ ПОПОВЪ.
ПЕТРЪ ИВАНОВЪ, МАХОРКИНЪ, ГАВРИЛЫЧЪ, ТОНКОВОЛОСОВЪ, БАРАБАШЪ — солдаты.

КУРЬЕРЫ, СОЛДАТЫ, КАЗАКИ и ПЛѢННЫЕ.

Дѣйствіе происходитъ въ Западномъ краѣ въ ноябрѣ 1812г.

---------ooooo0000000ooooo---------

Д Ѣ Й С Т В І Е П Е Р В О Е.

Въ хатѣ. Скамьи, складные стулья, два стола. По стѣнамъ картинки. За самоваромъ ВѢРА разливаетъ чай. МАРУСЯ /хохлушка въ плахтѣ/ разноситъ чашки. Около Вѣры сидитъ поручикъ БЫСТРОВЪ, за другимъ столомъ старичекъ ДОКТОРЪ и казачій офицеръ СИДОРЕНКО. Полковникъ САБЛИНЪ ходитъ по комнатѣ. Немного погодя входитъ адъютантъ, баронъ АДЛЕРШТЕЙНЪ.

1.

САБЛИНЪ. Еще затянется компанія, помяните мое слово, докторъ.

ДОКТОРЪ. На васъ, батенька, не угодишь... Но вѣдь французы бѣгутъ. Москву очистили...

САБЛИНЪ. Да, хоть шаромъ покати...

ДОКТОРЪ. Армія Наполеона растаяла больше чѣмъ наполовину...

САБЛИНЪ. Также какъ и наша.

ДОКТОРЪ. Враги мерзнутъ, съ голоду мрутъ...

САБЛИНЪ. Зато мы роскошествуемъ. Лакомимся затхлыми сухарями, а по праздникамъ пьемъ даже чай по милости Вѣры Алексѣевны.

ВѢРА. Да полно вамъ, Саблинъ, тоску наводить... И чего вы ходите, какъ маятникъ?... Быстровъ, дать вамъ еще чаю?

БЫСТРОВЪ. Сдѣлайте одолженіе, сестрица, изъ вашихъ золотыхъ ручекъ... (входитъ баронъ Адлерштейнъ, блестящій адъютантъ).

БАРОНЪ. А, Саблинъ... Ну, какъ живешь, старина? Здравствуйте, докторъ...

ДОКТОРЪ. Мое почтеніе, баронъ... Сестрица, позвольте вамъ представить барона Адлерштейна, правую руку графа Витгенштейна. Вѣра Алексѣевна Столпакова, наша добрая фея.

ВѢРА. Очень пріятно... желаете чаю, баронъ?

БАРОНЪ. Если позволите, мадемуазель.

ВѢРА. Меня здѣсь зовутъ сестрой Вѣрой. Для всѣхъ русскихъ

военнов я сердобольная, заботливая сестра, готовая при случаѣ и угостить васъ, чѣмъ Богъ послалъ, и поухаживать за вами, въ случаѣ болѣзни.

БАРОНЪ. А за вами, сестрица, позволено ухаживать?

ВѢРА. Отчего же? На извѣстныхъ условіяхъ...

СИДОРОВЪ. Мы всѣ признали сестру Вѣру своей царицей.

ВѢРА. И всѣмъ моимъ подданнымъ разрѣшено издали поклоняться мнѣ.

БАРОНЪ. Приму къ свѣдѣнію... (беретъ чашку, поцѣловавъ руку Вѣры, подходитъ къ Саблину) Да у васъ здѣсь просто Магометовъ рай.. И въ прекрасныхъ гуріяхъ нѣтъ недостатка.

САБЛИНЪ. Я долженъ предупредить тебя, баронъ: среди военной молодежи положеніе Вѣры Алексѣевны довольно щекотливое, а потому будь осторожнѣй.

БАРОНЪ. Что-жъ, ты отъ меня сатисфакціи потребуешь?

САБЛИНЪ. Не смѣй шутить, баронъ. Она - невѣста...

БАРОНЪ. Въ самомъ дѣлѣ? Ну, поздравляю, братъ Саблинъ, поздравляю...

САБЛИНЪ. Да ты смѣешься надо мной? Развѣ я похожъ на жениха?... Она невѣста своего родственника, графа Сѣверскаго. Послѣ французскаго погрома осталась безъ крова, какъ многіе изъ насъ и послѣдовала за женихомъ, адъютантомъ и любимцемъ Кутузова.

БАРОНЪ. Да, да, я вспомнилъ... Мы съ нимъ встрѣчались въ Петербургѣ у Нарышкиныхъ... Славный малый...

САБЛИНЪ. Ужасная горячка... Семь пятницъ на недѣлѣ... порохъ...

БАРОНЪ. Да у васъ тутъ всѣ ходятъ, точно порохомъ начиненные, чуть слово скажешь, сейчасъ вспыхнутъ. Намъ петербуржцамъ это въ диковинку.

САБЛИНЪ. Истомились мы жаждой мщенія. Сердца наши - сплошныя раны.

БАРОНЪ. Ну, полно, Саблинъ... Не драматизируй...

ВѢРА. Полковникъ, что же вы не пьете чаю?

САБЛИНЪ. Готовъ терпѣливо ждать, пока до меня дойдетъ очередь. Я привыкъ терпѣть...

ВѢРА. Это видно. (даетъ ему чашку) А вы что пріуныли, Сидоренко? По своимъ казачкамъ скучаете?

СИДОРЕНКО. А на что онѣ мнѣ? У насъ своя краля здѣсь.

ДОКТОРЪ. Ай да казакъ... Благодарите, сестрица...

ВѢРА. Да онъ совсѣмъ не на меня, а на Марусю заглядывается...

СИДОРЕНКО. Нѣтъ ужъ, извините... Мы тоже розу отъ капусты отличить сумѣемъ.

БЫСТРОВЪ. Сестрица, онъ вамъ скоро по державински оду поднесетъ.

БАРОНЪ (Саблину) А барышня молодецъ, командирша...

ДОКТОРЪ. Хоть бы поскорѣй конецъ этой компаніи... Заморили насъ совсѣмъ.

СИДОРЕНКО. А вотъ погодите, докторъ, загонимъ мы французовъ въ рѣку, да какъ щенятъ перетопимъ...

БЫСТРОВЪ. А Бонапарта въ клѣтку засадимъ.

САБЛИНЪ. Позволитъ ли еще нашъ главнокомандующій? Онъ такъ жалостливъ къ врагамъ.

СИДОРЕНКО (понижая голосъ) Скажите, докторъ, чего этотъ полковникъ все какъ доръ деретъ и даже князя Кутузова задѣваетъ?

ДОКТОРЪ. Онъ много пострадалъ отъ враговъ: лишился юноши -племянника, захваченнаго въ плѣнъ французами; во время пожара Москвы потерялъ все свое состояніе, а подъ Бородинымъ - сына. Его на глазахъ у отца ядромъ на части разорвало...

БЫСТРОВЪ. Подъ командой Свѣтлѣйшаго мы сами, можно сказать, свѣтъ увидѣли. Свой человѣкъ, сердечный, не нѣмцамъ чета.

СИДОРЕНКО. Штабныхъ франтовъ онъ вотъ какъ пробираетъ.

БЫСТРОВЪ. Солдатъ бережетъ и молодежь любитъ.

БАРОНЪ. А молодежь за него горой. Такую преданность пріятно видѣть. То у насъ въ Петербургѣ на него иначе смотрятъ... Разочаровались...

БЫСТРОВЪ. А намъ какое дѣло? Мы всѣ боготворимъ его.

СИДОРЕНКО. И Бородинской битвой мы ему обязаны.

САБЛИНЪ (съ горечью) Ему, ему... Битва, гдѣ палъ цвѣтъ нашего войска... Рѣки текли кровью, земля дрожала, схваченная непосильнымъ ужасомъ...Мы потеряли незамѣнимаго Багратіона, родныхъ и близкихъ потеряли... Ужасно...

СИДОРЕНКО. Но плодами боя явились побѣды подъ Тарутинымъ, подъ Малоярославцемъ, и бѣдственное отступленіе враговъ.

САБЛИНЪ. Не буду спорить: съ панегеристомъ это безполезно... (отходитъ въ сторону)

СИДОРЕНКО. Какъ это онъ обозвалъ меня? Какъ по вашему, Быстровъ, такое прозвище не оскорбительно для офицера?

БЫСТРОВЪ. Нисколько, батенька, будьте покойны...

МАРУСЯ (вбѣгая) Панночка, наши заразъ будутъ.

ВѢРА. Слава Богу... Давно пора.

СИДОРЕНКО. Идемъ встрѣчать, что ли?

БЫСТРОВЪ. До свиданія, сестрица...

БАРОНЪ. И я съ вами, господа... А прелестную хозяйку благодарю за угощеніе.

ВѢРА. До свиданія...

САБЛИНЪ. Не безпокойтесь, Вѣра Алексѣевна, не замѣшкаюсь... Знаю, что я здѣсь лишній. (Расходятся всѣ, кромѣ Вѣры. Входитъ СЕВЕРСКІЙ).

2.

СѢВЕРСКІЙ. Вѣрочка... (обнимаетъ ее) Что, заждалась, голубушка?

ВѢРА. Да, признаться, я начинала безпокоиться.

СѢВЕРСКІЙ. Какъ быть... Все по ухабамъ, да по сугробамъ... Фельдмаршала я опередилъ на полчаса... А тутъ еще случилась такая авантюра...

ВѢРА. Что такое? Разскажи пожалуйста.

СѢВЕРСКІЙ. Набрели мы, видишь ли, на французскій отрядъ. Человѣкъ 20, не больше... Предлагаемъ сдаться - не тутъ то было. Офицеръ выхватилъ шпагу да и давай кружить ею по воздуху. Ну, меня тоже злость взяла... Что онъ въ самомъ дѣлѣ, смѣется надъ нами? Хватилъ я его саблей по рукѣ,ребята мои на него навалились, да мнѣ, признаться, жалко стало, и я отбилъ его у солдатъ.

ВѢРА. Узнаю моего рыцаря... ты у меня славный, Гриша.

СѢВЕРСКІЙ. А тутъ оказалось, что онъ мой тильзитскій знакомый, свободно говоритъ по русски, и вообще премилый человѣкъ.

ВѢРА. Ну, это ужъ увлеченіе... Что же ты сдѣлалъ съ этимъ милымъ человѣкомъ?

СѢВЕРСКІЙ. А сюда привелъ. Ему надо перевязать руку. Я на тебя разсчитывалъ, моя птичка. Надѣюсь, ты ничего не имѣешь противъ?

ВѢРА. Французскій офицеръ...

СѢВЕРСКІЙ. Голодный, иззябшій, раненый...

ВѢРА. Ты правъ, милый. Веди его сюда, и я сдѣлаю, что могу.

СѢВЕРСКІЙ. Спасибо тебѣ, мое золото... Я зналъ, что тебя не трудно разжалобить, и опасался только Саблина, зная его нетерпимость. (уходитъ и возвращается съ Жераромъ. Онъ въ рваномъ плащѣ съ подвязанной рукой).

3.

СѢВЕРСКІЙ. Капитанъ Эмиль Жераръ... Моя кузина... (капитанъ молча кланяется) Садитесь, капитанъ, обогрѣйтесь...

ЖЕРАРЪ. Благодарю... (въ изнеможеніи опускается на стулъ, не глядя на Вѣру)

СѢВЕРСКІЙ. Ну, что ваша рука?

ЖЕРАРЪ. Пустяки...

СѢВЕРСКІЙ. Моя кузина сдѣлаетъ вамъ перевязку.

ЖЕРАРЪ. Нѣтъ, право, не надо. Очень вамъ благодаренъ, графъ, но мнѣ ничего не надо, ничего...

ВѢРА. Будьте великодушны, капитанъ, и не отказывайтесь отъ моей помощи. Надо же облегчить совѣсть вашего противника.

ЖЕРАРЪ (быстро вскинувъ на нее глазами) Зачѣмъ же вамъ безпокоиться, мадемуазель?

ВѢРА. Воля начальства... и моя... А вамъ остается только поко-

рится.. (беретъ со стола полотно)

ЖЕРАРЪ. Что-жъ, я готовъ... (Голосъ за дверью:"Можно войти?" вслѣдъ за тѣмъ входитъ Саблинъ и въ изумленіи останавливается на порогѣ).

4.

САБЛИНЪ. Это еще что такое?

СѢВЕРСКІЙ. Попался... (Саблину) Здравствуйте, любезный полковникъ.... Какъ поживаете?

САБЛИНЪ. Отвѣчайте же мнѣ, чортъ возьми... Откуда взялся этотъ оборванецъ?

СѢВЕРСКІЙ. Мой военноплѣнный - капитанъ Жераръ. Мы давно знакомы...

САБЛИНЪ. Удивляюсь... Какое тутъ знакомство? Съ французскимъ проходимцемъ...

СѢВЕРСКІЙ. Тише, ради Бога... Онъ понимаетъ...

САБЛИНЪ. Тѣмъ хуже для него... Гдѣ это вы выучились по русски, сударь?

ЖЕРАРЪ. У русскаго плѣннаго послѣ Аустерлица,г-нъ полковникъ.

САБЛИНЪ. Гм... Аустерлитское солнце померкло подъ русской метелью. Какого вы корпуса?

ЖЕРАРЪ. Маршала Ней.

САБЛИНЪ. Такъ. У этой бѣшеной собаки и офицеры бѣшеные... Зачѣмъ отбились отъ своихъ?

ЖЕРАРЪ. Я былъ посланъ на развѣдки...

САБЛИНЪ. Значитъ шпіонъ? Сѣверскій, велите повѣсить его...

ВѢРА. Стыдитесь, Саблинъ...

СѢВЕРСКІЙ. Позвольте вамъ замѣтить, полковникъ, что капитанъ Жераръ сдался мнѣ и распоряжаться его судьбой я никому не позволю. Онъ довѣрился мнѣ...

САБЛИНЪ. А вы ему, не такъ ли? Ввести французскаго бродягу въ общество своей невѣсты, любезничать съ предателемъ, шпіономъ - какъ хотите, графъ, это возмутительно...

СѢВЕРСКІЙ. А меня возмущаютъ ваши подозрѣнія, полковникъ.

ВѢРА. Повѣрьте, Григорій Павловичъ, въ вашей опекѣ не нуждается.

САБЛИНЪ. Вѣра Алексѣевна очевидно находится подъ обаяніемъ вашего новаго пріятеля, графъ, и я уступаю ему мѣсто. (уходитъ).

5.

СѢВЕРСКІЙ. Мнѣ стыдно за моего товарища, капитанъ, я не ожидалъ...

ВѢРА. Да, такой грубости и я отъ Саблина не ожидала... Ну, да Богъ съ нимъ... Займемтесь перевязкой... (перевязываетъ руку Жера-

ру).

ЖЕРАРЪ. Стоитъ ли? Я хотѣлъ бы умереть... Что меня ждетъ? Тюрьма? Въ лучшемъ случаѣ, Сибирь...

СѢВЕРСКІЙ. Нѣтъ, вы преувеличиваете, капитанъ. Я заступлюсь за васъ.

ВѢРА. Разъ мы взялись выручать васъ изъ бѣды, надо же довести дѣло до конца.

ЖЕРАРЪ. Вы такъ безконечно добры, мадемуазель...

ВѢРА. Ну вотъ и кончено. Ваша рана не глубока, скоро поправитесь... Чѣмъ мнѣ теперь угостить васъ обоихъ? Чаемъ? Виномъ?

СѢВЕРСКІЙ. Виномъ, виномъ конечно...

ВѢРА. Сейчасъ позову Марусю. Это дочь хозяина хаты... (идетъ къ двери) Маруся, принеси-ка бутылку, что я дала отогрѣть.

МАРУСЯ (въ дверяхъ) А я жъ забыла, панночка.

ВѢРА. Ну все равно, такъ давай... Да что съ тобой? Ты сама не своя...

МАРУСЯ. Хранцузъ мене сглазивъ.

ВѢРА. Дурочка... Давай, я сама отнесу... (приноситъ красное вино, угощаетъ).

ЖЕРАРЪ. Какъ прекрасны и поэтичны русскія женщины...

ВѢРА. Особенно въ роли добрыхъ самарянокъ...?

ЖЕРАРЪ. Это бордо... Вино моей родины... За ваше здоровье, мадемуазель...

ВѢРА. Благодарю...

СѢВЕРСКІЙ. Помнишь, Вѣра, я говорилъ тебѣ о французскомъ офицерѣ, выручившемъ меня въ Тильзитѣ, когда я проигрался въ пухъ. Это и былъ нашъ капитанъ. А я въ благодарность за любезность чуть было не отрубилъ ему руку.

ЖЕРАРЪ (взглянувъ на Вѣру) Зато теперь я вполнѣ вознагражденъ.

ВѢРА. Вы нетребовательны, капитанъ.

ЖЕРАРЪ. Одно меня мучитъ... Не придется мнѣ больше послужить моему императору.

СѢВЕРСКІЙ. Вы и такъ пострадали за него.

ЖЕРАРЪ. Не думайте, графъ, что вы насъ побѣдили. Побѣдила ваша полярная зима, ваши морозы... Впрочемъ, наше дѣло еще не проиграно, и сопротивленіе будетъ отчаянное, если намъ преградятъ путь къ границѣ. Противъ такого противника, какъ императоръ, вашимъ изнуреннымъ войскамъ не устоять. (входитъ денщикъ)

ДЕНЩИКЪ. Ваше сіятельство, ихъ превосходительства сейчасъ пожалуютъ сюда. (уходитъ).

СѢВЕРСКІЙ. Такъ я васъ устрою у себя. Пойдемте, капитанъ.

ЖЕРАРЪ. Позвольте отъ всего сердца поблагодарить васъ, мадемуазель.

ВѢРА. А что ваша рана?

ЖЕРАРЪ (цѣлуя ей руку) Зажила отъ одного вашего прикосновенія.

ВѢРА (холодно) Скорѣе отъ компрессовъ. Я не творю чудесъ. (Сѣверскій и Жераръ уходятъ).

6.

ВѢРА. Маруся... Маруся... Что же ты? (Маруся входитъ).

МАРУСЯ. А я жъ ждала, шобъ винъ ушолъ, тотъ бісовъ хранцузъ. Шобъ ему пусто было..., Бачили, панночка, якъ винъ на васъ очами моргавъ?

ВѢРА (съ неудовольствіемъ) Тебѣ показалось.

МАРУСЯ. Ни. Будь моя воля, я бъ ему въ очи ногтями вцѣпилась. А будь я хлопцемъ, пальнула бъ ему зъ ружья ажъ въ самое сердце.

ВѢРА. У, да какая же ты сердитая...

МАРУСЯ. А якъ же жъ инѣ быть, панночка, когда они мого Грыцка застрѣлили? Бідная я, несчастливая... Вси оченьки я по немъ проплакала. Кабы они вашего Грыцка убили, и вы бы ихъ кажный день проклинали...

ВѢРА. Замолчи, Маруся... Слушать страшно... Ну, бери самоваръ, да и пойдемъ. (глядитъ въ окно) Вонъ идутъ Ермоловъ, Платовъ, Толь, Пойдемъ... (уходитъ. Входятъ ЕРМОЛОВЪ, ПЛАТОВЪ, ТОЛЬ и БАРОНЪ, за ними САБЛИНЪ и СѢВЕРСКІЙ).

7.

ЕРМОЛОВЪ. А фельдмаршала все еще нѣтъ... Странно...

БАРОНЪ. Я говорилъ вамъ, ваше превосходительство. Старикъ спѣшить не любитъ.

ТОЛЬ. Онъ бережетъ солдатъ, баронъ.

БАРОНЪ. Полноте, полковникъ, а Наполеонъ развѣ бережетъ своихъ

ЕРМОЛОВЪ. Вашъ старикъ очень опустился за послѣднее время.

САБЛИНЪ. Общественное мнѣніе въ грошъ не ставитъ.

БАРОНЪ. Куда... Онъ и на приговоръ Европы готовъ наплевать.

ПЛАТОВЪ. Полагаю, главнокомандующему надлежитъ имѣть свою волю.

ЕРМОЛОВЪ. Но не итти всѣмъ наперекоръ.

САБЛИНЪ. Графъ Платовъ всегда горой стоитъ за свѣтлѣйшаго.

ПЛАТОВЪ. Я знаю его лучше васъ, господа.

ЕРМОЛОВЪ. Съ своимъ единственнымъ глазомъ онъ мнитъ себя дальновиднѣе самого Наполеона, не боится ни высочайшаго неодобрѣнія, ни той огромной отвѣтственности, какую онъ несетъ передъ потомствомъ.

СѢВЕРСКІЙ. Надо отдать ему справедливость: онъ вообще мало чего боится.

ТОЛЬ (у окна) Сейчасъ подъѣхалъ генералъ Милорадовичъ.

ЕРМОЛОВЪ. И отлично... Вотъ увидите, какъ онъ станетъ кипя-

тивъ... (входитъ Милорадовичъ).

8.

МИЛОРАДОВИЧЪ. А, Ермоловъ, полковникъ Толь... (здоровается) Пріѣхалъ главнокомандующій?

САБЛИНЪ. Никакъ нѣтъ, ваше превосходительство...

ПЛАТОВЪ. Ждемъ...

МИЛОРАДОВИЧЪ. Но вѣдь это возмутительно... Наполеонъ ждать не будетъ... Есть курьеры изъ Чичагова, отъ графа Витгенштейна?

БАРОНЪ. Я курьеромъ отъ графа, ваше превосходительство. Съ адмираломъ онъ еще не соединился.

МИЛОРАДОВИЧЪ. Ужъ этотъ мнѣ адмиралъ.... Самомнѣнія на милліонъ, а всего на грошъ умѣнья. Плавалъ бы себѣ лучше по морю. По землѣ то онъ, я думаю, и ходить не умѣетъ... Занялъ ли онъ по крайней мѣрѣ переправы?

ТОЛЬ. Какъ слышно, адмиралъ Чичаговъ спѣшитъ окупировать Борисовъ.

МИЛОРАДОВИЧЪ. Спѣшитъ... Воображаю, какъ онъ спѣшитъ... Развѣ въ пику Витгенштейну будетъ стараться... Сознаютъ ли оба, что могутъ, дѣйствуя дружно, захватить Бонапарта въ западню? Эхъ, меня бы туда... Ужъ я поддалъ бы имъ жару... Вѣдь если Наполеонъ уйдетъ у нихъ изъ подъ носа, это будетъ возмутительно...

БАРОНЪ. Придется покориться, ваше превосходительство.

МИЛОРАДОВИЧЪ. У меня натура не нѣмецкая... Покориться, когда дѣло идетъ о славѣ нашего оружія... Нѣтъ, нѣтъ, какъ хотите, а я ждать не буду. Мои люди рвутся въ огонь, то же и козаки. Слушайте, Матвѣй Ивановичъ... Предлагаю вамъ, не дожидаясь князя, отрѣзать Наполеону путь къ переправѣ.

ПЛАТОВЪ. Но ваши люди утомлены, генералъ... До Березины дистанція не малая.

МИЛОРАДОВИЧЪ. А мы форсированнымъ маршемъ... Такъ какже, Платовъ? Полетимъ за Бонапартомъ? Теперь какъ разъ удобный моментъ налетѣть на его разстроенныя полчища, смять, опрокинуть, швырнуть ихъ въ Днѣпръ, а самого Наполеона примчать въ нашъ лагерь, какъ рѣдкую добычу.

ЕРМОЛОВЪ. Какъ вы еще молоды, генералъ...

МИЛОРАДОВИЧЪ. Ну, что-жъ, Матвѣй Ивановичъ? Какъ по вашему? идетъ?

ПЛАТОВЪ. За мной дѣло не станетъ, генералъ, но подождемъ еще. Устарѣлъ немножко нашъ главнокомандующій, а вѣдь и онъ былъ героемъ и правой рукой Суворова... Помню его подъ Измаиломъ... Орелъ...

ЕРМОЛОВЪ. Да, но екатерининскій... а съ тѣхъ поръ много воды утекло.

БАРОНЪ. Да, князь сыгралъ ужъ свою роль народной пѣсни для воодушевленія солдатъ, насквозь прострѣленнаго національнаго знамени.

СѢВЕРСКІЙ. Обстрѣленныя знамена самыя цѣнныя для войска, баронъ.

БАРОНЪ. Но ихъ обыкновенно сдаютъ въ музеи... Пора бы и князю на покой, давно пора... Выдохся... Зато вполнѣ русскій человѣкъ....

ЕРМОЛОВЪ. Держу пари, что раньше завтрашняго дня намъ князя не дождаться... (входитъ денщикъ)

ДЕНЩИКЪ. (Ермолову) Ваше превосходительство, сейчасъ изволили прибыть главнокомандующій. (Сѣверскій идетъ встрѣчать).

ВСѢ. А, наконецъ то... (Входитъ КУТУЗОВЪ съ адъютантомъ).

9.

ЕРМОЛОВЪ. Добро пожаловать, князь...

КУТУЗОВЪ. Здравствуйте, здравствуйте, господа... (садится).

ПЛАТОВЪ. Мы заждались вашей свѣтлости.

КУТУЗОВЪ. Что такъ?... А я, представьте, думалъ, что мы какъ разъ во время. Совершили переходъ верстъ этакъ въ 30... Развѣ мало?...

ЕРМОЛОВЪ. Мы не смѣемъ вамъ указывать, князь.

ПЛАТОВЪ. Почтительно ожидаемъ приказаній.

МИЛОРАДОВИЧЪ. Дѣло не въ томъ, господа... Ваша свѣтлость... Вамъ вѣроятно еще неизвѣстно, что Наполеонъ не сегодня, завтра попытается переправиться черезъ Березину?

КУТУЗОВЪ. Такъ что-жъ... Тамъ Чичаговъ, Витгенштейнъ... есть кому встрѣтить гостей...

МИЛОРАДОВИЧЪ. Дайте только непріятелю перейти рѣку, а онъ спасенъ. До границы рукой подать... Если же вы желаете помѣшать переправѣ - а вы не можете не желать этого...

КУТУЗОВЪ. Положимъ, что такъ... Что же дальше, братецъ?

МИЛОРАДОВИЧЪ. Надо дѣйствовать по суворовски.

КУТУЗОВЪ. А по кутузовски не позволишь?

МИЛОРАДОВИЧЪ. Т. е. медлить, выжидать и предоставить врагамъ полную свободу дѣйствій?

КУТУЗОВЪ. Да, господа... я предоставляю имъ свободу замерзать въ сугробахъ, падать отъ истощенія на пути, умирать съ голоду среди опустошеннаго края. Пусть великая армія таетъ какъ воскъ на свѣчѣ - я не стану мѣшать. Пусть болѣзнь коситъ французовъ, какъ сорную траву - я и пальцемъ не двину. Пусть рѣка поглотитъ ихъ - я имъ даю свободу...

МИЛОРАДОВИЧЪ. Значитъ, я не ошибался? Полагаясь на помощь нашей природы, ваша свѣтлость рѣшили дать непріятелю спокойно переправиться черезъ рѣку?

КУТУЗОВЪ. Зачѣмъ же спокойно? Чтобы безпокоить враговъ, доста-

точно двухъ армій - Чичагова и Витгенштейна, не говоря о казакахъ. Рисковать же моими голодными, изнуренными людьми я не въ правѣ, и ставить на карту спасеніе Россіи ни себѣ, ни другому не могу позволить. Я не игрокъ, господа. Молодежи простительны увлеченія, но не мнѣ.

МИЛОРАДОВИЧЪ. Ваша свѣтлость, дайте только мнѣ съ Платовымъ разрѣшеніе полетѣть на перерѣзъ французамъ, врасплохъ нагрянуть на нихъ и перетопить въ рѣкѣ, если ужъ началась переправа.

ЕРМОЛОВЪ. Намъ всѣмъ надо двинуться, князь. Подумайте только, что скажутъ, если мы дадимъ уйти Бонапарту...

ПЛАТОВЪ. Насъ сочтутъ предателями...

БАРОНЪ. Справедливо обвинятъ въ нерадѣніи о благѣ Россіи.

КУТУЗОВЪ. Э, господа, на всякое чиханіе не наздравствуешься. Пускай меня судятъ, я привыкъ.

БАРОНЪ. Вся Европа смотритъ на вашу свѣтлость.

КУТУЗОВЪ. Пускай... Я ей не мѣшаю...

ЕРМОЛОВЪ. Въ такой рѣшительный моментъ вы удивительно спокойны, князь.

КУТУЗОВЪ. Не всѣмъ же кипятиться, какъ нашъ Баярдъ-Милорадовичъ.

ЕРМОЛОВЪ. Осмѣлюсь напомнить, что со времени Бородинскаго боя, ваша свѣтлость ни разу не рѣшились пустить въ ходъ всѣ наши войска.

КУТУЗОВЪ. Въ этомъ моя заслуга... Бородинскій бой былъ нуженъ, какъ толчокъ, пошатнувшій побѣдный пьедесталъ Наполеона; какъ необходимая, передъ оставленіемъ Москвы, кровавая жертва; наконецъ, какъ удовлетвореніе возмущенному отступленіемъ войску: но повторить это кровопролитное побоище, рискнувъ судьбой арміи, я ни за что не рѣшился бы. Только отчаяніе можетъ сплотить вокругъ Наполеона его разрозненныя полчища - не будемъ доводить ихъ до отчаянія. Они таютъ, какъ вешній снѣгъ, съ каждымъ днемъ, съ каждымъ часомъ - не будемъ мѣшать.

ЕРМОЛОВЪ. Въ началѣ кампаніи войска Наполеона были въ цвѣтущемъ состояніи, а между тѣмъ подъ Бородинымъ французская армія разшиблась объ русскую; ваша свѣтлость не считаетесь съ духомъ народа, съ энтузіазмомъ и преданностью войскъ.

КУТУЗОВЪ. Напротивъ, очень считаюсь. Не будь этой самоотверженной преданности, развѣ могли бы наши солдаты выдержать всю тяжесть этого небывалаго зимняго похода? Но сколько вы мнѣ не доказывайте, что дважды два при энтузіазмѣ равняются пяти - я со своей старой опытностью все же буду стоять на своемъ, что дважды два - четыре...

БАРОНЪ. Но планъ нашихъ дѣйствій при Березинѣ присланъ намъ изъ Петербурга, князь. Въ высшихъ сферахъ разсчитываютъ, что мы

воспользуемся авантажной позиціей, чтобы захватить, какъ въ западню, всю армію Наполеона. Меня только удивляетъ, что я долженъ напоминать объ этомъ вашей свѣтлости.

КУТУЗОВЪ. А кто вамъ сказалъ, баронъ, что я не руководствуюсь петербургскимъ планомъ? Захватить всю армію Наполеона что же, захватите, господа, буду очень радъ...

МИЛОРАДОВИЧЪ. Если не ждать обозовъ, можно форсированнымъ маршемъ дойти до Березины въ два, три дня...

КУТУЗОВЪ. Такъ, форсированнымъ маршемъ съ нашими измученными солдатами и замореными лошадьми. Опомнись, братецъ.... Затруднить переправу уже предложено графу и Чичагову, но если часть войскъ и перейдетъ рѣку, я плакать не буду. Чтобы не подавиться, благоразумнѣе не класть яблоко цѣлымъ въ ротъ, а сперва разрѣзать на части. Непріятельская армія - то же яблоко.

МИЛОРАДОВИЧЪ. А про меня, князь, вы забыли? Мои люди успѣли отдохнуть...

КУТУЗОВЪ. Гдѣ тебя забыть... Показной... Хоть картину съ тебя пиши... Мы тебя про черный день бережемъ, на закуску...

МИЛОРАДОВИЧЪ. Жду разрѣшенія двинуться въ походъ...

КУТУЗОВЪ. Что-жъ, если твои люди отдохнули, лети, пожалуй, соколомъ прямо къ Березинѣ. Разрѣшаю и графу Платову двинуть туда же своихъ казаковъ.

ЕРМОЛОВЪ. А мнѣ, князь, вы разрѣшите?

КУТУЗОВЪ. И вамъ не терпится, генералъ? Что-жъ, поѣзжайте... А мои войска успѣютъ отдохнуть и дождаться запасовъ, отставшихъ по крайней мѣрѣ на два перехода... Вы думаете, господа, я не сознаю всей важности этого момента? Не вижу, что дѣло идетъ къ концу? Но зачѣмъ безъ надобности раздражать раненаго на смерть хищника? Дайте ему истечь кровью, и вы сбережете русскую, родную кровь. За десятерыхъ французовъ не отдамъ я ни одного русскаго. Рѣка сама разступится и поглотитъ враговъ, я это сердцемъ чувствую. Если рухнутъ мосты во время переправы, или наши станутъ ихъ бомбардировать - не дай Богъ никому быть тогда на мѣстѣ французовъ...

БАРОНЪ. Я возвращаюсь къ графу Витгенштейну, ваша свѣтлость. Не будетъ ли какихъ инструкцій?

КУТУЗОВЪ. Пусть всѣ дружно спѣшатъ къ переправѣ, вотъ вамъ и вся инструкція, господа. Заведя часы не станете же вы двигать пальцемъ то колесо, то пружину. Мое дѣло только пустить маятникъ, остальное зависитъ отъ всѣхъ васъ. Какъ соберетесь, заходите ко мнѣ, а теперь до свиданія, господа... (Генералы, Толь и баронъ, откланявшись уходятъ).

10.

СѢВЕРСКІЙ. Полковникъ Саблинъ и я хотѣли покорнѣйше просить

вашу свѣтлость отпустить и насъ съ генераломъ Милорадовичемъ.

КУТУЗОВЪ. Что такъ? Хотите по его приказу: "налетѣть, смять и опрокинуть"? Опрокидываютъ, братцы, горшки съ кашей, а не армію, да и то кашу прежде съѣдятъ. Все это одни слова, а я за 67 лѣтъ изверился въ нихъ... Охъ, усталъ...

СѢВЕРСКІЙ. Согласитесь сами, ваша свѣтлость, если Наполеонъ перейдетъ Березину - все пропало...

КУТУЗОВЪ. А вы вдвоемъ хотите помѣшать этому. Пустяки... Мы гонимъ врага изъ Россіи, а не обратно. Хуже было бы, если бы французы повернули назадъ. Запомните это... Въ этомъ лютомъ зимнемъ походѣ , въ этой бѣшеной погонѣ за бѣгущимъ врагомъ я потерялъ больными и отсталыми болѣе половины моихъ людей, и меня еще упрекаютъ въ медленности... Нельзя же въ самомъ дѣлѣ всю армію переморить; Надо съ чѣмъ нибудь до границы дойти... Ну, что вы оба такъ строго на меня глядите, а?

СѢВЕРСКІЙ. Ваша свѣтлость...

КУТУЗОВЪ. Знаю, что у васъ на умѣ. Къ нашему брату-старику вы куда какъ строги... Всѣ мы столпы народные, сами на столпахъ стоимъ, а снизу люди на насъ пальцами показываютъ. А дѣлать нечего, поставили, такъ ужъ стой... Усталъ я... Всю спину разломило... Пойду-ка чайку напьюсь, а ты, Сѣверскій, повыкинь дурь изъ головы. Ты мнѣ и здѣсь нуженъ... (уходитъ).

11.

СѢВЕРСКІЙ. Саблинъ... Да что же это такое?

САБЛИНЪ. А что я говорилъ? Будемъ сидѣть сложа руки, пока онъ будетъ попивать чай. А тѣмъ временемъ Наполеонъ осрамитъ насъ передъ цѣлымъ свѣтомъ. И знаете, кто въ этомъ будетъ виноватъ. Всѣ вы, поклонники князя, съ вашимъ слѣпымъ повиновеніемъ. Нуженъ сильный толчокъ, чтобы пробудить старика отъ этой гибельной летаргіи. и съ вашей помощью, графъ, я берусь дать этотъ толчокъ.

СѢВЕРСКІЙ. Что-жъ я могу? Объяснитесь...

САБЛИНЪ (понижая голосъ) Надо дѣйствовать на солдатъ. Заставить ихъ требовать наступленія.

СѢВЕРСКІЙ. Помилуйте, Саблинъ, да вѣдь это гадость, бунтъ...

САБЛИНЪ. Ничуть. Требованія солдатъ встряхнетъ нашего старика, если только онъ не имѣетъ особенныхъ причинъ щадить Бонапарта.

СѢВЕРСКІЙ. Стыдитесь, Саблинъ... Я за него ручаюсь головой...

САБЛИНЪ. Такъ пусгите, графъ... Нашъ полковой командиръ никуда не годный предатель-нѣмецъ, а князь Кутузовъ покровительствуетъ ему.

СѢВЕРСКІЙ. Чтобы доказать, насколько ваше подозрѣнія не основательны, я, пожалуй, готовъ поддержать васъ, полковникъ.

САБЛИНЪ. Докажите, докажите, графъ. Но уговоръ лучше денегъ:

ваше офицерское слово, что вы моего участія не выдадите. Вамъ что... Любимцу фельдмаршала все съ рукъ сойдетъ, а у меня нѣтъ протекціи, нѣтъ высокихъ покровителей... Даете слово?

СѢВЕРСКІЙ. Конечно...

САБЛИНЪ. И отлично... За ночь солдаты отдохнутъ, а завтра назначенъ пустой, десятиверстный переходъ. На привалѣ станемъ требовать, чтобы насъ вели дальше. Только помните: не выдавать...

СѢВЕРСКІЙ. Я же далъ вамъ слово, полковникъ.

САБЛИНЪ. Наше требованіе законно... Намъ не могутъ отказать...

СѢВЕРСКІЙ. Но меня всетаки смущаетъ...

САБЛИНЪ. Смущаться нечего... И отступать уже поздно... До завтра, графъ... (уходитъ, пожавъ руку графу. Тотъ въ раздумьи опускается на стулъ, уронивъ голову на руки).

З А Н А В Ѣ С Ъ.

Д Ѣ Й С Т В І Е В Т О Р О Е.

Стоянка. Снѣгъ, метель. Солдаты: Махоркинъ, Ивановъ, Гавриличъ, Барабашъ - ютятся въ полуразвалившемся шалашѣ. Съ ними Марченко фельдфебель.

1.

МАХОРКИНЪ (поетъ) То то, братцы, будетъ слава намъ съ Кутузовымъ отцомъ...

МАРЧЕНКО. Да, какъ всѣ перемерзнемъ, что тараканы, вотъ те и будетъ слава...

МАХОРКИНЪ. А то затянемъ Фанагорійскую... (поетъ) Братцы, грудью послужите, гряньте бодро на врага, И вселенной докажите, сколько Русь намъ дорога...

ИВАНОВЪ. Экій лѣшій, чего горло то дерешь, а?

МАХОРКИНЪ. Да оно, братецъ ты мой, съ пѣсней какъ быдто теплѣй.

МАРЧЕНКО. Дуракъ ты, Махоркинъ, какъ есть дуракъ... Вотъ кабы водочки поднесли, оно бы точно стало теплѣе...

МАХОРКИНЪ. А мнѣ, ребята, пѣсня замѣсто водки. Для ради бод-

рости, пра слово...

ГАВРИЛЫЧЪ. Правильно разсудилъ Махоркинъ. Покойный фельдмаршалъ Суворовъ самъ, бывало, съ солдатами пѣсни играетъ.

БАРАБАШЪ. А ты , Гаврилычъ, въ Туретчинѣ бывъ, якъ наши Измаилъ брали?

ГАВРИЛЫЧЪ. Какъ не быть... Фортепія была знатная, вся какъ есть турками понапихана, а ужъ Суворовъ поздравилъ генерала Кутузова комендантомъ Измаила.

ИВАНОВЪ. А много нашихъ одъ Измаиломъ то полегло?

ГАВРИЛЫЧЪ. Страсть... Потому Турка завсегда наровитъ тебѣ голову снесть. Дѣло дрянь, значитъ.

МАХОРКИНЪ. чего ужъ хуже... Безъ головы не то что нашему брату, а и нѣмцу смерть...

БАРАБАШЪ. А що, братцы, про Напольона баютъ, будто винъ антихриста знае?

МАХОРКИНЪ. Эхъ ты, умная голова... Да коли енъ самый-то антихристъ и есть.

БАРАБАШЪ. Такъ... А якъ же у него роговъ нема?

МАХОРКИНЪ. А енъ, видишь ли, для приличія политики, ихъ подъ шляпу прячетъ, да лишь по праздникамъ маршаламъ кажетъ.

БАРАБАШЪ. Хитеръ, бісовъ сынъ... А чи насъ скоро, братцы, на хранцуза поведутъ?

ГАВРИЛЫЧЪ. Про то ужъ, милый человѣкъ, свѣтлѣйшій знаетъ. Жалостливъ онъ больно къ нашему брату, бережетъ солдатъ, а больше наровитъ басурмановъ измором взять.

ИВАНОВЪ. А хорошо бы на смерть отдуть француза, чортъ его побери...

МАХОРКИНЪ. чего его дуть? Его и такъ, поди, метелью въ рѣку сдунетъ.

ИВАНОВЪ. Пообогрѣлись бы маленько, дрались то ...

МАХОРКИНЪ. Да, братъ, страженья, она те какъ разъ огрѣетъ. Вотъ мнѣ какъ подъ Красным огрѣло плечо, такъ по сю пору горитъ.

ИВАНОВЪ. А вы примѣтили, ребята, какъ нашъ то французъ на барышню глядитъ?

ГАВРИЛЫЧЪ. А ты знай, помалкивай, песъ необразованный...

ИВАНОВЪ. Глядитъ, Гаврилычъ, ей Богу, глядитъ... И она тоже...

МАРЧЕНКО. Молчи, Ивановъ... Не твоего ума дѣло...

МАХОРКИНЪ. Анделъ она, вотъ что... Мы за нее, все равно какъ за свѣтлѣйшаго, куды хошь пойдемъ. Всѣ наши походныя тягости она съ улыбкой несетъ, и на не е глядя самъ бодрѣй зашагаешь, про морозъ да голодъ забудешь... (Входитъ ТОНКОНОГОВЪ).

2.

ТОНКОНОГОВЪ. Братцы, слушайте, да чуръ, меня не выдавать...

Нашъ полковникъ, сказываютъ, Бонапартію мирволитъ.

ИВАНОВЪ. Чего-жъ и ждать отъ нѣмца?

ТОНКОНОГОВЪ. Измѣнить, говорятъ, задумалъ...

МАРЧЕНКО. Погоди, Тонконоговъ, онъ тѣ задастъ измѣну... До новыхъ вѣниковъ не забудешь... И какъ ты смѣешь при мнѣ?...

ТОНКОНОГОВЪ. Да вы послушайте, г-нъ фельдфебель, что адъютантъ свѣтлѣйшаго сказывалъ: они, гритъ, нѣмцы то, вашего князя въ узд-ку держатъ, потому и въ бой не идемъ. Чѣмъ вамъ тутъ мерзнуть, ребята, требуйте, гритъ, чтобъ васъ вели отогрѣваться въ бою.

МАХОРКИНЪ. Дѣло!... Намъ только мигни...

ГАВРИЛЫЧЪ. Оно такъ, милый человѣкъ, да безъ приказа никакъ невозможно...

ИВАНОВЪ. Какой же еще приказъ, коли самъ адъютантъ свѣтлѣйшаго..

МАРЧЕНКО. Молодъ онъ, можетъ и зря болтаетъ. Гаврилычъ правъ.

ТОНКОНОГОВЪ. Онъ сказывалъ, вы дежурному генералу жалуйтесь...

БАРАБАШЪ. А чи не лучше самому свѣтлѣйшему?

МАРЧЕНКО. Да ты ошалѣлъ что ли, Барабашъ? Статочное ли дѣло въ военное время къ самому главнокомандующему съ претензіей лѣзть?

ГАВРИЛЫЧЪ. Да, братцы, это не дѣло. Намъ безъ приказа невозможно.

ТОНКОНОГОВЪ. А у насъ, братцы, рота такъ и гудетъ... Всполошились, словно пчелы отъ дыму... Что-жъ, идемъ, что ли?

СОЛДАТЫ. Идемъ, идемъ...

МАРЧЕНКО. А фельдфебели что говорятъ?

ТОНКОНОГОВЪ. И они съ нами.

МАРЧЕНКО. Такъ и я отъ товарищей не отстану...

ГАВРИЛЫЧЪ. Юнцы, юнцы, молокососы глупые... Ну, дѣлать нечего... И я за вами...

МАХОРКИНЪ. Я тоже мигомъ, только вотъ кушакъ подтяну. (всѣ, кромѣ него уходятъ. Входитъ Вѣра въ казачьемъ чекменѣ, сапогахъ и папахѣ).

3.

ВѢРА. Куда бѣгутъ солдаты, Степанъ? Развѣ въ лагерѣ тревога?

МАХОРКИНЪ. Нѣтъ, барышня, какая тамъ тревога... Баловство одно... А дайте ка я вамъ шинелю на лавку постелю.

ВѢРА. Спасибо...

МАХОРКИНЪ. Тутъ въ шалашѣ затишно, и мы для нашей барышни рады стараться. Поэтому, хошь вы и барышня, а отъ насъ, съ позволенія сказать, рыла не воротите. Тоже вѣдь и мы вѣжливое обращеніе понимаемъ... (подходитъ ЖЕРАРЪ. Махоркинъ уходитъ).

4.

ЖЕРАРЪ (съ удивленіемъ оглядывая Вѣру) Объясните мнѣ, м-ль,

что это за маскарадъ?

ВѢРА. Солдатское платье - не маскарадный нарядъ для дочери и невѣсты солдата.

ЖЕРАРЪ. Могли бы и не напоминать. Этого я и такъ не забуду.

ВѢРА. Тѣмъ лучше для васъ, капитанъ... А переодѣться заставила меня нужда. Въ походѣ слѣдуетъ одѣваться по походному, особенно въ такой морозъ, и я рѣшила превратиться въ козака.

ЖЕРАРЪ. Что-жъ, вы, пожалуй, и стрѣлять въ насъ станете, какъ дѣлаютъ ваши амазонки?

ВѢРА. Нѣтъ, я не мѣчу въ героини.

ЖЕРАРЪ. Какъ мнѣ тяжело видѣть васъ въ этомъ нарядѣ!..

ВѢРА. А развѣ мнѣ не къ лицу?

ЖЕРАРЪ. Вы напрашиваетесь на комплименты, м-ль. Сами знаете, что вы для меня и въ солдатскомъ платьѣ - принцесса...

ВѢРА. А вы непокорный подданный, мосье Жераръ. Съ тѣхъ поръ, какъ я въ первый разъ угостила васъ виномъ, вы на два комплимента непремѣнно скажете мнѣ хоть одну колкость.

ЖЕРАРЪ. А развѣ вы счетъ ведете комп иментамъ своихъ обожателей?

ВѢРА. Жераръ, что съ вами сегодня?

ЖЕРАРЪ. ~~Вѣра~~ что и вчера... Это самооборона... Я такъ не счаст лив

ВѢРА. Вы забыли назвать меня сестрой.

ЖЕРАРЪ. Нѣтъ у меня къ вамъ братскихъ чувствъ, и это хорошо вамъ извѣстно... Меня волнуетъ ваша близость... ревность душитъ меня а я осужденъ терпѣть вашу короткость съ другимъ человѣкомъ, пожимать ему руку, съ улыбкой благодарить его за великодушныя заботы обо мнѣ.

ВѢРА. Жераръ, вы съ ума сошли... Всего нѣсколько дней, какъ мы знакомы...

ЖЕРАРЪ. Я полюбилъ васъ съ перваго взгляда.

ВѢРА. Я не хочу васъ слушать... Перестаньте!... (хочетъ итти)

ЖЕРАРЪ. Останьтесь, м-ль... Обѣщаю вамъ быть сдержаннѣе... Не одни мои чувства къ вамъ разстраиваютъ меня. Своей чуткой женской душой вы поймете меня, сестра Вѣра. Конецъ войны близокъ, близка трагическая развязка, а я сижу здѣсь безпомощный, безполезный своимъ, лишенный возможности умереть за императора. Я готовъ бы отдать сто жизней, лишь бы его спасти....

ВѢРА. Какъ вы преданы ему!.. А между тѣмъ, что онъ сдѣлалъ для Франціи?

ЖЕРАРЪ. Онъ? Прекратилъ междуусобія, превознесъ Францію надъ всей Европой, бросилъ къ ея ногамъ королевскіе вѣнцы, какъ побѣдные трофеи. Онъ - повелитель 20 народовъ, гигантъ, чародѣй, своимъ волшебнымъ жезломъ превратившій своихъ братьевъ въ королей, маршаловъ, въ полубоговъ, а послѣдняго изъ своихъ солдатъ - въ героя. Пускай наши тѣла служатъ ему ступенями къ еще большей славѣ - мы всѣ до од-

ного готовы отдать за него нашу кровь, счастье, жизнь, и умирая за него, будемъ считать себя счастливыми...

ВѢРА. Какое ослѣпленіе!.. Какъ онъ сумѣлъ очаровать васъ всѣхъ.

ЖЕРАРЪ. Я сынъ народа... Революція сдѣлала меня свободнымъ, но нуженъ былъ геній императора, чтобы обратить наши свободные порывы на благо Франціи, открывъ каждому изъ насъ широкій путь къ славѣ. Потому то я и волнуюсь, что мнѣ не даютъ послужить моему герою... Дайте мнѣ уйти... Во что я вашимъ? Раненый, больной, скованный не цѣпями, а однимъ лишь словомъ... На свои чувства къ вамъ я не нахожу отвѣта, и не въ силахъ молча переносить эти мученія. Пусть лучше убьютъ меня часовые, пусть похоронитъ метель... Вы женщина, чуждая нашихъ дикихъ понятій о чести. Скажите, развѣ слово, данное врагу, обязательно? Въ такой страшной крайности неужели же я не могу нарушить его...?

ВѢРА. Я бы на вашемъ мѣстѣ не нарушила.

ЖЕРАРЪ. Да, да, вы правы, и я заслужилъ этотъ урокъ. Долженъ терпѣть, покориться... Но какъ это тяжело...

ВѢРА. И намъ не легче..

ЖЕРАРЪ. Вы у себя дома...

ВѢРА. Нѣтъ у насъ домовъ, вы все отняли.

ЖЕРАРЪ. Не мы, вы сами все разоряли, жгли ..

ВѢРА. Въ этомъ наша слава...

ЖЕРАРЪ. Нѣтъ, какъ хотите, это варварство, фанатизмъ... Всѣ эти пожары, крестьянское ополченіе, партизанская безпощадная война вашихъ Фигнеровъ, Давыдовыхъ - это безобразно, дико!.. Кто могъ этого ожидать?

ВѢРА. Всѣ, кто только зналъ Россію. Мы всѣ, какъ одинъ человѣкъ поднялись на защиту ея. Отцовъ перебьете, дѣти будутъ сражаться. Государь не заключитъ мира, пока хоть одинъ вооруженный непріятель останется на нашей землѣ. Это его слова, и мы всѣ съ нимъ согласны.

ЖЕРАРЪ. Если всѣ русскія женщины похожи на васъ...

ВѢРА. Общее несчастье заставило насъ сплотиться дружнѣй и сблизило съ народомъ. Его самоотверженіе безгранично. Лишивъ ваши войска крова, пропитанія, спокойствія - оно-то и погубило васъ... Чего только не пришлось вынести каждому изъ насъ!.. Я рано осиротѣла, жила у Сѣверскихъ и любила стараго графа, какъ родного отца. Онъ умеръ въ началѣ войны, и мы, женщины, остались однѣ въ опустѣлой усадьбѣ. Дворня разбѣжалась, по ночамъ къ намъ стучались мародеры. Съ часу на часъ ждали враговъ, но меня выручилъ женихъ, и я послѣдовала за нимъ. Передъ отъѣздомъ онъ самъ поджегъ нашъ любимый, полный воспоминаніями, домъ... Врагамъ достались однѣ развалины... И не мы одни, послѣдній бѣднякъ въ селѣ жегъ свое насиженное гнѣздо и шелъ умирать въ лѣсъ, скорѣе, чѣмъ покориться вамъ.

ЖЕРАРЪ. Этого я не понимаю. Кому нужны подобныя жертвы?

ВѢРА. Онѣ спасли насъ, спасли Россію.

ЖЕРАРЪ. Значитъ, въ вашихъ глазахъ я вѣчно останусь врагомъ вашей холодной родины? Никогда вы не смягчитесь, не пожалѣете меня?

ВѢРА. Я жалѣю васъ...

ЖЕРАРЪ. Благодарю, благодарю за это слово... Вѣра!.. Я безумно люблю васъ!..

ВѢРА. Не надо... Зачѣмъ? Вы огорчаете меня, Жераръ... (встаетъ)

ЖЕРАРЪ. Но вы не оскорбились? Прощаете? Сочувствуете мнѣ?

ВѢРА. Вы не должны такъ говорить... (онъ цѣлуетъ ей руки)

ЖЕРАРЪ. Радость моя, скажите: будь вы свободной, пошли бы со мной навстрѣчу счастью?

ВѢРА (высвободивъ руки) Оставьте!.. Это насиліе... Я слишкомъ долго слушала васъ... (уходитъ, но останавливается, встрѣтившись съ Саблинымъ. Вслѣдъ за нимъ входитъ Сѣверскій).

САБЛИНЪ. Опять этотъ французъ!.. Сейчасъ прибудетъ главнокомандующій. Извольте итти къ себѣ, сударь... Намъ шпіоновъ не надо. (смѣривъ Саблина вызывающимъ взглядомъ, Жераръ уходитъ, пожавъ плечами).

ВѢРА. Какъ вамъ не совѣстно, полковникъ?

САБЛИНЪ. А вамъ не совѣстно заступаться за врага? (входитъ Сѣверскій).

ВѢРА. Вы, кажется, читаете мнѣ наставленія?

САБЛИНЪ. Гдѣ мнѣ!.. Вѣдь я не военноплѣнный...

СѢВЕРСКІЙ. Что это у васъ? Опять словесная перестрѣлка съ Вѣрой?

САБЛИНЪ. Нѣтъ, я положилъ оружіе.

СѢВЕРСКІЙ. А знаете, Саблинъ, войскамъ велѣно строиться...

САБЛИНЪ. Послѣ, графъ... Вашей кузинѣ не интересны наши полковыя дѣла.

ВѢРА. Ты чѣмъ то озабоченъ, Гриша? Можетъ быть непріятности по службѣ?

САБЛИНЪ. Какія же могутъ быть у него непріятности?

ВѢРА. Я говорю не съ вами, полковникъ, а съ моимъ женихомъ... Когда будешь свободенъ, Гриша, зайди ко мнѣ.

СѢВЕРСКІЙ. Непремѣнно... (она уходитъ).

6.

СѢВЕРСКІЙ. Какъ ей идетъ этотъ нарядъ!..

САБЛИНЪ. Не мнѣ судить...

СѢВЕРСКІЙ. Вы на нее сердиты, Матвѣй Дмитріевичъ, но вы сами виноваты...

САБЛИНЪ. А вы, графъ, не имѣли права разбалтывать ей наши

полковыя тайны. Это ребячество можетъ дорого обойтись намъ...

СѢВЕРСКІЙ. Ребячество!.. вы забываетесь, полковникъ.

САБЛИНЪ. Не обижайтесь, графъ, моей прямотѣ. Мнѣ еще многое надо сказать вамъ.

СѢВЕРСКІЙ. Мнѣ кажется, полковникъ, вы и такъ довольно сказали.

САБЛИНЪ. Выслушайте меня, Григорій Павловичъ!.. Вы даете своему плѣннику слишкомъ большую свободу. Кто намъ поручится, что онъ, все высмотрѣвъ, не удеретъ къ своимъ?

СѢВЕРСКІЙ. Его честное слово. Онъ офицеръ.

САБЛИНЪ. Удивляюсь вашей довѣрчивости... Неужели вы не замѣтили, какими дерзкими взглядами преслѣдуетъ онъ вашу невѣсту?

СѢВЕРСКІЙ (вспыхнувъ) Глупости!..

САБЛИНЪ. Увѣряю васъ, графъ...

СѢВЕРСКІЙ. Ну да; у нихъ послѣдній конюхъ позволяетъ себѣ отпускать комплименты хотя бы женѣ самого императора. Но отъ излишней любезности Вѣра сумѣетъ оградить себя.

САБЛИНЪ. Если захочетъ.

СѢВЕРСКІЙ. Полагаю, вы въ этомъ не сомнѣваетесь, полковникъ, такъ же, какъ и я... Или вы имѣли намѣреніе оскорбить меня?

САБЛИНЪ. Если вы такъ принимаете мои дружескія совѣты, графъ, мнѣ остается только умолкнуть.

СѢВЕРСКІЙ. Я не хотѣлъ быть рѣзкимъ, но если бы вы знали, Саблинъ, что она для меня... Мы вмѣстѣ выросли, и я всегда, сколько себя помню, обожалъ ее... Соберите всѣ сокровища міра; всю красоту и радость жизни, упоеніе властью и жгучія земныя наслажденія - я все готовъ отдать за одну ея улыбку, за одинъ мимолетный ласковый взглядъ...

САБЛИНЪ. Да что вы, батенька, мнѣ это разсказываете? Ей скажите...

СѢВЕРСКІЙ. Не смѣю... Робѣю передъ ней, какъ мальчикъ. Боюсь нечистыми руками прикоснуться къ моей святынѣ...

САБЛИНЪ (съ горечью) Напрасно, графъ... Прикоснитесь... Онѣ это любятъ.

СѢВЕРСКІЙ. Любовь горитъ въ моемъ сердцѣ, какъ вѣнчальная свѣча, но, знаете, Саблинъ, словами не выразить...

САБЛИНЪ. Такъ выражайте иначе, чортъ возьми!.. Мнѣ то какое дѣло? (завидѣвъ Вѣру, быстро уходитъ).

СѢВЕРСКІЙ. Чудакъ!.. Вѣра, богиня моя, позволь мнѣ... (хочетъ обнять ее).

7.

ВѢРА (отодвигаясь) Опомнись, Гриша, что съ тобой?

СѢВЕРСКІЙ. Мы такъ рѣдко бываемъ одни... Я весь горю!.. Тоскую по тебѣ... Томлюсь предчувствіями несчастія... Вѣра!.. На-

дежда моя... Любовь моя... Скажи, что любишь меня... Хоть словомъ приласкай...

ВѢРА. Полно, графъ... учитесь владѣть собой.

СѢВЕРСКІЙ. У тебя сердца нѣтъ...

ВѢРА. Ты знаешь, я не люблю сценъ. Мы въ лагерѣ, а не въ пустынѣ.

СѢВЕРСКІЙ. Какимъ холодомъ вѣетъ отъ твоихъ словъ, Вѣра...

ВѢРА. Я тебѣ сестра и невѣста, а ты...

СѢВЕРСКІЙ. сестра, только сестра?

ВѢРА. На тебя не угодишь... Ну, полно, Гриша, успокойся... я приходи ко мнѣ... (входитъ Саблинъ, фельдфебель и солдаты) Здѣсь не мѣсто для объясненій. (уходитъ).

СѢВЕРСКІЙ. Безчувственная... (солдаты выстраиваются).

8.

САБЛИНЪ (волнуясь) Войскамъ приказано строиться, графъ. Сейчасъ выйдетъ главнокомандующій. Интересно, какъ отнесется онъ къ требованію солдатъ?

СѢВЕРСКІЙ. Теперь мнѣ все равно...

САБЛИНЪ. Не лучше ли намъ уйти? Къ чему раздражать старика?

СѢВЕРСКІЙ. Нѣтъ, я останусь... Идите къ своей ротѣ, полковникъ... (Саблинъ послѣ нѣкотораго колебанія уходитъ).

СОЛДАТЫ (выстраиваясь) Ну, заварили кашу, теперь расхлебывай.. Свѣтлѣйшій, говорятъ, страсть какъ серчаетъ... Да нешто мы бунтовали? Зря всполошились... Свѣтлѣйшій... свѣтлѣйшій... Ну, быть грозѣ... (входятъ Кутузовъ, Толь и полковникъ Шварцъ)

ФЕЛЬДФЕБЕЛЬ. Смирррно... (мертвая тишина. Кутузовъ медленно подходитъ).

9.

ТОЛЬ. Безъ свиты, безъ конвоя... Какая неосторожность...

ШВАРЦЪ. И я докладывалъ... Опасно... Бунтъ..

КУТУЗОВЪ. Гдѣ же ваши бунтовщики, полковникъ? Я что то не вижу... Здорово, ребята...

СОЛДАТЫ. Здравія желаемъ вашей свѣтлости...

КУТУЗОВЪ. Что я слышу? Солдаты, говорятъ, бунтуютъ? А мнѣ не вѣрится, братцы... Чтобы въ военное время русскій солдатъ пошелъ бунтовать, да товарищей подъ разстрѣлъ подводить, врагамъ на радость, намъ на позоръ :- да никогда я этому не повѣрю... Такъ вѣдь, братцы?

СОЛДАТЫ. Такъ точно, ваша свѣтлость...

КУТУЗОВЪ. Я это зналъ... Мои распоряженія вамъ передали неправильно, а вы сдуру махнули прямо къ дежурному генералу съ како-

то нелѣпой претензіей. Бунта не было, а такъ, глупость одна. Фельдфебель, отвѣчай, такъ, что ли?

МАРЧЕНКО (робко) Такъ точно, ваша свѣтлость... Извѣстное дѣло, по глупости... Какъ, значитъ, намъ сказывали, что ваша свѣтлость нѣмцами недовольна...

КУТУЗОВЪ (строго) Доволенъ я, или нѣтъ - не ваше дѣло... А кто васъ мутилъ, ребята, признавайтесь...

МАРЧЕНКО (робко) Да вотъ ихъ сіятельство сказывали...

КУТУЗОВЪ (съ негодованіемъ) Какъ? Мой адъютантъ?...

СѢВЕРСКІЙ (волнуясь) Позвольте мнѣ, ваша свѣтлость...

КУТУЗОВЪ. Послѣ, послѣ... (солдатамъ) Вамъ не терпится, братцы, итти на французовъ? А мнѣ, вы думаете, легко ждать, пока врагъ еще топчетъ русскую землю? А какъ быть... Потерявъ рогатину, не пойдешь на медвѣдя съ голыми руками. Вы, ребята, въ походѣ силу свою маленько порастеряли, такъ надо отдохнуть да съ силами собраться, прежде чѣмъ нагрянуть на француза, да и рубить его нехристя, какъ капусту. Такъ?

СОЛДАТЫ. Рады стараться, ваша свѣтлость... Насъ хоть въ огонь веди...

КУТУЗОВЪ. Не я васъ поведу, а ваши прямые начальники, мои помощники, а вы должны почитать и слушаться ихъ, все равно, какъ меня... Поняли?

СОЛДАТЫ. Поняли, батюшка, какъ не понять? Рады стараться...

КУТУЗОВЪ. Вотъ видите, батюшка, кто изъ насъ былъ правъ? Здѣсь даже намека не было на бунтъ или непокорство. Я русскаго солдата какъ свои пять пальцевъ знаю. Виноватъ только мой адъютантъ, перевравшій мои приказанія... Объявить выговоръ ротнымъ командирамъ и взыскать съ фельдфебелей за ихъ глупость предоставляю вамъ, полковникъ, - я въ ваше хозяйство не вмѣшиваюсь, - но въ виду того, что всю эту кутерьму поднялъ мой подчиненный, прошу васъ быть снисходительнымъ... Когда отпустите людей, прошу ко мнѣ въ палатку, а вы, г-нъ адъютантъ, извольте также явиться ко мнѣ... (уходитъ съ Толемъ, за ними идетъ и Сѣверскій)

ШВАРПЪ. Фельдфебель Марченко, садайся подъ арестъ.

ФЕЛЬДФЕБЕЛЬ. Слушаю, ваше высокородіе...

ШВАРПЪ. Ну ви, пуяни... Г-нъ главнокомандующій васъ прощаетъ, и я васъ прощаетъ...

СОЛДАТЫ. Покорнѣйше благодаримъ, ваше высокородіе...

ШВАРПЪ. Иту къ его свѣтлости... А ви, пуяни, не бунтовайтъ, и маршъ на свои мѣста... (уходитъ).

З А Н А В Ѣ С Ь.

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

Палатка Кутузова. Сѣверскій сидитъ у стола. Вѣра входитъ.

СѢВЕРСКІЙ (вскочивъ) Вѣра, зачѣмъ ты здѣсь?

ВѢРА. Тише... Я къ князю... Ахъ, Гриша, Гриша, бѣда мнѣ съ тобой... Ну, что ты опять натворилъ?

СѢВЕРСКІЙ. Мое дѣло... Не вздумай просить за меня, Вѣра... Я запрещаю тебѣ...

ВѢРА. Но, говорятъ, ты подъ судъ пойдешь?...

СѢВЕРСКІЙ. Пустяки... Тебя нарочно напугали...

ВѢРА. Мнѣ сказалъ Саблинъ... Онъ прост с волосы на себѣ рветъ. Хотѣлъ бѣжать сюда... Но, зная его горячность, я отсовѣтовала... Его вмѣшательство можетъ только повредить тебѣ.

СѢВЕРСКІЙ. И твое тоже... Я не мальчишка, чтобы напроказивъ, прятаться отъ наказанія за женскія юбки. Твое заступничество - оскорбленіе...

ВѢРА. Я боюсь за тебя, Гриша... У тебя много завистниковъ, враговъ. Скажи мнѣ все, и я постараюсь...

СѢВЕРСКІЙ. Повторяю, это не твое дѣло... Если ты дорожишь моимъ достоинствомъ :- уйди отсюда.... Какъ ты не понимаешь, наконецъ, что твое присутствіе въ палаткѣ главнокомандующаго могутъ истолковать въ дурную сторону?

ВѢРА. Не посмѣютъ. Всѣ знаютъ, какъ отечески онъ относится ко мнѣ. Надо быть такимъ ревнивцемъ, какъ мой женихъ, чтобы допустить возможность подобныхъ подозрѣній.

СѢВЕРСКІЙ. Ахъ Вѣра, если бы ты знала... Мнѣ говорили такія вещи...

ВѢРА. И ты повѣрилъ, Гриша?

СѢВЕРСКІЙ. Нѣтъ, нѣтъ, но ты права, я безумно ревнивъ... Это порокъ, конечно, но вмѣстѣ съ тѣмъ такое адское мученіе... Если бы ты любила меня, какъ я люблю, я, кажется, не сталъ бы ревновать... Но ты такъ холодна, такъ недоступна...

ДЕНЩИКЪ (у входа) Ваше сіятельство...

СѢВЕРСКІЙ. Сейчасъ... Помни же, Вѣра, ни слова князю обо мнѣ. Ни слова... (уходитъ. Вѣра, задумавшись, стоитъ у стола. Входитъ Кутузовъ).

2.

КУТУЗОВЪ. А, это ты, дитя... Знаю, знаю, зачѣмъ пришла... За жениха просить, такъ?

ВѢРА. Вы угадали, князь, хотя онъ запретилъ мнѣ.

КУТУЗОВЪ. Да, хорошъ гусь, твой женихъ... Такую кашу заварилъ

что и не приведи Господи... Не взлюбилъ онъ почему то Шварпа, которымъ я дорожу за добросовѣстность и тупость, два рѣдкихъ качества въ подчиненномъ, и чуть не возмутилъ противъ него весь полкъ. Спасибо солдатушкамъ, ихъ не такъ то легко смутить, да и меня они слушаются и понимаютъ. А то мои пріятели, г-да штабные, сбрадовались было и ну кричать: бунтъ... бунтъ... Да я имъ показалъ бунтъ... Не позволю я . обижать своихъ людей, ни за что не позволю...

ВѢРА. Увѣряю васъ, князь, Григорій Павловичъ не такъ виновать, какъ кажется...

КУТУЗОВЪ. Нѣтъ, нѣтъ, съ его стороны такое мальчишество не простительно... Я долженъ строго взыскать. Меня и такъ упрекаютъ въ пристрастіи къ нему.

ВѢРА. Его легко увлечь, но онъ преданъ вамъ всей душой...

КУТУЗОВЪ. Нечего сказать, хороша преданность...

ВѢРА. Ваша доброта, князь, многихъ возстановила противъ него, и самъ онъ, къ сожалѣнію, подаетъ поводъ... Я ничего не знаю навѣрное, но готова руку дать на отсѣченіе, что Гришу подбили на это дѣло...

КУТУЗОВЪ. Ну, ручку то не спѣши давать, она у тебя хорошенькая.

ВѢРА. Многіе имѣютъ на него дурное вліяніе...

КУТУЗОВЪ. Напримѣръ...?

ВѢРА. Я право не знаю, полковникъ Саблинъ, кажется...

КУТУЗОВЪ. Плохой же онъ офицеръ, если его такъ легко подбить на все дурное... Ну, говори, дитя, чего же ты отъ меня хочешь?

ВѢРА. Только снисхожденія...

КУТУЗОВЪ. Ну, такъ и быть... Пусть только повинится, а я ради тебя не буду слишкомъ строгъ.

ВѢРА. Вы такъ добры, князь...

КУТУЗОВЪ. Это мнѣ всегда говорятъ, когда хотятъ подбить на какую нибудь глупость. Но пусть это будетъ ему урокомъ и пріучитъ слушаться меня...

ВѢРА. Представьте, князь, онъ и меня не всегда слушаетъ...

КУТУЗОВЪ. Ахъ онъ злодѣй... Да какъ онъ смѣетъ... Ну, хорошо... Будь покойна, дитя...

ВѢРА. Спасибо вамъ, князь, большое спасибо... (цѣлуетъ ему руку Онъ цѣлуетъ ее въ лобъ. Въ это время входитъ Сѣверскій).

3.

СѢВЕРСКІЙ. Можно войти? (непріятно пораженный останавливается у входа. Вѣра уходитъ) По приказанію вашей свѣтлости явился полковникъ Шварпъ.

КУТУЗОВЪ. Пусть войдетъ, а вы, г-нъ адъютантъ, не торопитесь скрыться... (Сѣверскій впускаетъ Шварпа) Садитесь, садитесь, полковникъ... Вотъ нашъ бунтовщикъ. Сейчасъ за него примемся... (Садится, полковникъ тоже садится на кончикъ стула. Сѣверскій стоитъ

передъ ними съ вызовомъ на поблѣднѣвшемъ лицѣ) И тебѣ не стыдно, Григорій Павловичъ? Мутить солдатъ, меня конфузить, клеветать на честнаго, заслуженнаго офицера - это чортъ знаетъ, что такое... Я долженъ бы отдать тебя подъ судъ, но сперва хочу выслушать... (молчаніе) Ну, говори же... Чѣмъ ты можешь оправдать себя?

СѢВЕРСКІЙ (дрогнувшимъ голосомъ) Полагаю,всякое оправданіе излишне, разъ я имѣлъ несчастіе лишиться довѣрія вашей свѣтлости.

КУТУЗОВЪ. А тебѣ трудно слово сказать, чтобы вернуть мое довѣріе? Стыдно, братъ... Не ожидалъ... Своей мальчишеской выходкой ты оскорбилъ почтеннаго офицера, командира полка. Понимаешь, чего я теперь жду отъ тебя? (Сѣверскій молчитъ) Ты обязанъ извиниться... (Сѣверскій надменнымъ движеніемъ откидываетъ голову назадъ).

ШВАРЦЪ (встаетъ) Ваша сфѣтлость... Ви мнѣ посфольтъ не конфузить молядой шеловѣкъ?... Слюшайте, графъ... Скажите только, что ви ошиблись и считаете меня за шестни официръ. Этого путетъ товольно.

КУТУЗОВЪ (строго) Нѣтъ, мало... Сейчасъ же извинись передъ полковникомъ, Сѣверскій, слышишь?(Сѣверскій дѣлатъ шагъ впередъ, но останавливается въ сильномъ волненіи) Ну, что же? Я жду, г-нъ адъютантъ.

СѢВЕРСКІЙ (съ усиліемъ) Не могу...

КУТУЗОВЪ (вспыхнувъ) А, ты не можешь, сознавая вину, сказать доброе слово человѣку, старшему по годамъ и чину? Не можешь?... А издѣваться, клеветать на него можешь, да? Волновать солдатъ во время похода, когда малѣйшій намекъ на непокорство наказывается смертью - это можешь? Буянъ... Упрямецъ... Я покажу тебѣ... Я эту спѣсь изъ тебя выбью...

ШВАРЦЪ (робко) Ваша сфѣтлость...

КУТУЗОВЪ (встаетъ, волнуясь) Гдѣ ж порядокъ въ войскахъ? Гдѣ дисциплина? Такъ то исполняютъ мои приказанія? Такъ повинуются мнѣ, главнокомандующему? Меня игнорируютъ, моей власти не признаютъ, и кто же? Молокососъ... Мальчишка... Такъ я же не спущу тебѣ... Подъ судъ отдамъ...

ШВАРЦЪ (жалобнымъ тономъ) Ваша сфѣтлость...

КУТУЗОВЪ (грозно) Молчать... Такъ вотъ до чего дошло... Моими требованіями пренебрегаютъ. Разсчитывая на мое добродушіе, глумятся надо мной... Но я не потерплю... заставлю... (съ угрозой подступая къ Сѣверскому) Если ты, негодяй, не исполнишь немедленно моего приказанія...

СѢВЕРСКІЙ. Мнѣ кажется, ваша свѣтлость изволили забыть, что я дворянинъ...

КУТУЗОВЪ (опомнившись, съ горечью) Вы правы, г-нъ адъютантъ... Не встрѣчая должнаго мнѣ повинованія, я даже забылъ, что вы офицеръ...

СѢВЕРСКІЙ. Прикажите разстрѣлять меня, но унижаться никто меня

не заставитъ.

КУТУЗОВЪ. Сознаніе вины, графъ, не есть униженіе, а я лучше васъ знаю, что подобаетъ дворянину... Такъ какъ вы упорствуете, я, пожалуй, покажу вамъ примѣръ... Г-нъ полковникъ, за грубость моего подчиненнаго я самъ прошу у васъ извиненія.

ШВАРЦЪ (растерянно) Помилуйте, ваша сфѣтлость... Я завсѣмъ сконфушенъ, завсѣмъ...

КУТУЗОВЪ. Только однимъ могу я объяснить твое упорство, Сѣверскій: ты не чувствуешь себя виноватымъ, а покрываешь другого.

СѢВЕРСКІЙ. Нѣтъ, я одинъ виноватъ, одинъ...

КУТУЗОВЪ. Ты - слѣпое орудіе въ рукахъ моихъ враговъ, но мы и до зачинщиковъ доберемся...

СѢВЕРСКІЙ. Пощадите, ваша свѣтлость...

КУТУЗОВЪ. Въ такомъ случаѣ - повинись...

СѢВЕРСКІЙ (упавшимъ голосомъ) Г-нъ полковникъ!.. Прошу васъ... извинить меня...

ШВАРЦЪ. Ну да, да...я конешно... Я зналъ, что ви бравы официръ.. И я шестни официръ... И пошальста не путемъ польше каварить объ этомъ.

КУТУЗОВЪ. (со вздохомъ облегченія) Ну вотъ, такъ то лучше... Теперь вы удовлетворены, полковникъ?

ШВАРЦЪ. О, завершенно, завершенно... Мнѣ даже очень пріятно... Пляќатару, ваша сфѣтлость... Шесть имѣю откланяться вашей свѣтлости...

КУТУЗОВЪ (подаетъ ему руку, которую полковникъ съ трепетомъ пожимаетъ) До свиданія, полковникъ... (Шварцъ уходитъ. Кутузовъ останавливается передъ сильно смущеннымъ Сѣверскимъ).

4.

КУТУЗОВЪ. Григорій... За что ты огорчаешь меня?

СѢВЕРСКІЙ. Простите, князь, передъ вами я дѣйствительно виноватъ.

КУТУЗОВЪ. Ты мнѣ былъ за пріемнаго сына, близкій, довѣренный человѣкъ. И вдругъ такая оскорбительная, нелѣпая выходка... Кто тебя подвинулъ на это? Теперь мы одни.. Признавайся-ка...

СѢВЕРСКІЙ. Я далъ слово молчать.

КУТУЗОВЪ. Упрямецъ!..

СѢВЕРСКІЙ. Скорѣй умру, но никого не выдамъ.

КУТУЗОВЪ. Ну и не выдавай, хотя я и такъ готовъ признать тебя за мастера играть въ молчанку, а до виновнаго мы пожалуй и умникомъ своимъ доберемся... Зачинщикомъ былъ Саблинъ; я увѣренъ въ этомъ, и зная его беспокойный нравъ, не удивляюсь, но ты, ты Григорій... Этого я не ожидалъ.

СѢВЕРСКІЙ. Князь, позвольте мнѣ высказаться совершенно откро-

венно.

КУТУЗОВЪ. Пора, братецъ... Я было и надежду потерялъ... Ну, выкладывай все, какъ на духу. (садится)

СѢВЕРСКІЙ. Вы замѣнили мнѣ отца. Я привыкъ почитать и слушать васъ...

КУТУЗОВЪ. Гм... Вѣрю на слово... Что же дальше?

СѢВЕРСКІЙ. Позвольте же мнѣ выразить мое горестное недоумѣніе по поводу того, что творится у насъ въ арміи и штабѣ. Если бы я не зналъ вашей свѣтлости, я могъ бы подумать, какъ другіе, что мы нарочно медлимъ, чтобы дать уйти врагамъ и виновнику всѣхъ нашихъ бѣдъ - Наполеону. Повѣрьте, князь, это не я говорю, а другіе, но мнѣ больно, что я не могу уличить ихъ во лжи.

КУТУЗОВЪ. И не трудно... Въ этой лжи есть и доля правды...

СѢВЕРСКІЙ. Извините меня, ваша свѣтлость, но я такихъ шутокъ не понимаю...

КУТУЗОВЪ. Да, теперь не до шутокъ, но скажи на милость, при нашествіи враговъ, какая должна быть главная цѣль командировъ? Выгнать непріятеля, не такъ ли, потерявъ при этомъ какъ можно меньше людей? И этого мы, съ Божьей помощью, почти достигли. А ловить маршаловъ, какъ зайцевъ, или выкрасть изъ арміи Бонапарта, какъ пробовали сдѣлать казаки - на такіе кунстштюки я, братъ, неспособенъ.

СѢВЕРСКІЙ. Неужели же мы дадимъ уйти врагамъ?

КУТУЗОВЪ. Намъ важнѣе всего ослаблять, а не задерживать ихъ гнать французовъ вонъ изъ Россіи, а не обратно. Вѣдь мало нагнать непріятеля, надо его уничтожить, а доведенный до отчаянія человѣкъ стоитъ десяти. У Чичагова и Витгенштейна люди не такъ изнурены, какъ у меня. У нихъ есть запасы, а наши обозы отстали. При 15 градусахъ мороза, по колѣна въ снѣгу мои люди совершаютъ суворовскіе переходы, ночуя въ сугробахъ, безъ водки, безъ шубъ и съ неполнымъ провіантомъ, - и насъ еще упрекаютъ въ медлительности... У меня сердце болитъ за каждаго изъ нихъ.

СѢВЕРСКІЙ. Но ваша свѣтлость не разъ посылали на смерть людей.

КУТУЗОВЪ. Да, и самъ не разъ шелъ на вѣрную смерть, но теперь эти жертвы безполезны. Когда родная природа и самъ Богъ Всесильный помогаютъ намъ, не будемъ мѣшать, торопясь добивать раненаго хищника, еще способнаго къ защитѣ. Дадимъ ему истечь кровью.

СѢВЕРСКІЙ. Но, Бонапартъ, ваша свѣтлость? Неужели же онъ безнаказанно уйдетъ отъ насъ?

КУТУЗОВЪ. Нѣтъ, возмездіе близко. Его скоро затравятъ, но намъ то онъ на что, твой Бонапартъ, скажи на милость? Куда намъ дѣть его? Пускай лучше нарвется на нѣмцевъ, да на англичанъ. Тѣ жалости не знаютъ, упрячутъ его, куда слѣдуетъ, а отъ насъ онъ сбѣжитъ, ей Богу, сбѣжитъ, пока мы будемъ ходить вокругъ да около, какъ съ

писаной торбой носиться съ нимъ. Повѣрь, братецъ, роль тюремщика всегда незавидная, и добиваться ея, поставивъ на карту всѣ военныя силы Россіи, я не нахожу возможнымъ. Съ моими своевольными удальцами-командирами я не могу быть увѣренъ въ побѣдѣ.

СѢВЕРСКІЙ. Но для славы нашего оружія, для вашей славы, князь...

КУТУЗОВЪ. Никогда я не жертвовалъ ради славы своими людьми, и горжусь этимъ. Для величія Россіи мы довольно поработали, а теперь ради чего намъ стараться? Для величія Англіи? Для благополучія Бурбоновъ? Да провались они совсѣмъ... Пускай сами добиваются прадѣдовскаго престола, чѣмъ нашими руками жаръ загребать... Знаю, меня будутъ горько упрекать за то, что я обману надежды нашихъ баярдовъ, но я не люблю подвиговъ на чужой счетъ, какъ родныхъ дѣтей берегу своихъ солдатъ, и выгнавъ непріятеля изъ Россіи, буду считать свое дѣло поконченнымъ... Понялъ?

СѢВЕРСКІЙ. Удивляюсь только, какъ я раньше не понималъ всю глубину вашихъ плановъ, князь.

КУТУЗОВЪ. Однако, я съ тобой заболтался, а ты, братъ, объ этомъ разговорѣ помалкивай, благо ты умѣешь молчать. Пускай г-да штабные прохаживаются на мой счетъ, не будемъ лишать ихъ этого развлеченія, но отъ тебя, графъ, я ожидалъ большаго довѣрія. Солдатъ долженъ повиноваться, не спрашивая, почему? Иначе всякое командованіе немыслимо... Ну, зачѣмъ ты меня заставилъ кланяться нѣмцу? Развѣ это хорошо?

СѢВЕРСКІЙ. Виноватъ, ваша свѣтлость...

КУТУЗОВЪ. Я зла не помню, и ты не взыщи, голубчикъ, что я такъ накричалъ на тебя. Накипѣло во мнѣ, вотъ я и далъ себѣ волю, тѣмъ болѣе, что отдавать тебя подъ судъ мнѣ не хотѣлось, а надо было какъ нибудь удовлетворить нѣмчуру. Зато обѣщаю тебѣ не взыскивать съ Саблина. Знаю, онъ меня терпѣть не можетъ, но я уважаю его, какъ человѣка, много пострадавшаго въ эту тяжелую войну. Онъ потерялъ юношу-сына и любимаго племянника, пропавшаго безъ вѣсти. Славный былъ мальчикъ, и я дорого бы далъ, чтобы онъ оказался живъ и вернулся къ своимъ...

ДЕНЩИКЪ (у входа) Полковникъ Саблинъ проситъ разрѣшенія явиться къ вашей свѣтлости.

КУТУЗОВЪ. Ну, нѣтъ, на одинъ разъ съ меня довольно... Поди-ка, братецъ, успокой этого обиженнаго человѣка, да дружески посовѣтуй ему хоть два денька не попадаться мнѣ на глаза. Вѣрнѣе будетъ... (Сѣверскій уходитъ, впустивъ курьера).

5.

КУРЬЕРЪ. Къ вашей свѣтлости отъ адмирала Чичагова.

КУТУЗОВЪ (поспѣшно) Ну, говори же, говори... Что новаго?

КУРЬЕРЪ. Честь имѣю донести, что на Березинѣ у Студянки началась переправа бонапартовскихъ войскъ.

КУТУЗОВЪ. Какъ... У Студянки? Но я имѣю свѣдѣнія отъ самого адмирала, что переправа ожидается ниже Борисова, гдѣ непріятель на-

водитъ мосты.

КУРЬЕРЪ. Это была лишь военная хитрость.

КУТУЗОВЪ. А Чичаговъ попался какъ рыба на удочку?... Ну, что же дальше?

КУРЬЕРЪ. Мосты были наведены за одну ночь. Воодушевленные присутствіемъ Наполеона, инженеры работали по поясъ въ водѣ ..

КУТУЗОВЪ. Но что же дѣлали наши?

КУРЬЕРЪ. Адмиралъ ожидалъ подкрѣпленія отъ графа Витгенштейна, но не дождался...

КУТУЗОВЪ. Не спѣлись, значитъ... Ну?

КУРЬЕРЪ Въ лѣсу у Березины завязалась перестрѣлка. Генерала Чаплина тѣснилъ маршалъ Удино, который, будучи раненъ, передалъ начальство Нею. Потери непріятеля значительны. Раненъ маршалъ Викторъ. Говорятъ даже, будто самъ Наполеонъ раненъ, или убитъ...

КУТУЗОВЪ. И это вѣрно?

КУРЬЕРЪ. Передаю упорные слухи, ваша свѣтлость...

КУТУЗОВЪ. Слухамъ я не вѣрю, особенно хорошимъ... (входитъ адъютантъ).

АДЪЮТАНТЪ. Курьеръ отъ графа, ваша свѣтлость... (входитъ второй курьеръ).

6.

КУТУЗОВЪ. Его то мнѣ и надо... Ну?

КУРЬЕРЪ. Побѣда, ваша свѣтлость!.. Аттакованный графомъ Витгенштейномъ и Платовымъ, генералъ Партуно сдался со всей своей дивизіей, всего до 8 тысячъ человѣкъ. Ранены генералы Легранъ, Заіончекъ, Клапарэдъ...

КУТУЗОВЪ. А что же Наполеонъ? раненъ?

КУРЬЕРЪ. Никакъ нѣтъ, ваша свѣтлость... Онъ перевелъ черезъ Березину старую гвардію и самъ перешелъ. Дальнѣйшей переправой завѣдуетъ Богарне, Ней и Муратъ...

КУТУЗОВЪ. Упустили, значитъ!..

КУРЬЕРЪ. Графъ бомбардируетъ мосты... Французы тонутъ, давятъ другъ друга...

КУТУЗОВЪ. Такъ... Я предвидѣлъ...

КУРЬЕРЪ. Уронъ непріятеля огромный... Обозы въ нашихъ рукахъ...

КУТУЗОВЪ. Значитъ, полный разгромъ?

КУРЬЕРЪ. Такъточно, ваша свѣтлость...

КУТУЗОВЪ. Слава Богу!.. Значитъ близокъ часъ, когда ни одного вооруженнаго непріятеля не останется на родной землѣ... (у входа въ палатку толпятся офицеры. Кутузовъ идетъ къ нимъ) Поздравляю съ побѣдой, Господа!.. Завтра съ утра выступаемъ. Еще одно послѣднее усиліе, а тамъ можно будетъ и отдохнуть...

З А Н А В Ѣ С Ъ.

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Лагерь у Копыса на берегу Днѣпра. Лунная ночь. Въ глубинѣ сцены бѣлѣютъ хаты, деревушки сверкаетъ широкая рѣка. По обѣимъ сторонамъ палатки. Все занесено снѣгомъ. У костровъ грѣются солдаты.

1.

МАХОРКИНЪ. Глядите, братцы, плѣнныхъ съ Березины ведутъ... (Казаки подводятъ оборванныхъ французовъ).

ИВАНОВЪ. Ишь, они прифрантились: въ бабьихъ шубахъ, да въ платкахъ...

МАХОРКИНЪ. Жалки больно, на манеръ шкилетовъ...

ИВАНОВЪ. А пропадай они пропадомъ, канальи!..

УРЯДНИКЪ. Посторонись, братцы... Дайте плѣнныхъ обогрѣть...

СОЛДАТЫ. Ну, пущай погрѣются бѣдняги, пущай... (плѣнныхъ подводят къ кострамъ. Солдаты суютъ имъ сухарей).

МАХОРКИНЪ. Дать имъ, что ли сухаря? (даетъ)

ИВАНОВЪ. Дура ты, Махоркинъ, какъ погляжу. У себя изо рта для нехристей хлѣбъ отнимаешь.. Слыхалъ небось, какъ они нашихъ то плѣнныхъ ласкаютъ? Видно, что самъ французскаго плѣна не пробовалъ, а я жъ у ихняго маршала судился, Давлю по прозванію, потому народъ давитъ...

ГАВРИЛЫЧЪ. И не Давлю, а Даву, милый человѣкъ.

ИВАНОВЪ. Все одно... Такой былъ лютый, страсть... И не помоги мнѣ тогда темная ночь, валяться бы мнѣ во рву съ пристрѣленной башкой.

ТОНКОНОГОВЪ. А слыхали, братцы, Бонапартъ то, сказываютъ, удралъ!

ГАВРИЛЫЧЪ. Платовъ спапаетъ. Ужъ коли онъ кого поймаетъ, такъ самъ чортъ не отобьетъ.

ИВАНОВЪ. А енералъ Милорадовичъ тоже спуску не даетъ. Одно слово: крылатый...

ТОНКОНОГОВЪ. Съ мостовъ то, французы, говорятъ, какъ горохъ въ воду сыпались. а все же рѣку перешли...

ИВАНОВЪ. А мы тутъ бабами сидимъ... Обидно, братцы!.. (приносятъ раненаго, съ обвязанной головой Кнопу, вокругъ котораго толпятся оборванные русскіе, Сидоренко и казаки. Французовъ оттѣсняютъ отъ костровъ и уводятъ).

2.

КАЗАКИ. Нашихъ отбили, братцы...

СОЛДАТЫ. Голубчики, родимые!... Ишь, сердечные, смерзли совсѣмъ.. Сюды ихъ, къ огню... Обогрѣйтесь, родненькіе...

РУССКІЕ ПЛѢННИКИ. Спасибо, братцы, спасибо. Ужъ и не чаяли къ своимъ вернуться.

МАХОРКИНЪ. А энтотъ что? Живъ? (указываетъ на раненаго)

ПЛѢННЫЕ. Вашъ поручикъ... Больно плохъ... Не могъ онъ поспѣвать за французами. Такъ они его окаянные пристрѣлили.

СОЛДАТЫ. Ахъ они дьяволы, птенчика махонькаго... Глянь-ка, братцы, совсѣмъ красная дѣвица...

КАЗАКЪ. Онъ еще дышалъ, какъ мы на него набрели, ну и подобрали. А тамъ и своихъ ослобонили.

СИДОРЕНКО. Позвать бы доктора, братцы...

МАХОРКИНЪ. Да вотъ и они какъ разъ, ваше благородіе... (входитъ докторъ).

3.

ДОКТОРЪ. Здравствуйте, Сидоренко... Что у васъ тутъ? раненый?

СИДОРЕНКО. Да, батенька, нельзя ли помочь?

ДОКТОРЪ. А вотъ посмотримъ... Да это Ваня Мироновъ...

ПЛѢННЫЙ. Они самые. Поручикъ Мироновъ, ваше высокородіе...

ДОКТОРЪ. Знаете, Сидоренко, это тотъ самый племянникъ Саблина, котораго онъ считалъ уже погибшимъ. Я зналъ его еще ребенкомъ... (осматриваетъ раненаго)

СИДОРЕНКО. Есть надежда, докторъ?

ДОКТОРЪ. Ни малѣйшей... Но сердце еще бьется...

СИДОРЕНКО. Бѣдный полковникъ... Надо предупредить его...

СОЛДАТЫ. Свѣтлѣйшій, свѣтлѣйшій подъѣхалъ... Сюды идутъ... (входитъ Кутузовъ съ Толемъ, за ними Сѣверскій).

4.

ТОЛЬ. Такъ Чичаговъ далъ себя обмануть и выпустилъ изъ западни Наполеона?

КУТУЗОВЪ. Графъ тоже не безъ вины... Вмѣстѣ старались... Ну, да Богъ съ нимъ, съ Наполеономъ! Пускай бѣжитъ... Армія безъ вождя еще скорѣй растаетъ.

СИДОРЕНКО. Честь имѣю доложить вашей свѣтлости: Моими казаками отбитъ транспортъ нашихъ плѣнныхъ.

КУТУЗОВЪ. Ну и слава Богу... (подходитъ Саблинъ).

СИДОРЕНКО. Среди нихъ находится раненый поручикъ Мироновъ, племянникъ полковника Саблина.

САБЛИНЪ (вздрогнувъ) Ваня... Гдѣ же онъ?

СИДОРЕНКО. Онъ тяжко раненъ, полковникъ.

САБЛИНЪ. Раненъ? Казаками?

СИДОРЕНКО. Нѣтъ, французами.

САБЛИНЪ. Какъ же они своего плѣннаго?...

СИДОРЕНКО. Онъ не могъ поспѣвать за ними.

САБЛИНЪ. Такъ они покончили съ нимъ? (наклоняется надъ раненымъ)

КУТУЗОВЪ. Конечно отсталыхъ они пристрѣливаютъ... Злодѣи...

САБЛИНЪ. Онъ еще дышетъ... Ваня!.. дружочекъ!.. Докторъ... да

помогите же ему...

ДОКТОРЪ. Я сдѣлалъ все, что могъ... Но ко мнѣ обратились слишкомъ поздно...

САБЛИНЪ. Не вѣрю... Говорю же вамъ, что это невозможно... Ему и двадцати лѣтъне было... Любимый сынъ у матери... Что я скажу ей? Какъ взгляну въ глаза? Это убьетъ ее...

КУТУЗОВЪ. Ну, полно, родной, видишь, онъ не страдаетъ... Лицо спокойное...

САБЛИНЪ. Какъ собаку пристрѣлили... Бросили, какъ падаль на дорогѣ. Я самъ уговорилъ сестру отпустить его... Зачѣмъ я это сдѣлалъ? Зачѣмъ?

КУТУЗОВЪ. Не казнись напрасно, голубчикъ... Никто какъ Богъ...

САБЛИНЪ. Я самъ виноватъ... Зачѣмъ было вмѣшивать дѣтей.. Это жестоко...

ТОЛЬ. Повѣрьте, полковникъ, мнѣ искренно жаль...

СѢВЕРСКІЙ. Всѣ мы отъ души сочувствуемъ вамъ, голубчикъ... (жметъ ему руку)

ДОКТОРЪ. Все кончено... Онъ не страдалъ...

КУТУЗОВЪ. Позаботьтесь объ этомъ юношѣ, докторъ, какъ будто онъ мой родной сынъ... Ко мнѣ несите, братцы.. (убитаго уносятъ. Докторъ уходитъ. Саблинъ падаетъ на скамью, закрывъ лицо руками) Не убивайся такъ, родной мой... Ты солдатъ...

САБЛИНЪ (встаетъ) Да развѣ я жалуюсь, ваша свѣтлость? Сына потерялъ... единственнаго... Этого ребенка не пожалѣлъ... А у меня даже слезъ нѣтъ, сами видите... Но что я скажу матери?

КУТУЗОВЪ. Она русская... Пойметъ, проститъ... Всѣ мы терпимъ, голубчикъ, вся страна... Но и имъ, убійцамъ, не придется торжествовать... За смерть твоего Вани они платятся сторицей. При Березинѣ погибли тысячи... Оставшіеся въ живыхъ дошли до того, что гложутъ кости своихъ погибшихъ товарищей, убиваютъ другъ друга изъ за куска хлѣба, въ дикомъ безуміи бросаются въ огонь костровъ и своими трупами устилаютъ дороги опустошеннаго ими края.

САБЛИНЪ. Такъ имъ и надо убійцамъ... Дѣтей не жалѣютъ... (отходитъ въ сторону).

КУТУЗОВЪ (къ русскимъ плѣннымъ) Ну, братцы, благодарите Бога, что привелъ онъ васъ къ своимъ... Какого полка?

ПЛѢННЫЕ. Гренадерскаго Фанагорійскаго, ваша свѣтлость...

КУТУЗОВЪ. Славный полкъ, суворовскій... (Денщикъ приноситъ ему вина. Онъ сидитъ на скамьѣ у палатки) Не мнѣ, братецъ, не мнѣ, а этимъ молодцамъ. Имъ вино нужнѣе. Да казакамъ поднеси за избавленіе своихъ.

ТОЛЬ. Вашей свѣтлости ничего не останется.

КУТУЗОВЪ. Не бѣда... Все сюда неси... (денщикъ идетъ въ палатку А что мальчика обрядили?

СѢВЕРСКІЙ. Сейчасъ пойду узнать, ваша свѣтлость. (уходитъ.

КУТУЗОВЪ. Я и самъ взгляну, помолюсь... Обѣщалъ же я позаботиться. (денщикъ приноситъ вино) Ну, братцы, за царя да за матушку-Русь. Ура... (плѣнные и казаки пьютъ и кричать "ура") За ваше здоровье, ребята...

ПЛѢННЫЕ. Покорно благодаримъ, ваша свѣтлость...

КУТУЗОВЪ. Сердечно радъ вамъ всѣмъ и поздравляю съ возвращеніемъ (Толю) Пойдемъ, полковникъ... (уходитъ съ Толемъ).

5.

ФЕЛЬДФЕБЕЛЬ (входитъ и подходитъ къ Саблину) Ваше высокородіе, что прикажете съ плѣнными французами дѣлать? Съ ними сладу нѣтъ... Съ голоду, что ли ошалѣли. Хлѣба требуютъ... Я имъ русскимъ языкомъ говорю, что обозы запоздали и провіанта нѣтъ, а они знай галдятъ по своему да бунтуютъ...

САБЛИНЪ. Бунтуютъ? Они смѣютъ еще бунтовать? Такъ перебить ихъ мерзавцевъ, какъ они нашихъ перебили....

СИДОРЕНКО. Полно, полковникъ, не горячитесь передъ людьми...

САБЛИНЪ. Я не горячусь, разсуждаю хладнокровно. Наши солдаты голодаютъ. Я самъ съ утра въ ротъ ничего не бралъ. Не отнимать же намъ послѣдній сухарь у нашихъ храбрыхъ, преданныхъ солдатъ, чтобы отдать бѣшенымъ собакамъ? Кормить негодяевъ, звѣрски убивающихъ нашихъ дѣтей? Ваню Миронова они не пожалѣли, такъ и ихъ подлецовъ нечего жалѣть... То, что дѣлаютъ партизаны, сдѣлаемъ и мы...

СИДОРЕНКО. Но ихъ человѣкъ 40, если не больше. Фельдмаршалъ ни за что не допуститъ.

САБЛИНЪ. Ему незачѣмъ знать. Стоитъ толковать о подобной сволочи... Мы здѣсь мерзнемъ, голодаемъ, а они пришли отнимать у насъ послѣдній кусокъ хлѣба, да мѣсто у огня. Пристрѣлить же ихъ, какъ они нашихъ, не жаля дѣтей, пристрѣливаютъ.

СИДОРЕНКО. Одумайтесь, полковникъ!.. Я уважаю ваше горе, но зачѣмъ же вымѣщать наши потери на этихъ несчастныхъ? Если вы не образумитесь, мнѣ придется довести до свѣденія главнокомандующаго.

САБЛИНЪ. Не совѣтую... Можете распоряжаться своими казаками, батенька, а здѣсь я хозяинъ... (входятъ Жераръ и Сѣверскій) Марченко, перевязать всѣхъ плѣнныхъ, солдатамъ раздать патроны, да и перестрѣлять, какъ зайцевъ, всю эту сволочь... Слышишь?

6.

МАРЧЕНКО. Слушаю, ваше высокородіе...

ЖЕРАРЪ. Какое варварство!.. Какой ужасъ!..

МАРЧЕНКО. А мнѣ бы письменный приказецъ, ваше высокородіе. Оно конечно, французы басурманскаго сословія, а все же какъ будто люди.

САБЛИНЪ. Что? Ты у меня разсуждать? Я тебѣ покажу!... Сейчасъ все исполнить, какъ я приказалъ... Не медлить...

ЖЕРАРЪ. Неужели же вы допустите, графъ?

СѢВЕРСКІЙ. Опомнитесь, полковникъ!... Что вы затѣяли?

САБЛИНЪ. То, что давно дѣлаютъ храбрый Фигнеръ и другіе партизаны... Фельдфебель Марченко!... Сейчасъ же разстрѣлять плѣнныхъ... (Жераръ бросается къ нему)

ЖЕРАРЪ. Такъ и я раздѣлю ихъ участь... Убейте и меня!...

САБЛИНЪ. Васъ то въ первую голову...Связать его, Марченко!...

СУДОРЕНКО. Это безобразіе!...

СѢВЕРСКІЙ. Я не допущу!.. Сохрани тебя Богъ, Марченко, тронуть хоть одного изъ плѣнныхъ... Именемъ свѣтлѣйшаго приказываю тебѣ ждать дальнѣйшихъ распоряженій.

МАРЧЕНКО. Слушаю, ваше сіятельство... (уводитъ Жерара, Сидоренко уходитъ).

7.

САБЛИНЪ (отведя Сѣверскаго въ сторону) Да поймите же наконецъ, за кого вы заступаетесь, графъ? За подлеца, отнявшаго у васъ сердце вашей невѣсты.

СѢВЕРСКІЙ (запальчиво) Вы лжете, полковникъ...

САБЛИНЪ. А, вотъ вы какъ?... Хорошо же!... (Вѣра появляется у входа ближайшей палатки) Вотъ и она... Спросите у нея, спросите...

СѢВЕРСКІЙ (подходитъ къ ней) Зачѣмъ ты встала, Вѣра? Зачѣмъ ты здѣсь?

ВѢРА. Я давно проснулась... Мнѣ послышалась тревога...

САБЛИНЪ. Да, плѣнные бунтовали, но ихъ велѣно усмирить. Идите къ себѣ, Вѣра Алексѣевна. Скоро начнется казнь.

ВѢРА. Безъ суда?

САБЛИНЪ. Въ военное время бунтовщиковъ не судятъ, а казнятъ. Велѣно всѣхъ перестрѣлять...

ВѢРА (вздрогнувъ) Всѣхъ?

САБЛИНЪ. Да... (отходитъ въ сторону. Сѣверскій и Вѣра остаются одни около палатки).

ВѢРА. Я что то не понимаю... Неужели это правда, Гриша?

СѢВЕРСКІЙ. Да.

ВѢРА. Но это безбожно!... А... твой плѣнникъ?

СѢВЕРСКІЙ. Онъ пожелалъ умереть съ ними?

ВѢРА. И ты допустишь? Спокойно будешь глядѣть?

СѢВЕРСКІЙ. Сознайся, что ты боишься за своего возлюбленнаго?

ВѢРА. Не вѣрь этому, Гриша, не вѣрь!... Это все Саблинъ. Все его низкія грязныя подозрѣнія... А между тѣмъ онъ самъ...

СѢВЕРСКІЙ. Какъ... И Саблинъ тоже? Ему одному я считалъ возможнымъ довѣрить тебя...

ВѢРА. Онъ фальшивый, низкій человѣкъ... не вѣрь ему, Гриша...

Остановн эту бойню... Какъ адъютантъ князя, ты все можешь...

СѢВЕРСКІЙ. Такъ поклянись мнѣ, что ты не любишь француза... Поклянись...

ВѢРА. Я только жалѣла его...

СѢВЕРСКІЙ. Отъ жалости до любви не далеко...

ВѢРА. Я боролась съ собой, клянусь тебѣ, Гриша. Ни разу не выдала себя... А вѣдь онъ все равно уѣдетъ... и никогда не вернется ко мнѣ...

СѢВЕРСКІЙ. Ты жалѣешь объ этомъ, Вѣра? Ты любишь его...

ВѢРА. Я забуду о немъ... Буду тебѣ вѣрной, преданной женой... Но если между нами прольется эта кровь, я никогда не прощу тебѣ, Гриша... Послушай, убійство можетъ уже началось... Ради Бога, милый, заступись... Ради меня... (идетъ къ Саблину) Сжальтесь, полковникъ... Пощадите этихъ несчастныхъ, умоляю васъ...

САБЛИНЪ. Просите жениха пощадить вашего поклонника, это его дѣло.

ВѢРА. Вы безжалостны... Господи... Что же мнѣ дѣлать? Кого просить? (плачетъ)

СѢВЕРСКІЙ. Знаю, ты по немъ плачешь, но все равно... Пусть будетъ по твоему, Вѣра... Не могу видѣть твоихъ слезъ...

ВѢРА (бросается къ нему и обнимаетъ его) Милый... рыцарь мой... Благодарю тебя...

СѢВЕРСКІЙ (идетъ въ глубину сцены, гдѣ у костровъ дремлютъ солдаты) Сейчасъ распоряжусь... (говоритъ съ ними. Одинъ изъ нихъ уходитъ)

САБЛИНЪ. Что-жъ, торжествуйте, барышня... Одурачили мололца...

ВѢРА. Не вамъ бы говорить, полковникъ... Захоти я только, и вы бы сами...

САБЛИНЪ. Позвольте... Каковы бы ни были мои чувства, я ни разу не обмолвился о нихъ. (Сѣверскій возвращается) Если бы не ваша сентиментальность, графъ, все было бы уже кончено...

СѢВЕРСКІЙ. Перестаньте, полковникъ...

САБЛИНЪ. теперь вамъ остается только до конца разыграть смѣшную роль Донъ-Кихота, соединить влюбленныхъ и благословить ихъ на счастье. Поздравляю... /уходитъ, нервно смѣясь. Вѣра и Сѣверскій, оставшись одни, стоятъ у входа въ палатку, заслоненные этой палаткой отъ спящихъ солдатъ/.

8.

СѢВЕРСКІЙ. Нахалъ... И я не могъ заступиться за тебя... Вѣра, что ты сдѣлала со мной?

ВѢРА. Забудемъ это, милый...

СѢВЕРСКІЙ. Да развѣ это возможно?

ВѢРА. Зачѣмъ ты открылъ мнѣ глаза? Зачѣмъ такъ грубо освѣтилъ такіе уголки моей души, куда я и сама боялась заглянуть? Не знаю,

кто изъ насъ больше виноватъ, но я многое бы дала, чтобы этого не случилось.

СѢВЕРСКІЙ. Какъ ты могла такъ забыться, Вѣра? промѣнять наше чистое, святое чувство на низкій порывъ перваго попавшагося мерзавца... Полюбить врага, нищаго голоштанника... Стыдись, Вѣра...

ВѢРА. Мнѣ нечего стыдиться... Онъ всегда уважалъ меня.

СѢВЕРСКІЙ. И ты смѣешь еще вспоминать о немъ? Какой же я былъ дуракъ, что какъ святынѣ, поклонялся тебѣ... Правъ былъ Саблинъ... Надо было итти напроломъ... Но мнѣ не вѣрилось...

ВѢРА. Вы себя не помните, графъ...

СѢВЕРСКІЙ. Ты насмѣялась надо мной, опозорила себя... Какъ послѣдняя дѣвка вѣшалась на шею красивому солдату...

ВѢРА. Съ меня довольно... (Хочетъ уйти, но онъ удерживаетъ ее).

СѢВЕРСКІЙ. Да, этой сцены ты никогда не простишь мнѣ, Вѣра. Я вышелъ изъ себя, грубо оскорбилъ тебя... Конечно, я могъ бы многое сказать въ свое оправданіе... Что я измученъ, себя не помню съ горя, что и ты не безъ вины... Ну, не буду, не буду... Знаю, тебя ничѣмъ не тронешь... А вѣдь и у меня своя гордость... (поворачивается, чтобы итти, но вдругъ бросается къ ней и падаетъ передъ ней на колѣни) Пожалѣй, дорогая!.. Забудь!.. Я такъ безумно люблю тебя...

ВѢРА. Какая мука!.. Не унижайтесь, графъ... Могутъ увидѣть...

СѢВЕРСКІЙ. Ахъ, не все ли равно? Пощади... Я съ ума сойду... Жизнь моя!.. Любовь моя!.. (цѣлуетъ ей руки)

ВѢРА. Дай мнѣ опомниться... Не могу такъ скоро забыть... (Онъ встаетъ).

СѢВЕРСКІЙ. Такъ и я не могу жить, если ты отвернешься отъ меня.. Ты меня на смерть посылаешь, Вѣра? Скажи, ты хочешь моей смерти?

ВѢРА. Безумный человѣкъ!.. Успокойся же наконецъ... И мнѣ дай успокоиться... (уходитъ въ палатку. Онъ стоитъ въ тяжеломъ раздумьи)

СѢВЕРСКІЙ. Она хочетъ моей смерти... Одинъ исходъ!.. (Входитъ Кутузовъ. При немъ Толь, Шварцъ, Сидоренко, курьеръ и нѣсколько офицеровъ.)

9.

КУТУЗОВЪ (читая записку) Поздравляю съ побѣдой, господа!.. Я получилъ отъ графа Витгенштейна хорошія вѣсти... Великая армія въ полномъ разстройствѣ. Наполеонъ бросилъ своихъ солдатъ и самъ третей бѣжалъ къ границѣ. Туда ему и дорога!.. Ней и Богарне собираютъ жалкія остатки своихъ войскъ. Въ рукахъ Витгенштейна остались обозы, артиллерія, десятки тысячъ плѣнныхъ; а Платовъ захватилъ всю, награбленную въ Москвѣ, добычу. Съ побѣдой, господа!.. (офицеры поздравляютъ другъ друга)

СИДОРЕНКО. Ваша свѣтлость, какія будутъ приказанія насчетъ плѣнныхъ? Ихъ у насъ съ полсотни. Солдаты толкуютъ, что вы разрѣ-

шилъотплатить за смерть поручика Миронова.

КУТУЗОВЪ. Что за ерунда... Кому отплатить? Несчастнымъ голоднымъ? раненымъ? Привести плѣнныхъ, а солдатамъ велѣть строиться... (Сидоренко уходитъ) Чья это выдумка, господа?

СѢВЕРСКІЙ. Мы считали это возмездіемъ, ваша свѣтлость, за смерть Миронова.

КУТУЗОВЪ. Какъ, и ты тоже? Вотъ отъ кого не ожидалъ такой жестокости...

СѢВЕРСКІЙ. Виноватъ, ваша свѣтлость... Дайте мнѣ какое нибудь опасное порученіе... Позвольте умереть...

КУТУЗОВЪ. Да ты рехнулся, братецъ, право рехнулся... То плѣнныхъ хочешь бить, то самъ на самоубійство напрашиваешься... Оставайся при мнѣ, пока я все не разберу. (Солдаты приводятъ плѣнныхъ, между ними и Жераръ) А, вотъ и плѣнные... Зачѣмъ они связаны? Развязать... (ихъ развязываютъ солдаты, которые выстроились передъ нимъ) Ребята, поздравляю васъ съ побѣдой... Бонапартъ безъ памяти бѣжалъ отъ нашихъ храбрыхъ войскъ. Захвачены десятки тысячъ плѣнныхъ и весь обозъ. Будетъ чѣмъ и побѣду помянуть, и съ голодными подѣлиться, и озябшихъ пріодѣть. Настала зима, но не вамъ бояться ея, дѣти сѣвера... Французамъ она - лютый врагъ, а намъ - добрая союзница... Богъ поможетъ намъ съ вами одолѣть враговъ, и какъ Онъ былъ милостивъ къ намъ, такъ и мы будемъ милостивы къ побѣжденнымъ. За вѣрную службу васъ наградитъ Государь, а я сердечно благодарю васъ всѣхъ за ваши труды, мужество и терпѣніе ..

СОЛДАТЫ. Рады стараться, ваша свѣтлость...

КУТУЗОВЪ. Вамъ всѣмъ, братцы, туго пришлось, да теперь ужъ недолго терпѣть. Скоро ни одного вооруженнаго непріятеля не останется на нашей землѣ, скоро вернемся мы въ свои дома, къ своимъ близкимъ, къ семьямъ роднымъ. А каково этимъ несчастнымъ? Взгляните, до чего они дошли?... Теперь можно и ихъ пожалѣть... Такъ вѣдь, братцы?

СОЛДАТЫ. Такъ точно, ваша свѣтлость... Ура...

КУТУЗОВЪ. А и то сказать: кто ихъ звалъ къ намъ въ гости? И зачѣмъ они, собачьи дѣти, лѣзли воевать съ нами? Ну, да что съ нихъ возьмешь... Богъ съ ними, братцы... Лежачаго не бьютъ у насъ на Руси... Милость побѣжденнымъ, а вамъ слава во вѣки... Ура... (при крикѣ "ура" отпускаетъ солдатъ и свиту и обращается къ Сѣверскому) Ну, а ты что скажешь, отчаянная голова? Правъ ли я?

СѢВЕРСКІЙ. Правы, тысячу разъ правы, князь... Дайте мнѣ умереть.

КУТУЗОВЪ. Зачѣмъ умирать? Ты мнѣ еще нуженъ... Да наконецъ невѣста будетъ плакать...

СѢВЕРСКІЙ (съ горечью) Утѣшится...

КУТУЗОВЪ. А, вотъ въ чемъ дѣло... Повздорилъ съ ней, да сейчасъ и умирать собрался. Такъ?

СѢВЕРСКІЙ. Вамъ, какъ отцу могу открыться, князь... Она любитъ

другого.

КУТУЗОВЪ. Не можетъ быть...

СѢВЕРСКІЙ. Сама призналась... Научите, какъ мнѣ быть?

КУТУЗОВЪ. Ну, я въ чужихъ дѣлахъ не совѣтчикъ, но на твоемъ мѣстѣ, братецъ, не сталъ бы неволить ее - насильно милъ не будешь - а предоставилъ бы ей свободу выбора.

СѢВЕРСКІЙ. Но я не могу, князь!... Не выношу мысли, что она можетъ быть счастлива съ другимъ.

КУТУЗОВЪ. Значитъ, ты предпочитаешь видѣть ее несчастной съ тобой? Плохо же ты любишь ее, графъ... Женское сердце - вольная птица, въ клѣтку не засадишь. А если ты предоставишь ей свободу, кто знаетъ, не вернется ли она къ тебѣ?

СѢВЕРСКІЙ. Нѣтъ, нѣтъ, князь, она покинетъ меня, а я умру съ горя

КУТУЗОВЪ. Э, братецъ ты мой!.. Любовью живутъ, но отъ нея рѣдко умираютъ. Ну что толку, если ты насильно удержишь невѣсту? Что за жизнь будетъ у васъ? Сущій адъ... А ты думаешь, у тебя кромѣ любви и дѣла нѣтъ на землѣ? Нѣтъ, ты еще нуженъ и мнѣ, и матушкѣ-Россіи. Офицеру стыдно малодушничать... Надо привыкать глядѣть въ глаза не только опасности, но и горю...

СѢВЕРСКІЙ. Такъ пусть она дѣлаетъ, что хочетъ... Откажусь отъ нея, отъ счастья, отъ всего... Теперь, князь, вы довольны мной?

КУТУЗОВЪ. Доволенъ, голубчикъ... И вѣрь моему слову, еще будетъ тебѣ счастье...

СѢВЕРСКІЙ. Вы позволите мнѣ удалиться, ваша свѣтлость?

КУТУЗОВЪ. Иди, иди къ ней... (Сѣверскій уходитъ).

З А Н А В Ѣ С Ъ.

Д Ѣ Й С Т В І Е П Я Т О Е.

Палатка Сѣверскаго. Солдатъ Махоркинъ вводитъ Жерара.

1.

ЖЕРАРЪ. Куда вы привели меня? Это палатка графа Сѣверскаго.

МАХОРКИНЪ. Такъ точно. Намъ такъ значитъ и приказано.

ЖЕРАРЪ. А сторожить меня вамъ тоже приказано?

МАХОРКИНЪ. Никакъ нѣтъ.

ЖЕРАРЪ. Такъ оставьте меня одного... Можете сторожить у входа, если желаете. (Махоркинъ уходитъ. Жераръ въ волненіи ходитъ взадъ и впередъ)

ВѢРА (у входа) Можно войти?

ЖЕРАРЪ. Вѣра!.. (быстро идетъ ей навстрѣчу и откидываетъ полотно палатки).

2.

ВѢРА. Эмиль... Вы здѣсь? (онъ обнимаетъ ее) Если бы они васъ убили, я бы не пережила...

ЖЕРАРЪ. Ты моя наконецъ? Моя? Никому я не отдамъ тебя...

ВѢРА. Я люблю васъ, Эмиль, но намъ придется еще бороться за наше счастье.

ЖЕРАРЪ. Тѣмъ лучше... Борьбы я не боюсь...

ВѢРА. Графъ самъ подалъ мнѣ поводъ къ разрыву, и я разсталась съ нимъ...

ЖЕРАРЪ. Сокровище мое!.. Всѣ богатства Франціи готовъ я положить къ твоимъ ногамъ, но что я могу предложить тебѣ? Скитальческую жизнь съ бѣднымъ авантюристомъ... Служба да карты, вотъ и всѣ мои доходы...

ВѢРА. Успокойтесь, Эмиль, у меня есть капиталъ и драгоцѣнности; я за вами я готова итти хоть въ Сибирь...

ЖЕРАРЪ. Къ счастью такой жертвы не понадобится. Говорятъ, меня отпустятъ на свободу. Твой кузенъ просилъ за меня...

ВѢРА. Не вспоминайте о немъ.

ЖЕРАРЪ. Да, моя возлюбленная, забудемъ весь этотъ кошмаръ и станемъ жить мечтами о будущемъ... Я знаю, императоръ живъ, и уже перешелъ границу; онъ обязанъ былъ спасти свою драгоцѣнную жизнь, чтобы отомстить врагамъ. Я буду служить ему, выдвинусь, прославлюсь, а тебя, моя богиня, увезу въ свою прекрасную, залитую солнцемъ родину, заставлю забыть о здѣшнихъ вѣчныхъ снѣгахъ. Ты достойна быть француженкой, Вѣра...

ВѢРА. Никогда не забуду я ни свой край, ни свой языкъ, ни свою вѣру.

ЖЕРАРЪ. Не безпокойся. Хотя я самъ отлично обхожусь безъ вѣры, но тебя стѣснять не буду; ты увидишь, дорогая, что съ веселой Франціей, твоей убогой родинѣ не сравняться.

ВѢРА. Такъ много раздѣляетъ насъ... Такія страшныя преграды...

ЖЕРАРЪ. Ничего, перешагнемъ. Мы оба молоды, полны жизни, будемъ же пользоваться ея дарами, вмѣстѣ пить изъ чаши наслажденія.

ВѢРА. Мнѣ жаль графа, Эмиль... мы оба многимъ обязаны ему...

ЖЕРАРЪ. Я обязанъ ему тѣмъ, что меня чуть не разстрѣляли.

ВѢРА. Нѣтъ. Вы несправедливы... У меня къ нему было хорошее,

дружеское чувство. Оно померкло передъ сіяніемъ любви, какъ пламя свѣчи при дневномъ свѣтѣ; но я какъ будто потеряла брата...

ЖЕРАРЪ. Къ чорту брата... Пусть покоится въ мирѣ, а ты похорони и самую память о немъ. Налетѣвшая, какъ вихрь любовь, все смететъ съ дороги.

ВѢРА. Да, это правда. Я считала себя такой недоступной, привыкла повелѣвать, а теперь я - развѣнчанная королева...

ЖЕРАРЪ. Не жалѣй объ этомъ, дорогая. Я открою тебѣ новый, блаженный міръ, и ты узнаешь, какъ сладко подчинять свою волю любимому человѣку. Я весь твой, но и ты всѣми чувствами должна принадлежать мнѣ. Силой страсти я открою тебѣ путь къ неизвѣданному наслажденію. Ты опьянѣешь отъ сладости этихъ чувствъ, забудешь прошлое, родину, друзей...

ВѢРА. Но такая любовь - безуміе...

ЖЕРАРЪ. Да, сладкое безуміе... радостное пробужденіе отъ глубокаго сна, живительная гроза, чудное откровеніе... Довольно тебѣ нянчиться съ безвольнымъ мальчишкой... На мою руку ты смѣло можешь опереться. Она не дрогнетъ... Но я боюсь, тебя удержатъ, Вѣра, отнимутъ у меня...

ВѢРА. Я совершеннолѣтняя. Никто не можетъ противъ моей воли удержать меня. Но я слышу шаги... Это графъ... Вамъ не слѣдуетъ встрѣчаться съ нимъ, Эмиль...

ЖЕРАРЪ. Ты станешь презирать меня, если я буду прятаться отъ него. Уйди къ себѣ, Вѣра.

ВѢРА. Обѣщайте мнѣ по крайней мѣрѣ щадить его...

ЖЕРАРЪ. Уйди!.. (Она уходитъ. Жераръ идетъ къ выходу навстрѣчу Сѣверскому).

2.

СѢВЕРСКІЙ. Вы были не одни... Негодяй!...

ЖЕРАРЪ. Въ умѣ ли вы, графъ?

СѢВЕРСКІЙ. Вы смертельно оскорбили меня!.. Пока вы безоружны, не могу отплатить... Но это можно поправить...

ЖЕРАРЪ. Если вы намекаете на мои чувства къ вашей...

СѢВЕРСКІЙ. Замолчите!.. Не смѣйте называть ее, или я за себя не ручаюсь... Всякое объясненіе между нами считаю излишнимъ... и неумѣстнымъ. Мы все покончимъ съ глазу на глазъ, но прежде всего возвращаю вамъ ваше слово. Вы свободны, г-нъ Жераръ... Можете итти куда угодно, если только вамъ посчастливится убить меня...

ЖЕРАРЪ. Хороша свобода!.. Меня схватятъ и разстрѣляютъ, какъ убійцу. Такая дуэль равняется смертному приговору.

СѢВЕРСКІЙ. Нѣтъ, я принялъ мѣры... (вынимаетъ листокъ изъ кармана и читаетъ) Вотъ что я написалъ: "Прошу исполнить мою предсмертную волю и отпустить на свободу капитана Жерара, моего военноплѣн"

наго. Въ моей смерти никого не винить. Я самъ покончилъ съ собой".

ЖЕРАРЪ. Что-жъ, это благородно...

СѢВЕРСКІЙ. Надѣюсь, у васъ нѣтъ больше никакихъ возраженій?

ЖЕРАРЪ. Нѣтъ, но вы хотите навязать мнѣ роль какого то палача, а между тѣмъ...

СѢВЕРСКІЙ. Если вы откажетесь драться, мнѣ придется заставить васъ... (поднимаетъ руку)

ЖЕРАРЪ (вспыхнувъ) Берегитесь, графъ!... Я забылъ, что съ безумцами не спорятъ... Покоряюсь...

СѢВЕРСКІЙ. Наконецъ то!... (указываетъ на столъ, на которомъ лежатъ два пистолета) Вотъ и пистолеты. Заряженъ только одинъ. Предоставляю вамъ выборъ, г-нъ Жераръ. Черезъ пять минутъ все будетъ кончено. (Пока Жераръ подходитъ къ столу и выбираетъ пистолетъ, Сѣверскій идетъ къ выходу палатки и задергиваетъ полотно. Занавѣсъ на минуту опускается. Слышенъ выстрѣлъ).

КАРТИНА ВТОРАЯ (въ той же палаткѣ).

Сѣверскій лежитъ на походной кровати съ повязкой, которая со лба спускается на лѣвый глазъ. При немъ докторъ. Немного погодя входитъ Вѣра.

1.

СѢВЕРСКІЙ. Докторъ, дайте мнѣ яду!...

ДОКТОРЪ. Ну, ну, успокойтесь, батенька... Спокойствіе прежде всего...

СѢВЕРСКІЙ. Не хочу быть слѣпымъ уродомъ. Въ 25 лѣтъ!... Ради Бога дайте мнѣ яду...

ДОКТОРЪ. Говорятъ же вамъ, не волнуйтесь, графъ... О слѣпотѣ забудьте и думать. Лежите только спокойно, и вы поправитесь.. Можетъ еще вторымъ Кутузовымъ будете.

СѢВЕРСКІЙ. Значитъ, только кривымъ? Оставьте меня, не лечите... Все равно мнѣ не зачѣмъ жить, и не для кого. (входитъ Вѣра, но не рѣшается подойти къ больному. Онъ не видитъ ее)

ДОКТОРЪ. Нѣтъ, это изъ рукъ вонъ, что такое!... Не можете вы развѣ полежать смирно? Точно маленькій...

СѢВЕРСКІЙ. Не говорите Вѣрѣ... Господи!... Неужели не найдется никого, кто бы изъ жалости добилъ меня? Зовите Жерара. Пусть порадуется... Зовите брата, отца... Какая страшная боль!.. Добейте меня!...

ДОКТОРЪ. Тише, тише, батенька... Выпейте ~~-ка~~...(даетъ лѣкарство) Это успокоитъ васъ...

СѢВЕРСКІЙ. А, ядъ? Спасибо... (пьетъ) Что я сказалъ? Я бредилъ.

кажется... Если вздумаю кого нибудь обвинять, не вѣрьте, докторъ... Я самъ... самъ... (теряетъ сознаніе. Вѣра подбѣгаетъ. Входитъ Саблинъ).

2.

САБЛИНЪ. Что? Застрѣлился, бѣдняга? Радуйтесь, Вѣра Алексѣевна.. Это онъ изъ за васъ!...

ВѢРА. Неправда!... Докторъ, есть надежда?

ДОКТОРЪ. Есть, есть, не волнуйтесь, барышня. Рана не глубока, прекрасная, чистая рана. Мозгъ не затронутъ, и глазъ сохранимъ, если онъ будетъ только слушаться. Но никогда мнѣ не приходилось видѣть такого безпокойнаго паціента... Обморокъ у него только отъ потери крови и волненія...

ВѢРА. Онъ очнулся... Гриша!...

СѢВЕРСКІЙ. Вѣрочка!... Не думалъ я, что увижу тебя.

САБЛИНЪ. Ну, какъ дѣла, графъ? Вы не страдаете?

СѢВЕРСКІЙ. Это не важно... Докторъ, я тутъ съ вами малодушничалъ, но теперь радъ, что очнулся. Оставьте меня съ ней. Обѣщаю вамъ лежать спокойно.

ДОКТОРЪ. Да, да, побольше спокойствія, поменьше разговоровъ... Я на васъ, сестрица, надѣюсь. Помните, что отъ этого все зависитъ... Пойдемте, Матвѣй Дмитріевичъ. Онъ въ надежныхъ рукахъ...

САБЛИНЪ. Одно слово, графъ... Никто не виноватъ въ томъ, что случилось?

СѢВЕРСКІЙ. Нѣтъ, я самъ... Вотъ на столѣ записка... (Саблинъ беретъ и читаетъ про себя) Снесите свѣтлѣйшему, Саблинъ.

САБЛИНЪ. И эти правда? Честное слово?

ДОКТОРЪ. Да что вы, батенька, ошалѣли, что ли? Развѣ можно такъ приставать къ нему? Я уведу васъ... А вы, сестрица, не пугайтесь, а зовите меня, если повторится обморокъ. Помните только: прежде всего спокойствіе, абсолютное спокойствіе. (Оба уходятъ. Вѣра опускается на колѣни у постели больного).

3.

СѢВЕРСКІЙ. Дай мнѣ поглядѣть на тебя, моя радость... Слушай... Если ты не можешь быть счастлива со мной...

ВѢРА. Замолчи, милый, ради Бога!..

СѢВЕРСКІЙ. Я долженъ высказаться!... Это гнететъ меня, Вѣра... Не хочу быть камнемъ на твоемъ пути къ счастью... Дай-ка мнѣ портфель, вонъ на столѣ... (она беретъ) Передай Жерару... Проценты за Тильзитскій долгъ. Такъ и скажи... Ты свободна, Вѣрочка...

ВѢРА. Оставь!.. Я не хочу!.. Ты мнѣ всего дороже.

СѢВЕРСКІЙ. Благодарю за эту ложь, но не хочу обманывать себя... Все это уже переболѣло во мнѣ... Больнѣе раны... Не надо растравлять.

Сними кольцо... Нѣтъ силъ... (Она качаетъ головой) Сними же, чтобъ успокоить меня... (она снимаетъ съ его пальца кольцо. Входитъ Кутузовъ).

4.

КУТУЗОВЪ. Что я слышу? И тебѣ не совѣстно, Григорій Павловичъ?

СѢВЕРСКІЙ. Кажется, я промахнулся, князь...

КУТУЗОВЪ. Ну и слава Богу... Ахъ ты отчаянная голова!.. Докторъ былъ?

ВѢРА. Да, князь... Онъ обѣщалъ сохранить Гришѣ и зрѣніе и здоровье.

СѢВЕРСКІЙ. Не вѣрится...

КУТУЗОВЪ. Вѣдь это изъ за тебя, дитя... Ну что, вы помирились?

СѢВЕРСКІЙ. Я примирился...

КУТУЗОВЪ. И отлично... Помни, душа моя, ты для него самый главный докторъ. Побереги мнѣ его... (Сѣверскій теряетъ сознаніе)

ВѢРА. Ему дурно!..

КУТУЗОВЪ. Отъ волненія. Я велю послать доктора... Оставляя его на твоихъ рукахъ, я за него спокоенъ, Вѣра. Знаю, ты русская душой, а русская женщина не принимаетъ жертвъ отъ другихъ и всегда сама готова жертвовать собой. (уходитъ. Вѣра склоняется надъ раненымъ. Входитъ Жераръ).

5.

ЖЕРАРЪ. Онъ умеръ?

ВѢРА (съ негодованіемъ) Уйдите!.. Сейчасъ уйдите!.. Или я позову людей...

ЖЕРАРЪ. А, значитъ онъ не выдержалъ и выдалъ меня?

ВѢРА. Нѣтъ, но неужели же предчувствіе не обмануло меня? Неужели вы убили его?

ЖЕРАРЪ. Онъ заставилъ меня, грозилъ ударить... Я выстрѣлилъ наобумъ...

ВѢРА. Какъ это жестоко!.. А онъ вернулъ мнѣ свободу... Поручилъ передать вамъ вотъ это, какъ проценты за тильзитскій долгъ. (даетъ ему портфель).

ЖЕРАРЪ. Не отказываюсь ради тебя... Мое положеніе опасно. Меня подозрѣваютъ. Можетъ быть придется бѣжать... Буду ждать тебя въ Вильнѣ, Вѣра.

ВѢРА. Уйдете вы наконецъ? Онъ каждую минуту можетъ очнуться... Это безжалостно!..

ЖЕРАРЪ. Любовь не знаетъ жалости, все равно, что честолюбіе... Парит надъ міромъ и топчетъ подъ ногами всѣ препятствія.. Я сочувствую графу, но не уступлю ему ни одной капли изъ моей доли счастья...

ВѢРА. У насъ любятъ иначе...

ЖЕРАРЪ. Нѣтъ, Вѣра, любовь вездѣ одинакова, и ты не любишь меня, если у тебя не хватаетъ силъ перешагнуть черезъ препятствія.

ВѢРА. Перешагнуть можетъ быть черезъ трупъ близкаго человѣка?

ЖЕРАРЪ. Такъ что-жъ!... Мертвымъ покой, а намъ - блаженство...

ВѢРА. Мы говоримъ на разныхъ языкахъ, капитанъ...

ЖЕРАРЪ. Языкъ у любви одинъ, дорогая... (цѣлуетъ ее; она съ негодованіемъ вырывается).

ВѢРА. Мнѣ стыдно за васъ!... Уйдите!...

ЖЕРАРЪ. Ты отравлена страстью... придешь ко мнѣ...

ВѢРА. Никогда!...

ЖЕРАРЪ. Подумай... Промѣнять сверкающіе лучи счастья на тусклый свѣтъ лампады у постели больного...

ВѢРА. Онъ застоналъ... Уйдите, или я закричу...

ЖЕРАРЪ. Въ послѣдній разъ спрашиваю тебя, Вѣра. Пойдешь ли ты за мной?

ВѢРА (идетъ къ выходу) Степанъ!... Люди!...

ЖЕРАРЪ (бросая портфель) Проклятая аристократка... Прощай... (Уходитъ. Сѣверскій открываетъ глаза).

6.

СѢВЕРСКІЙ. Кто здѣсь? Жераръ?

ВѢРА. Я одна съ тобой, милый...

СѢВЕРСКІЙ. Иди, родная, отдохни... Оставь меня...

ВѢРА (надѣвая ему на палецъ кольцо) Гриша... Я навсегда останусь съ тобой...

СѢВЕРСКІЙ. Нѣтъ, нѣтъ, не надо!... Ты будешь несчастна...

ВѢРА. Если ты можешь забыть и... простить, счастье еще возможно для насъ...

СѢВЕРСКІЙ. Ты говоришь искренно? Не покинешь? Не бросишь меня?

ВѢРА. Никогда... (цѣлуетъ его въ голову. Входитъ Кутузовъ).

7.

КУТУЗОВЪ. Ну, что нашъ больной?

СѢВЕРСКІЙ. Князь, она не покинетъ меня...

КУТУЗОВЪ. Я такъ и зналъ... Спасибо, милое дитя, что не подвела меня. Я женщинъ, братецъ, лучше твоего знаю, а русская женщина, это кладъ... (вдали слышно радостное "ура", громъ барабановъ и лучи яркаго свѣта вливаются въ палатку, благодаря откинутому у входа Кутузовымъ полотну) Слышишь, голубчикъ, войска торжествуютъ скорое окончаніе похода. Скоро, скоро сметемъ враговъ съ лица русской земли, такъ что и пылинки не останется. Съ помощью Бога и всего русскаго народа я исполнилъ свое назначеніе.

СѢВЕРСКІЙ. Вы насъ еще въ Парижъ поведете, князь. Я поправлюсь, чувствую, что поправлюсь, и Парижъ заплатитъ намъ за разореніе Москвы...

КУТУЗОВЪ. Нѣтъ, мое дѣло кончено... Дальнѣйшая война, по моему, безполезна... Въ Парижъ васъ поведутъ другіе... Я усталъ, и мое старое сердце скоро успокоится... (стоитъ у входа палатки, освѣщенный зарею. Войска громко привѣтствуютъ его)

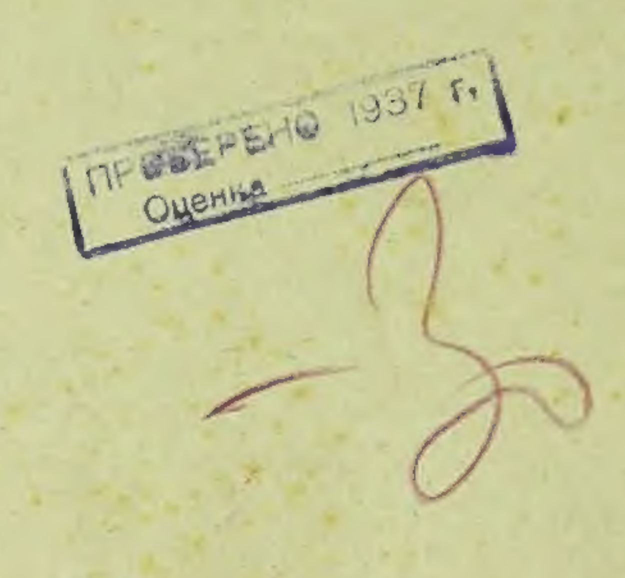
ВѢРА (тушитъ свѣчу) Вотъ уже занялась заря...

СѢВЕРСКІЙ. Заря нашего счастья, Вѣра...

КУТУЗОВЪ. Заря побѣды...

З А Н А В Ѣ С Ъ.

КОНЕЦЪ.

Цѣна трилогіи 2 рубля.

СПБ. Типо-Литографія К. Фельдманъ, Невскій 113, уг. Харьковской.